С. Аскназий

Проф. А. Н. Трайнин

Нюрнбергский процесс

Москва РИО ВЮА 1946

ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

Проф. А. Н. ТРАЙНИН

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗДАНИЕ РИО ВЮА

МОСКВА 1946

В настоящий сборник включены статьи об уголовной ответственности гитлеровцев и нюрнбергском процессе,—статьи, печатавшиеся в газетах „Правда", „Известия", в журналах „Новое время" („Война и рабочий класс"), „Октябрь" и других органах советской и зарубежной печати.

I. НАКАНУНЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

1. ДОРОГА ЗЛОДЕЙСТВА

I

Война, которую ведет гитлеровская Германия, война необычная; это война бандитская, и бандитизм, который сделался профессией гитлеровской Германии, бандитизм необычный — это бандитизм государственный. Вся государственная машина современной Германии — ее правительство и ее армия, ее чиновничество и ее полиция, ее экономика и ее идеология — подчинены одной цели: организованному государственному бандитизму.

Террор и бандитизм издавна характеризуют прусские методы ведения войны. «...всеобщее негодование, — писал Маркс о поведении немцев в франко-прусской войне 1870 года, — вызвал способ ведения войны: система реквизиций, сжигание деревень, расстреливание партизан, взятие заложников»[1]. Энгельс, касаясь франко-прусской войны 1870 года, указывал:

«...Бомбардировка города (Страссбурга. — А. Т.), имеющего независимую цитадель, командующую над ним, сама по себе является бессмысленной и бесполезной жестокостью...

...Немцы говорят, что им необходим немедленный захват города по политическим соображениям. Они намерены удержать его за собой после заключения мира. Но если это так, то бомбардировка, жестокость которой не имеет себе равной, была не только преступлением, но и грубейшей ошибкой. В самом деле, прекрасный способ путем поджогов и убийств множества жителей разрывными снарядами добиваться симпатий жителей города, обреченного на аннексию!»[2].

После тяжелого опыта «прусских» методов ведения войны 1870—1871 годов были сделаны попытки несколько обуздать сти-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 80.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. II, стр. 89.

хию войны. 17 июля 1899 года была заключена в Гааге международная конвенция, обязывавшая воюющие стороны гуманно относиться к пленным и раненым воинам и мирному населению; 4 сентября 1900 года Германия присоединилась к этой конвенции. Статья 1 Гаагской конвенции предписывала каждой из «Высоких договаривавшихся сторон» издать наказы для своих армий в согласии с провозглашенными в Гааге принципами. Германия весьма своеобразно выполнила это обязательство: в 1902 году германским генеральным штабом было издано «руководство» для офицеров („Kriegsgebrauch im Landeskriege"), в котором принципы Гаагской конвенции были полностью ниспровергнуты.

«Война, — поучал германский штаб, — не может быть направлена исключительно против армии враждебного государства и его укрепленных пунктов. Напротив, она будет и должна стремиться также разрушать у неприятеля все как духовные, так и материальные, вспомогательные источники к ведению борьбы». «Все разрушать», — так германский штаб перевел на прусский язык постановления Гаагской конвенции.

Чем более разгорались хищнические аппетиты германских империалистов, тем более жестокими становились и прусские приемы ведения войны, тем более война приобретала черты военизированного бандитизма.

В 1900 году Вильгельм II напутствовал германских солдат, отправлявшихся на китайский фронт, следующими словами: «Пощады не давать, пленных не брать. Кто попадет вам в руки — должен погибнуть. Как тысячу лет тому назад гунны под предводительством короля Атиллы создали свое имя, которое все еще делает их страшными в традиции и истории, так пусть и имя «немцы» станет в Китае через вас таким знаменитым, что и через тысячу лет ни один китаец не осмелится косо взглянуть на немца».

Прошло еще 14 лет; началась первая мировая война, и разбойничий лик германского империализма принял еще более резкие очертания.

В первые дни войны 1914—1918 годов Вильгельм II в письме к Францу Иосифу разъяснял престарелому австрийскому императору, как следует воевать «по-прусски»: «Все должно быть утоплено в огне и крови. Необходимо убивать мужчин и женщин, детей и стариков. Нельзя оставить ни одного дома, ни одного дерева. Этими террористическими методами, единственными, которые способны устрашить такой выродившийся народ, как французы, война будет кончена менее, чем в два месяца...».

Воспитанные в прусском духе, германское командование и германское офицерство выполнили и перевыполнили наставления кайзера: бомбардировка санитарных поездов, торпедирование плавучих госпиталей, убийства пленных и раненых, увод в плен мирных жителей, система заложников широко практиковались немецкими полчищами.

Как в настоящей войне, так и в 1914—1918 годах «грабежи, разрушения, поджоги и убийства делались по распоряжению военных начальников». Проф. Бедье, изучивший большое число дневников, найденных у немецких солдат, на основании свидетельств самих немцев рисует картину систематических злодеяний, совершавшихся ими в 1914—1918 годах [1]. Специальные следственные комиссии, образованные в те годы в Бельгии, Франции, Англии, России, расследовали и установили многочисленные случаи убийств, истязаний мирных граждан, военнопленных и раненых, разрушений частных и общественных зданий. Председатель Чрезвычайной следственной комиссии, образованной в России, сенатор Кривцов начинает свой отчет о злодеяниях германских полчищ в Калише [2] следующими словами: «Как в фокусе стекла, собраны здесь (Калише. — А. Т.) подвиги германских войск: их расстрел мирных жителей, увод в плен священнослужителей, чиновников, их издевательства над личностями, грабежи имущества мирного населения солдатами и офицерами, изнасилование женщин, девочек и другие злодеяния, в корне опровергающие понятие о совести, о нравственности наших соседей, кичащихся именем носителей высшей культуры».

---

[1] Bedier, „Les crimes allemands d'apres des temoignages allemands", 1915.

[2] Недавно опубликованные „Документы о немецких зверствах в 1914—1918 гг." (Москва, 1942, стр. 14—15) приводят рассказ инженера о пережитом в Калише после прихода туда немцев.

„...После обыска всех нас окружили тесным конвоем солдат; приказав все время держать руки вверх, повели в свой лагерь. Дождь шел проливной, а многие из арестованных были в одном лишь нижнем белье, без сапог. По дороге нам было объявлено, что нас ведут на расстрел в наказание за пролитую кровь немецких солдат; кто не в состоянии был итти скоро, того ударяли прикладами ружей и ранили штыками так, что многие истекали кровью. Когда мы прибыли в поле около лагеря, там только что кончилась экзекуция расстрела 19 мужчин, взятых в тот же день из заподозренных домов. Всех нас поделили на несколько партий и рядов, по 10 человек в ряд, приказано было смотреть лишь вперед; с одной стороны недалеко от нас стали на колени немецкие солдаты с направленными к нам ружьями, с другой стороны поставлен был все время молившийся старик-ксендз. Офицеры давали какие-то поручения солдатам. Словом, полная картина расстрела. Продержали нас под страхом ежиминутного расстрела около часа, затем каждой из партий в отдельности приказано было отправиться в один из трех недалеко находящихся бараков пограничной стражи. Нам было объявлено, что сейчас состоится над нами полевой суд и, пожалуй, расстреляют лишь каждого десятого. Барак закрыли и оставили нас в полном неведении относительно нашей судьбы в удушливой невыносимой атмосфере (человек стоял вплотную к человеку). Несколько раз немецкий офицер, желая что-то сообшить нам, открывал дверь барака и сейчас же захлопывал, не сказав ни одного слова, задыхаясь от удушливого воздуха... Около 4 часов пополудни нам принесли в корытах немного грязной воды и запретили даже послать за хлебом на собственный счет. В томительном ожидании проходили минуты за минутами. Наконец, в 7 часов явился в барак фельдфебель, приказал нам выстроиться в ряды опять по 10 человек и под усиленным конвоем вывел нас в поле, где опять повторилась утренняя картина, так похожая на приготовление к расстрелу...".

Уже в 1914—1918 годах немцами практиковался принудительный увод в Германию мирных жителей. Уже в 1914—1918 годы немцы брали заложников[1].

Отчеты бельгийской следственной комиссии особо подчеркивают преднамеренность и систематичность немецких злодеяний: [2] «То, что глубоко поражает в этих злодеяниях, — указано в бельгийском отчете, — это тот факт, что они не являются актами изолированными. Жестокости повторялись, оставляя кровавый след по всем провинциям. Они представляют собою преднамеренное осуществление системы, одинаково противной голосу совести и формальным положениям международного права».

Так от войны к войне все более скатывалась Германия на путь разбоя и убийств, на путь военизированного бандитизма. В настоящей войне, в войне против всех свободолюбивых народов, Германия превзошла самое себя в своем глубочайшем падении.

Осуществить свой злодейский заговор против человечества и цивилизации фашизм пытался и пытается при помощи организованного государственного бандитизма, при помощи превращения всего государственного аппарата Германии в аппарат по совершению убийства и насилий, грабежей и разрушений.

II

Иные буржуазные государствоведы с недоумением наблюдают фигуру гитлеровской державы, державы, которая с трудом укладывается в обычные типы современных государств. Сами гитлеровцы охотно называют свое стойло Führerstaat — фюрергосударством. Они не заметили, что тем самым выдают себя с головой. Дело в том, что организация банд, больших и малых, не строится по курсам государственного права. В банде все функции власти сосредоточены в одном лице — атамане. Гитлеровская Германия построена по этому образцу. Гитлер объявил себя главою правительства и государства, единственным законодателем, а после расправы 30 июня 1934 года над Ремом и его сподвижниками — также и высшим судьей. «Я сам в эти 24 часа, — уверял Гитлер, — был высшим судьей немецкого народа».

Сообщение о судейских функциях Гитлера не было только одной из истерических деклараций, до которых так падок фюрер: в законе об организации военной юстиции в военное время (август 1938 г.) прямо указано, что высшим судебным начальником (Obergerichtsherr) является Гитлер.

Аппарат гитлеровской Германии всецело приспособлен к этим особенностям ее политического устройства.

---

[1] Вот одно из объявлений немецкого командования этого периода в гор. Намюре (Бельгия): „Все улицы будут заняты немецкой стражей, которая уведет по 10 заложников с каждой улицы. Если на улице будет совершено нападение, 10 заложников будут расстреляны" („Rapport sur la violation du droit des gens en Belgique", 1915, стр. 23).

[2] „La violation du droit des gens en Belgique", 1915, стр. 8.

В гитлеровской Германии — необычайно разбухший и широко разветвленный исполнительный аппарат. Его военизированную часть образуют штурмовые и оборонные отряды, своего рода банды в банде, организации квалифицированных головорезов — исполнителей атамановой воли; его гражданскую часть образуют тучи чиновников, высокомерных и продажных, обязанных «есть глазами начальство».

Все чиновники неарийцы изъяты были из государственного аппарата Германии еще в 1933 году. Однако и это мероприятие не обеспечило того особого «тотального» послушания, которое диктуется системой государственного бандитизма. Поэтому небезызвестный «идеолог» фашистской Германии, профессиональный убийца Гиммлер, внес уточнение в те требования, которым должен удовлетворять фашистский чиновник. Гиммлер заявил: «Подчиненный, пытающийся мыслить, — враг своего начальства». Вряд ли этот гестаповский афоризм усилил склонность фашистских чиновников к самостоятельному мышлению.

Таков «профиль» фашистского чиновника в представлении руководителей фашистской Германии. Профиль населения в стране организованного бандитизма не менее своеобразен.

Фашистская пропаганда не устает, как известно, воспевать высокие качества арийской сверхчеловеческой породы. Но и эти арийские серенады всецело подчинены требованиям государственного бандитизма: при помощи расовых «теорий» все люди поделены фашистами на две категории, одну — «лучших», «отборных», которые, оказывается, имеют право грабить, и другую — «худших», «низших», которые, так сказать, ограбленными быть обязаны. Именно поэтому расизм в последние годы приобрел некоторые новые весьма любопытные черты; немец на ходулях сверхчеловека с началом войны сделался по преимуществу экспонатом для экспорта, товаром для иностранных рынков, годным для «обоснования» ограблений «подчеловеков» — поляков, греков и др. В своем же собственном фатерланде, внутри самой Германии, белобрысый «сверхчеловек» давно и сильно пал в цене: немецкий мещанин сделался существом жалким и запуганным, вдвойне запуганным и террористическим режимом бесправия, и обилием «законных» скорпионов.

Ни одно государство в мире не располагало и не располагает таким количеством карающих законов, как гитлеровская Германия.

Уголовные законы проникают во все поры политической жизни страны (закон о «защите германского народа», о «защите народа и государства», о «защите от измены и бунта»). Слова и убеждения, мысли и настроения могут служить основанием для свирепой расправы. «Дурное настроение, — угрожающе предостерегала 10 февраля 1942 г. немецкая газета „Danziger Vorposten“, — снижает работоспособность», «пессимистов следует считать саботажниками и дезертирами».

Металл и уголь, пуговицы и уксус, бумага и гуси — все, что производит и потребляет Германия, опутано густыми сетями уголовно-хозяйственных законов (Wirtschaftsstrafrecht). Под угрозой суровых наказаний подтягивается и загоняется мелкая и средняя промышленная и сельскохозяйственная рыбешка в пасть крупных и сверхкрупных хозяйственных объединений и картелей. Так, законом от 18 апреля 1935 года, распространенным 17 августа на Австрию и 1 декабря 1938 года на Судетскую область, карается штрафом до 100 000 марок каждый сочлен, который нарушит правила, регулирующие деятельность картофельного объединения. Закон 29 марта 1940 года карает смертной казнью всякого, кто каким бы то ни было образом «обогатит себя» собранным или предназначенным к сбору металлом.

Отличительной чертой бандитизма является вооруженность участников банды. В системе государственного бандитизма вооруженные силы приобретают, конечно, первостепенное значение. Поэтому гитлеровская Германия всегда уделяла и уделяет армии совершенно исключительное внимание.

Это внимание развивается в двух одинаково существенных для системы государственного бандитизма планах: в плане высокого технического оснащения армии и в плане ее глубокого морального разложения.

Военно-уголовный кодекс Германии (Strafrecht der deütscher Wehrmacht), если применительно к Германии можно упоминать о закóне, содержит § 130:

«Не признается грабежом, если захват касается только средств продовольствия, лечебных средств, одежды, топлива, фуража или транспортных средств и если соответствует встречающейся надобности».

Итак, грабить у населения «только» продовольствие, одежду, топливо, транспортные средства, лечебные средства можно, если в этом встретилась надобность. Как показал опыт войны, у фашистских вояк «надобность» грабить перманентна и ненасытна. Приказы командования возвели бандитизм в высшую патриотическую доблесть немецкого солдата. Германия узаконила грабеж.

Учитывая, какое огромное значение для бесперебойной деятельности банды имеет заинтересованность каждого участника в добыче, Гитлер заманивает своих головорезов богатствами Украины, Крыма.

Так называемый «имперский комиссар» оккупированных немцами украинских областей Эрих Кох в своем обращении к германским военнослужащим — выходцам из Восточной Пруссии обещает раздать им земли и другие богатства Украины.

«Как имперский комиссар, я получил богатую почвой и растительностью Украину, которая по воле фюрера (Гитлера) будет использована для нужд Европы... Доверие фюрера дает мне возможность обеспечить каждому из вас, чтобы там мои товарищи могли быть моими верными помощниками при решении этой ог-

ромной задачи. Я уже однажды дал вам слово, что в завоеванных вами восточных областях вы раньше всех получите предприятия и место работы... Вы и ваши дети наполните немецкой жизнью землю, которая была пропитана немецкой кровью» [1].

Конкретизируя эти обещания, специально созданные германские акционерные общества по сооружению гражданских построек рассылают фашистским солдатам на фронт проспекты вилл на Украине и в Крыму: кто хочет, может, прежде чем итти в атаку, строиться в рассрочку. Кому долго ждать и невтерпеж ждать, кому нужны и журавли в небе и синицы в руки, тому рекомендуется обратиться к добру, накопленному чужим трудом. Инструкция германского военного командования от 11 июля 1941 года предписывает «воспитать у каждого офицера и солдата германской армии чувство личной материальной заинтересованности в войне».

Германский солдат, таким образом, идет на войну, как на доходный промысел. Здесь превращение армии в банду обнаруживается со всей наглядностью и цинической откровенностью. И, пожалуй, небезынтересно вспомнить здесь уже упоминавшееся руководство германского генерального штаба. В нем приведены слова Наполеона в назидание германским офицерам: «Политика вполне согласуется с моралью, — писал Наполеон, — в воспрепятствовании грабежу. Я много обдумывал этот вопрос, часто мне предлагали награждать таким образом своих солдат. Но ничто не может так расстроить и погубить войска. У солдата нет больше дисциплины, раз ему позволено грабить». «Допущение подобных поступков, — добавляет от себя германский генеральный штаб, — ведет к отсутствию дисциплины и деморализации армии». Гитлер презрел даже руководство генерального штаба кайзеровской Германии. Однако прогноз этого руководства остается верным в отношении армии гитлеровцев...

III

Безмерны и чудовищны гитлеровские злодеяния во второй мировой войне.

Один из исследователей преступлений германских войск в войне 1914—1918 годов писал: «Поведение пруссаков в 1870—1871 годах уже обратило внимание на их психологию; их эксцессы в 1914—1918 годах широко превзошли предсказания, которые можно было извлечь из франко-прусской войны». К этому можно теперь с полной определенностью добавить: по сравнению с гитлеровскими злодеяниями настоящей войны эксцессы 1914—1918 годов являются робкими экспериментами начинающих преступников.

Гитлер решил повести истребительный смертоносный поход против народов и наций. Жертвы гитлеровской агрессии неисчислимы. Но гитлеровская агрессия не только самая кровавая: она и самая подлая агрессия в мире.

---

[1] Цитирую по ноте тов. Молотова от 27/IV 1942 г.

«Имперское правительство заявляет, — уверял в 1935 году Гитлер, — что выполнит все обязательства, вытекающие из добровольно подписанного договора даже в том случае, если этот договор был заключен до его прихода к власти». И до Гитлера и при Гитлере добровольных договоров было заключено Германией немало. Это были чрезвычайной важности договоры, заключенные в интересах сохранения и обеспечения мира. История показала, что гитлеровская Германия заключала их для темных целей: декларации и мирные договоры служили Гитлеру только орудием ведения войны; это были дымовые завесы, прикрывавшие лихорадочную подготовку агрессии.

Если бы Гитлер и его клика совершили только одно это злодеяние — агрессию, коварную, вероломную, разбойничью агрессию, повлекшую за собой миллионы человеческих жертв, — они уже совершили бы тягчайшее преступление против цивилизации и человечества. Но Гитлер пошел далее. Преступно нарушив мир, Гитлер и войну превратил в сплошную цепь злодеяний.

Даже упомянутое выше «руководство» германского генерального штаба 1902 года указывает: «Единственной целью военного плена является воспрепятствование дальнейшему участию пленных в войне... Военнопленные могут быть привлекаемы к умеренной работе. Они не должны служить военным операциям против родины пленных... Словом, военный плен не есть более акт милосердия со стороны победителя, это право обезоруженного». Мы хорошо знаем, во что в действительности превратился приведенный параграф германского руководства.

При занятии деревни Лутовна Духовщинского района Смоленской области были обнаружены на окраине деревни 27 трупов захваченных в плен и убитых немцами красноармейцев. Большинство красноармейцев было зверски замучено. Шестерых немцы сожгли на костре. Пленных подвешивали к дереву и жарили на костре. Обрывки веревки остались на березе. У семи красноармейцев были выколоты глаза, у четырех отрезаны уши и носы, у остальных вырваны ногти, вывернуты пальцы, переломаны руки и ноги.

Женевская конвенция 1929 г. установила: «Военнослужащие в случае их ранения или болезни должны пользоваться покровительством и защитой». Вот один из бесчисленных фактов, свидетельствующих о том, какое «покровительство» и какую «защиту» оказывают гитлеровцы больным и раненым красноармейцам.

В селе Боровки на Украине немцы, ворвавшись в госпиталь, отобрали перевязочные материалы, медикаменты и продукты; медсестер изнасиловали и расстреляли, а возле раненых поставили охрану и в течение четырех дней никого к ним не допускали. Часть раненых умерла. Остальных немцы позже выбросили в реку и запретили населению убирать трупы...

В международном праве является общепризнанным, что война ведется между вооруженными силами государств, что мирные граждане, оставшиеся на оккупированной территории, не могут

рассматриваются как жертвы, которых оккупанты могут грабить, истязать, убивать, эксплуатировать в качестве живого товара в другие страны и т. п. Гаагская конвенция устанавливает: «Честь и права семейные, жизнь отдельных лиц и частная собственность должны быть уважаемы. Грабеж безусловно воспрещается». Злодеяния, совершаемые германской [illegible] слу-чах, беспримерны в истории человечества.

В Ломоносовском сельсовете Чаплыгинского района Орловской области гитлеровцы раздели крестьянина Агеева, заставили его копать себе могилу, понуждая его при [illegible] несколько раз ложиться в нее. Когда могила была вырыта, палачи переломали руки, обрезали уши, выкололи глаза, а затем расстреляли. В селе Доньки Должанского района Орловской области гитлеровцы, схватив 17-летнюю девушку Надежду [illegible], на глазах ее матери Марии [illegible] обложили дочь соломой и подожгли. Мать упала в обморок; тогда гитлеровцы снова обложили девушку соломой и подожгли. Очнувшаяся мать бросилась в огонь и вытащила дочь. Ударом приклада гитлеровцы убили мать, а дочь застрелили и бросили в огонь.

Нота тов. Молотова от 11 мая 1943 года — «О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплоатирующих подневольный труд советских граждан в Германии» — указала всему миру на новые факты чудовищных насилий над мирными советскими гражданами, уводимыми на невольничьи рынки в Германию. Одна из уведенных в рабство, Надя Л., пишет из г. Хемница на родину: «Дорогая мама! Мы живем в бараке 60 душ, спим на соломе. В этом бараке очень холодно. На работу мы ходим на трикотажную фабрику. Работаем с 6 утра до 9 вечера. Есть нам дают утром тарелку окволу (капусту) и 50 г хлеба, на обед суп без хлеба, на ужин суп без хлеба. А еще на работе дают хлеб — утром 25 г и в обед 25 г. Пища, дорогая мама, плоховата, но это ничего, если бы только домой. Письмо мы ваше получили, читали и плакали. Очень я тоскую, что живу в неволе. Не вижу света, не вижу ничего, кроме своего барака страшного. Нас водят на работу и с работы, как невольников».

Все свои злодеяния, весь свой кровавый путь гитлеровцы совершают упорно и планомерно в соответствии с приказами и инструкциями командования.

Изданный от имени Гитлера приказ верховного командования германской армии от 14 января 1942 года предписывает: «Всякое снисхождение, человечность по отношению к военнопленным порицаются». В телеграмме за № 37 командиру артиллерийской бригады СС указывается, что глава гестапо и отрядов СС Гиммлер опечален: он находит количество уничтоженных мирных граждан «слишком незначительным». Гиммлер приказывает отныне ежедневно докладывать о числе расстрелянных.

Захваченные частями Красной Армии «Зеленая папка» Геринга и другие документы свидетельствуют о том, что в составе германской армии существуют специальные воинские части, назначение которых — грабить, жечь и уничтожать созданные чужим трудом ценности. Для того чтобы эти злодейства совершались по всем правилам бандитского искусства и с чисто прусаческой «уставной» методичностью, изданы специальные правила и «учебные» пособия: они обучают, как надо жечь, грабить и уничтожать чужое добро. Так, приказ по 512 пехотному полку 293 германской дивизии от 10 декабря 1941 года на семи листах развивает «план» уничтожения населенных пунктов: «Подготовка разрушения населенных пунктов должна производиться так, чтобы а) до объявления об этом у гражданского населения не возникло никаких подозрений, чтобы б) разрушение могло начаться сразу одним ударом в назначенное время» и т. д.

Убийцы и насильники, гитлеровцы пытаются собственные злодеяния приписать другим армиям и лицам: инсценировка убийства польских офицеров, подхваченная прогитлеровскими элементами польского правительства, — яркая иллюстрация этих мошеннических трюков.

Так «воюет» гитлеровская Германия.

Тысячами километров и многими десятилетиями измеряется дорога злодеяний, пройденная опруссаченной Германией.

Теперь эта дорога у предела. У гитлеризма один путь, и он с каждым часом становится короче: путь в могилу.

Враг еще не разбит. И чем теснее смыкается кольцо противников, тем более ожесточается ярость бандита. Настигаемый погоней, он готов взорвать весь мир в надежде спасти себя. Но сие от него не зависит. Сокрушительные удары Красной Армии, победы союзников гонят зверя с чужой земли все ближе к его логову, все ближе к гибели.

Идет суд истории, суровый и непреклонный, неотвратимый и грозный, он воздаст бандитскому гитлеровскому государству за все злодеяния.

2. НЕКОТОРЫЕ УРОКИ ВЕРСАЛЯ

Теперь, когда близится час полного разгрома гитлеровской Германии, вопрос о наказаниях преступников войны, организаторов и исполнителей неслыханных злодеяний, становится все более актуальным. Народы требуют, чтобы эти преступники понесли заслуженную кару. Однако кое-где в иностранной печати раздаются голоса, проповедующие снисходительность в отношении преступников войны. По существу это голоса, зовущие к повторению ошибок Версаля и оставлению в Германии опасных ростков новых

войн и новых злодейств. Между тем среди уроков, преподанных Версальским мирным договором, его авторами и его исполнителями не последнее место должна занять и поучительная история о том, как немцы, повинные в преступлениях войны 1914—1918 годов, сделались, при потворстве победителей, судьями и сами себя за свои преступления судили.

Преступления немцев в войне 1914—1918 годов были весьма значительны. Специальные следственные комиссии, созданные тогда во Франции, Англии, Бельгии и России, установили многочисленные случаи убийства немцами мирных граждан, расстрела военнопленных, разрушения городов и деревень.

Когда Германия была разгромлена и настал момент заключения мирного договора, преступления, совершенные немцами, не были забыты: в Версальском мирном договоре особый раздел (VII — «Санкции») предусматривал уголовную ответственность Вильгельма и его соратников.

«Союзные и объединенные державы, — говорилось в статье 227 Версальского договора, — предъявляют Вильгельму Второму Гогенцоллерну, бывшему германскому императору, публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров. Специальный суд будет организован, чтобы судить обвиняемого».

Так непосредственно и четко возвещал Версальский договор миру, потрясенному четырехлетней войной и злодеяниями немецких войск, о грядущем суде и покарании виновных. Действительность, однако, сложилась иначе.

Вопрос о суде над Вильгельмом был решен просто и быстро — без длительной дипломатической переписки. В ноте от 15 января 1919 года союзные державы обратились к Голландии, куда успел сбежать Вильгельм, с предложением выдать экс-кайзера, как нарушителя священных основ международной морали и международного права. Голландия в выдаче Вильгельма отказала. Могущественные державы-победительницы, поставившие на колени Германию и диктовавшие свою волю значительной части Европы, не нашли средств, чтобы заставить Голландию подчиниться требованию правосудия и выдать Вильгельма. Немцы поняли, что державы-победительницы эти средства не очень искали. В результате возвещенный Версальским договором суд над Вильгельмом остался судом, существующим лишь на страницах этого договора.

Столь же несостоятельной оказалась борьба за торжество правосудия над соратниками Вильгельма, виновными в преступлениях войны.

Статья 228 Версальского договора предусматривала право союзных держав требовать от Германии выдачи сподвижников Вильгельма, виновных в нарушении законов и правил войны. Опираясь на статью 228, Мильеран от имени союзных держав вручил 3 февраля 1920 года в Париже представителю Германии барону Ленснеру письмо с перечнем лиц, подлежащих выдаче в качестве

преступников войны. Всего союзные державы потребовали выдачи 890 человек, в том числе Гинденбурга, Людендорфа, Макензена, адмирала Тирпица, бывшего рейхсканцлера Бетман-Гольвега и др.

Барон Лерснер отказался передать германскому правительству это письмо и подал в отставку. В самой Германии началось организованное движение протеста против выдачи союзникам этих лиц. Германское правительство слало в Париж ноты и докладные записки, в которых указывало, что требование выдачи преступников войны «невыполнимо». Все было мобилизовано германским правительством для доказательства этого тезиса. Опозорив себя преступлениями против законов и обычаев войны, Германия вспомнила о «национальной чести» и «народном достоинстве». «Честь и достоинство германского народа, — писало в одной из записок германское правительство, — не могут примириться с выдачей иностранным судам своих соотечественников, обвиняемых в совершении преступлений войны». Ориентируясь в политических настроениях некоторых руководящих кругов стран-победительниц, Германия начала усиленно запугивать авторов Версальского договора призраком политических и социальных осложнений.

«Германское правительство, — сообщалось в одной из записок, — должно особо указать, что требование выдачи несомненно вызовет в Германии тягчайшие потрясения в политической и экономической области».

Юридическая позиция Германии была совершенно беспочвенна: Германия не только подписала Версальский мирный договор, но особым национальным актом передала ему обязательную силу внутригерманского закона. Германское учредительное собрание 16 июля 1919 года вотировало и опубликовало Версальский договор. Но не в юридической аргументации скрывалось решение вопроса. Не сомнения в праве требования выдачи, а намеренно раздутая Германией опасность политических и социальных потрясений смягчила сердца победителей. Германское правительство не замедлило учесть сложившуюся ситуацию и выступило с компромиссным предложением: «Германское правительство заявляет, что оно готово начать в Германии уголовное преследование против всех тех лиц, выдачи которых союзные державы намереваются потребовать». Германия клялась, что «преследование это будет вестись со всей желательной суровостью и беспристрастием».

Чтобы союзные державы легче проглотили заготовленную пилюлю, германское правительство ее старательно подсластило: Германия заявила, что «заинтересованному правительству будет предоставлено право принять прямое участие в процессе». Предложение Германии было принято, и в нарушение ст. 228 Версальского договора был в Лейпциге организован свой немецкий суд над немецкими преступниками войны. Вот несколько иллюстраций организованного Германией «суда».

В мае 1921 года в лейпцигском суде слушалось дело по обвинению унтер-офицера Гейнена в жестоком обращении с француз-

скими военнопленными. Гейнен был признан виновным и приговорен к 10 месяцам тюрьмы. Другой преступник войны, Мюллер, был приговорен к 5-месячному заключению. 29 июня 1921 года в лейпцигском суде слушалось дело генерала Штенгера. Генерал Штенгер обвинялся в том, что 16 августа 1914 года отдал приказ о расстреле раненых французских солдат. «С сегодняшнего дня, — предписывал в своем приказе генерал Штенгер, — пленных более не брать. Все пленные, раненые и нераненые, должны быть убиты... После нас не должен остаться ни один живой враг». Несмотря на то, что наличие преступного приказа было на суде точно установлено, лейпцигский суд генерала Штенгера оправдал на том основании, что в производстве суда не было *письменного* приказа о расстреле.

Так судили в Лейпциге. Так выполнила Германия свое обещание блюсти при рассмотрении дел военных преступников «всю желательную суровость и беспристрастность». Так немцы судили немцев. Соглашаясь на лейпцигское судилище, союзники в одной из нот предупреждали Германию: «Державы оставляют за собой оценку того, не будет ли процедура, предложенная Германией,... в конечном счете иметь своим последствием освобождение виновных от справедливой кары за их злодеяния. Союзники в этом случае, — грозили авторы Версальского договора, — осуществят свое право, полностью обратившись к своим собственным судам». Однако и эта угроза осталась только на бумаге: никаких «собственных судов» над лицами, не выданными союзникам, организовано не было. Как указывала тогда советская печать, на подмостках лейпцигского суда была разыграна «комедия правосудия».

Если в полной мере оценить эти события, то надо прямо сказать, что одной из причин чудовищного разгула гитлеровского кровавого злодейства в настоящей войне является безнаказанность немцев за преступления, совершенные в войне 1914—1918 годов.

Роль Советского Союза в войне против гитлеровской Германии обеспечивает ему соответствующее влияние при разрешении — совместно с союзниками — всех послевоенных проблем. Это является лучшей гарантией того, что история 1919—1921 годов в вопросе об ответственности преступников войны не повторится. Гитлер, его клика и все виновные в совершении чудовищных зверств понесут в полной мере заслуженную ими кару.

3. СТРАТЕГИЯ ТЕРРОРА

Заметалась в берлоге гитлеровская клика. Мировые проблемы, «новый порядок» в Европе забыты; на очереди иная неразрешимая задача: как найти выход из того безвыходного положения, к которому пришла гитлеровская Германия.

Еще недавно уста гитлеровских палачей сочились медовыми речами, и убийцы рисовали себя культуртрегерами, влюбленными в население оккупированных районов. Для того чтобы вырвать из памяти современников душегубки и крематории, грабежи и «зоны пустыни», они охотно ринулись в бой против фактов: организованно и методично, как раньше убивали, они начали сжигать мертвые тела истерзанных жертв — живые улики содеянного; организованно и методично, как раньше собирали скот, кастрюли и кольца, они начали собирать справки и удостоверения жителей в том, что гестаповцы относились к населению заботливо и добродушно.

В тон этой подлой игре немецких разбойников разношерстные прогитлеровские элементы — от ограниченных простаков до безгранично продажных лакеев — начали распространять за рубежом идеи милосердия и гуманности, идеи, призванные удобрить почву для снисходительного мира. Однако маскарад дьявола, нацепившего крылья амура, продолжался недолго. Правда, в иностранной прессе пущенные с гитлеровских площадок идеи компромисса еще имеют по инерции хождение, но сами хозяева, вершители судеб гитлеровской Германии, поняв бесплодность игры в гестаповскую добродетель, с новой силой обратились к своей излюбленной, никогда ими не прекращавшейся стратегии — стратегии террора.

С первых дней захвата власти Гитлером террор, разнузданный, кровавый террор, сделался основным рычагом внутреннего управления и внешней политики Германии.

Начав агрессию, гитлеровская Германия превратила войну в военизированный террор. Огонь и смерть захлестнули оккупированные немцами территории. Нельзя сказать, чтобы гитлеровцев не интересовало количество мирных граждан, павших жертвой оккупантов: в одном из документов, захваченных частями Красной Армии, указано, что Гиммлер находит число убитых «слишком незначительным», что «командиры соединений слишком мягки в проведении операций». Для того чтобы стимулировать совершение казней, Гиммлер предписывал ежедневно докладывать о количестве расстрелянных жертв. В этих приказах — политическая программа фашистских захватчиков; они желали одного: чтобы население трепетало перед их ненасытной кровожадностью. Именно такая война, террористическая война, по замыслу гитлеровских стратегов, и должна была обеспечить Германии молниеносную победу.

Однако победа не пришла. Не пришла она по стопам «тигров» и «пантер», не пришла и по следам террора. У стен Сталинграда победа круто повернула в нашу сторону. С тех пор победа венчает знамена советских и союзных войск. Очищена территория Советского Союза. Освобождены Франция, Румыния, Финляндия, Болгария, значительная часть Италии, Польши, Югославии. Гром пушек разразился над территорией самого фатерланда. Фатерланд — в тисках союзных войск. Снаряженная в 1939 году триумфальная

гитлеровская колесница в 1944 году повисла над пропастью, как опрокинутый ассенизационный обоз.

В фашистском стане начались тревога и смятение; но своей террористической стратегии гитлеровцы не изменили — фашизм и террор неразрывны. Были лишь мобилизованы новые средства.

В стратосферу были пущены самолеты-снаряды и снаряды-ракеты; в эфир — устрашающие легенды о том, что новое орудие принесет врагам «тотальную» смерть и разрушение. Вряд ли сами гитлеровские стратеги переоценивали военное значение нового изобретения: не только изменить ход войны, но даже замедлить приближение катастрофы этот поход в стратосферу не мог и не может.

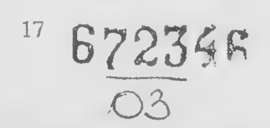
Снаряды метили в иную мишень: они пытались взорвать дисциплинированное спокойствие населения и таким путем ослабить волю к победе. Можно констатировать и большее.

17 декабря начались наступательные действия германских войск на Западном фронте. Ценой чрезвычайных усилий и огромных жертв немцам удалось осуществить некоторое продвижение. Конечно, обеспечить действительное наступление, наступление со значительными стратегическими результатами Германия 1944 года не в силах. Это известно противникам Германии, это хорошо знают и сами организаторы декабрьского «наступления» немцев. И тем не менее наступление было предпринято; и тем не менее в чрево войны были брошены и без того редеющие немецкие полки в смутной надежде посеять и поддержать иллюзию, будто резервы Германии неистощимы, будто сопротивление Германии будет прогрессивно нарастать, если не будет достигнут для всех спасительный компромисс. Прогитлеровские перья за рубежом, конечно, поспешили и здесь вступить в игру, чтобы и эту иллюзию раздуть в пугало для колеблющихся общественных элементов.

С тяжелой закономерностью злодеяния гитлеровцев растут по мере ухудшения военного положения Германии. Разбитые стратеги и разоблаченные палачи, гитлеровцы неутомимы в изобретении новых форм злодейства. События последнего времени раскрыли миру потрясающие образцы их кровавой разнузданности.

Германские войска не смогли развить начатого ими в декабре наступления на западе, германские войска не смогли приостановить законченного Красной Армией в декабре окружения Будапешта на юго-востоке. Зато гитлеровской «мощи» хватило на другое: 29 декабря 1944 года, в тот самый день, когда оба поражения Германии — провал наступления на западе и провал обороны на юго-востоке — определились с общедоступной ясностью, гитлеровцы организовали блистательную «победу» германских войск над двумя безоружными советскими парламентерами и белым флагом — символом мирных намерений, освященным веками неприкосновенности.

Используя все виды и формы террора, гитлеровцы пытаются протянуть линию терроризма и за пределы войны. Гитлеровцы



мечтают уйти в подполье и, побежденные, будут продолжать свое кровавое дело и готовить новую войну. Этот подготовляемый послевоенный террор гитлеровцы охотно и щедро авансируют уже теперь в процессе войны, организуя террористические акты на освобожденных от немецких войск территориях.

В Париже было организовано покушение на де Голля. Во Франции и Италии начались убийства патриотов.

По сообщению агентства Франс пресс, в Германии началась концентрация отбросов французского народа: Дарнана, Дорио и др. Они «организуются» в Баден-Бадене и Штутгарте, чтобы вызвать волнения в Париже и Лионе. Таким образом, против Франции спешно подготовляются кадры диверсантов и террористов.

Для оценки всей гитлеровской стратегии весьма поучительно, что, насаждая военизированный террор, организуя широкую систему импортируемого в чужие страны террора, угрожая после поражения уйти в «подполье», гитлеровцы не делают из этих планов государственной тайны. Они, напротив, и здесь склонны к рекламе; они готовы весь мир оповестить о том, что у них идет бесперебойная серийная заготовка «ужасов»—все в той же тщетной, отчаянием и страхом подсказанной надежде, что, быть может, некоторые круги будут в конце концов напуганы и захотят умилостивить профессиональных убийц дарами компромисса.

Можно, конечно, не сомневаться в том, что и эта стратегия, стратегия террора, не увенчает лаврами вдохновителей гитлеровской политики. Выступая накануне 27-й годовщины Октябрьской революции, товарищ Сталин сказал:

«Немецкие фашисты избрали своим идеологическим оружием человеконенавистническую расовую теорию в расчете на то, что проповедь звериного национализма создаст морально-политические предпосылки господства немецких захватчиков над порабощенными народами. Однако политика расовой ненависти, проводимая гитлеровцами, стала на деле источником внутренней слабости и внешнеполитической изоляции немецко-фашистского государства».

Сталинские, исполненные глубокой исторической правды, слова вскрывают судьбу всех ухищрений фашистской стратегии.

Неисчислимы жертвы гитлеровского террора; но гитлеровский террор ударил и по самой Германии: стратегия террора привела к тому, что самые широкие народные массы двинулись на борьбу с гитлеровской Германией, и еще более сплоченным выступил союз свободолюбивых народов. Однако стратегия террора требует и специальных ответных мер.

10 декабря 1934 года после убийства короля Александра и Барту совет печальной памяти Лиги наций принял решение о том, что «на всех государствах лежит обязанность не поощрять и не терпеть на своей территории никакой террористической деятельности». Совет постановил образовать комитет экспертов для разработки международной конвенции по борьбе с терроризмом. Комитет был образован, и проект был разработан. Но претворить его

в жизнь, как и многие другие свои предположения, Лига наций до самой своей кончины не смогла.

Проектируемая ныне международная организация безопасности будет обладать всем авторитетом и всей силой для того, чтобы обеспечить действенное сотрудничество государств в борьбе с разрушителями международного правопорядка. Террор, как и преступления войны, требует координированной борьбы свободолюбивых народов. Опасен и недопустим не только рецидив гитлеризма: опасно и недопустимо, чтобы гитлеризм после военного разгрома хотя бы и в самых ничтожных дозах и формах пережил самого себя политически и морально. Чем скорее будет убрана с пути истории вся эта отвратительная гитлеровская нечисть, тем быстрее человечество придет к новым победам демократии и цивилизации.

4. СТРАТЕГИЯ «МИЛОСЕРДИЯ»

Чем более близким и неотвратимым становится разгром гитлеровской Германии, чем более близкой и неотвратимой становится расплата за совершенные гитлеровцами злодеяния, тем чаще раздаются елейные голоса, просящие милосердия для палачей. Еще трепещут в предсмертной агонии отравленные и удушенные немцами жертвы, еще колышется земля над телами заживо погребенных и стоит перед потрясенным человечеством залитый кровью невинных Майданек, а уже услужливые болельщики злодеев обильно льют хорошо оплаченные слезы, пытаясь помешать грядущему возмездию, жалостливо гнусят: «палачей обижают». Порой они не против правосудия, эти миротворящие палачам поборники милосердия, они лишь ведут, так сказать, «пререкания о подсудности»; одни, религиозные миротворцы, призывают довериться суду божьему; другие, миротворцы светские, — суду истории. И только бренный человеческий суд смущает тех и других своей неотвратимой реальностью и нарастающей близостью.

К сожалению, эти попытки ослабить удары правосудия нашли некоторую «базу» в недавнем выступлении на пресс-конференции в Лондоне председателя Комиссии Объединенных наций по расследованию военных преступлений сэра Сесиля Херста.

Сэр Сесиль Херст выступал как юрист, и речь его, естественно, дышала законностью. Однако законность сэра Сесиля Херста весьма сомнительна: воздвигая величественное здание храма правосудия, Херст предусмотрел в нем и глубоко идущие юридические щели, дзоты и траншеи, куда могли бы уползти — от ударов правосудия — изобличенные злодеи.

Херсту, по сообщению английского министерства информации, был задан вопрос: «включен ли Гитлер в список военных преступников?» Мы не знаем автора этого вопроса, его возраста и его интеллекта, но любознательность его во всяком случае трогает

своей девственной непосредственностью. Известно, что глава, организатор и вдохновитель военизированного бандитизма — Гитлер давно и крепко сам себя «включил в список» тягчайших военных преступников. Тем более разителен ответ. Сэр Сесиль Херст сказал, что он «вынужден отказаться отвечать на вопросы относительно о т д е л ь н ы х в о е н н ы х п р е с т у п н и к о в». Таким ответом Херст разжаловал главаря банды международных преступников Гитлера в рядовые бандиты, включив его в число «отдельных военных преступников». При этом сэр Херст, надо отдать ему справедливость, не сделал секрета из мотивов своего вынужденного умолчания: «если, — пояснил Херст, — он будет называть имена лиц, которым предстоит суд, то это даст им широкую возможность бежать и скрыться от суда». Оказывается, таким образом, что сообщение об ответственности Гитлера, Гиммлера, Геббельса и им подобных есть разглашение величайшей государственной, может быть, международной тайны, разглашение, грозящее крупными осложнениями: услышав на шестом году своих систематических злодеяний о том, что их считают преступниками, Гитлер, Гиммлер, Геббельс и им подобные поспешат бежать и укрыться от суда. Таким образом, само положение обязывало: сэр Сесиль Херст был вынужден молчать во имя, так сказать, торжества правосудия.

Однако обет молчания не в полной мере был соблюден сэром Херстом: кое-что о возможной судьбе «отдельных военных преступников» — Гитлера и Муссолини — он все же счел необходимым поведать. Херст указал, что судьбу Гитлера и Муссолини «решат Объединенные нации». Это утверждение неоспоримо.

Декларация Рузвельта, Сталина и Черчилля, опубликованная в Москве 2 ноября 1943 года, установила, что, поскольку речь идет о «главных преступниках», они «будут наказаны совместным решением правительств-союзников». Казалось бы, в таком случае нет надобности именно здесь, в вопросе о судьбе Гитлера и Муссолини, забегать вперед и делать прогнозы собственного изобретения о будущем решении правительств Объединенных наций. Сэр Сесиль Херст рассудил по-иному. Сдержанный, на все пуговицы застегнутый, опасающийся публично включить в список преступников Гитлера и его сообщников, сэр Сесиль Херст здесь неожиданно обнаружил явную склонность к высказываниям. «Объединенные нации, — повествует он, — могут решить привлечь их (Гитлера и Муссолини) к суду или же поступить с ними, как с Наполеоном». Только что, — пока речь шла о суде, — разжалованный в рядовые Гитлер оказывается теперь, к моменту наказания, возведенным в Наполеоны. Более того, их, оказывается, целая пара, этих херстовских Наполеонов. В соответствии с этим решение правительств Объединенных наций, по Херсту, может выразиться в подыскании надлежащей жилплощади на островах для двух друзей: может быть, на острове Эльба для Муссолини и («построже»!) на острове св. Елены для Гитлера.

Наметив таким образом контуры решения судьбы главных преступников, Гитлера и Муссолини, сэр Сесиль Херст получает возможность легко, без особого напряжения мысли, вершить судьбы всей остальной массы военных преступников. Надо прямо сказать: здесь приверженность к «закону», «осторожность» в расследовании и милосердие к военным преступникам находятся у самой грани намеренного оставления безнаказанными многих тысяч гитлеровских злодеев.

Херст счел нужным особо отметить, что «имеется большое количество недоразумений и неясностей по вопросу о военных преступниках». Казалось бы, наоборот, прежде всего необходимо указать, что имеется неисчислимое количество точно установленных преступлений войны и множество имен виновников этих преступлений. Конечно, тщательное расследование и обоснованный приговор являются необходимыми условиями подлинного торжества правосудия над злодейством. Однако процедура расследования, намеченная Херстом, именно этой задачи не разрешает: она, напротив, сулит обильный урожай «недоразумений» и «неясностей».

„Дело расследования,—сказал Сесиль Херст,—должно быть в первую очередь проведено отдельными правительствами, а не комиссией. Процедура следующая: авторитетные органы каждого правительства передают комиссии дела по военным преступлениям, виновные в которых, по их мнению, должны быть наказаны, и одновременно сообщаются улики, на которых основано обвинение.

Комиссия передает дела следственному комитету, который рассматривает, в первую очередь, три вопроса: 1) доказано ли на основании приведенных фактов наличие военного преступления или военных преступлений; 2) имеется ли достаточно материалов для определения личности виновного; 3) в первый ли раз совершено преступление".

Приведенной схеме нельзя отказать в стройности: она читается легко и усваивается без труда; авторитетные органы расследуют, следственный комитет проверяет, комиссия решает. Неясной, однако, остается одна весьма существенная сторона дела — обеспечивает ли эта схема реальное осуществление суда и наказания военных преступников.

Прежде всего весьма спорен основной принцип — право требования выдачи военных преступников, по предложению Херста, должно принадлежать Комиссии Объединенных наций. Возможен, естественно, вопрос: почему отдельные государства, имеющие право просить о выдаче преступников, должны терять это право в отношении тягчайших военных преступников? Быть может, наоборот, соглашения, которые подведут итоги нынешней войны, специально предусмотрят обязанность всех государств выдавать военных преступников по обоснованному требованию государства, потерпевшего от этих преступников. Этот вопрос тем более уместен, что некоторые части намеченной Херстом схемы расследования и выдачи напоминают скорее не дорогу правосудия, а проволочные заграждения на пути к наказанию виновных.

Действительно, по схеме Херста, Комиссия Объединенных наций, прежде чем решать вопрос о требованиях выдачи, обязана выяснить, «в первый ли раз совершено преступление». По Херсту, таким образом, при разрешении вопроса о военных преступлениях весьма важное значение приобретает вопрос о рецидиве. Сторонники снисходительного отношения к преступникам охотно на сей предмет мобилизуют ссылку на закон. Хорошо бы услышать, где же, в каких международных конвенциях, в каких декларациях правительств Объединенных наций выдвигалось требование рецидива как условия ответственности за военные преступления. И далее: если гитлеровский злодей «однажды» бросил в огонь детей или однажды травил в душегубке мирных граждан, — требование о выдаче теряет основу?

Херст этим не довольствуется. Он идет далее: «Нельзя считать всех военных преступников одинаково виновными... Некоторые могли совершить лишь обычные преступления. Нужно ограничиться людьми, действительно несущими ответственность за крупные зверства». Еще только готовится суд над военными преступниками, а уже рекомендуются «ограничения» и вводится поправочный критерий ответственности лишь за «крупные зверства».

Какие же, какого масштаба зверства заслуживают названия крупных — Смоленск, Киев, Люблин? А сожжение деревни со всеми ее обитателями — явление малозначительное, не заслуживающее внимания правосудия?

Сэра Сесиля Херста не смущают эти вопросы: он торопится внести новые ограничения ответственности за военные преступления. Он считает необходимым исключить из круга военных преступников всех квислингов и лиц, повинных в массовом истреблении своих граждан по расовым, политическим или религиозным мотивам.

Знакомство с этими конструкциями сэра Сесиля Херста приводит к невольному предположению: если бы ограничения преследования военных преступников развивались в намеченных им масштабах, капитуляция правосудия перед военными преступниками последовала бы очень скоро вслед за капитуляцией Германии перед союзниками.

Необходимо при этом учесть следующее: самую выдачу военных преступников, выдачу, в которой должна найти и найдет выражение воля всех народов к искоренению гитлеризма, Херст понимает как некоторый акт международной вежливости. Он говорит:

> "Если Объединенные нации найдут, что существующие договоры о выдаче преступников не соответствуют обстоятельствам, то будут приняты некоторые новые меры... Однако нейтральное государство есть нейтральное государство, и существуют границы, через которые даже все Объединенные нации, вместе взятые, не смогут перейти в своем отношении к нейтралам".

Декларация Рузвельта, Сталина и Черчилля совершенно отчетливо установила, что военных преступников «три союзные дер-

жавы наверняка найдут даже на краю света». А председатель Комиссии Объединенных наций по расследованию преступлений войны, минуя декларацию союзных держав, минуя величайшие исторические сдвиги нашей эпохи, минуя новые формы взаимопомощи государств в борьбе с международными преступлениями, тешит преступников, тешит «нейтралов» уверениями, что даже все Объединенные нации, вместе взятые, «не всегда смогут добиться выдачи военных преступников».

Положение осложняется тем, что Сесиль Херст со своей оригинальной конструкцией ответственности и безответственности военных преступников не одинок. В Комиссии Объединенных наций, как сообщает иностранная печать, имеются и некоторые другие проповедники правосудия на тормозах, правосудия, чуткого к бандитам и равнодушного к их жертвам. Не отягощенные ответственным положением председательствующего, эти члены Комиссии обнаруживают совершенно необузданную развязность в измышлении способов избавления гитлеровцев от ответственности.

„Эксперты настаивают на том,—сообщает газета „П. М.",—что Гитлер должен рассматриваться как глава государства, гитлеровские гангстеры как правительство, а гестапо как государственная полиция".

По этой юридической алгебре один бандит — это бандит, два бандита — это бандиты, а целая шайка бандитов, использующая для погромов и убийств аппарат власти, — попросту «государственная полиция». Источник этих конструкций газета видит в чрезмерном увлечении членов комиссии юриспруденцией. «Члены Комиссии Объединенных наций, — пишет газета, — зарывают свои носы в юридические трактаты...». Это клевета на юриспруденцию: с каких пор и по каким законам бандит, напяливший на себя мундир полицейского чиновника, становится недотрогой, получает уголовный иммунитет? Вся эта «юриспруденция» — плохо скроенная попытка оградить военных преступников от закона, от правосудия, от наказания.

Так на деле в единый хор сливаются елейные причитания противников суда и голоса некоторых официально призванных ревнителей правосудия.

* * *

Стратегия «милосердия» — не проблема этики, даже не проблема суда и наказания; это прежде всего военно-политическая проблема. Стратегия «милосердия»—лишь одно из звеньев кампании за снисходительный мир, начатой гитлеровцами и кое-какими кругами, поддерживающими их. Поэтому проповедь милосердия к палачам — это проповедь компромиссного мира, проповедь сохранения в Германии очага будущих войн и будущего злодейства.

Объединенные усилия свободолюбивых народов разбили все маневры и ухищрения Германии: и стратегию молниеносной войны, и стратегию войны затяжной, и стратегию раскола союзников.

Это вселяет уверенность, что будет сокрушена и последняя ставка разбитой Германии — стратегия «милосердия», направленная против мира, против человечества.

5. БЕСЧЕЛОВЕЧНЫЙ ГУМАНИЗМ

Прошедшие в Харькове, Алжире и других местах процессы гитлеровских преступников и их пособников привлекли внимание всего мира. Откликнулся на эти процессы недавно и Интернациональный комитет Красного креста. В обращении к правительствам воюющих стран Интернациональный комитет указал: «Исключительное значение интересов и моральных ценностей, оказавшихся в опасности, побуждает Комитет возвысить свой голос». Совершенно, конечно, естественно, что Красный крест, организация, призванная по статуту и по долгу ограждать принципы гуманности, подымает голос для защиты общепризнанных правил ведения войны. Беда лишь в том, что голос этот прозвучал фальшиво и тускло.

Общеизвестно и документально установлено, что гитлеровские орды планомерно и организованно совершают тягчайшие преступления против законов и обычаев войны. Однако не этот вопрос в центре внимания Комитета. По этому основному вопросу обращение Комитета довольствуется следующим, лишенным элементарных признаков конкретности, меланхолическим заявлением.

„С другой стороны,—указывается в обращении,—Интернациональный комитет со все более серьезной и возрастающей озабоченностью констатирует постоянное ухудшение методов ведения войны, которые различными способами и все в больших размерах применяются к гражданскому населению и имуществу, не имеющему военного значения... Принципы международного права... все более отодвигаются на задний план".

В советской стране гитлеровцами убито более двух миллионов мирных граждан — детей, женщин, стариков. На языке Интернационального комитета это называется «принципы международного права все более отодвигаются на задний план». Кровь миллионов невинных жертв покрывается лаком успокоительной, отполированной фразы. Ничего не случилось. Нет «душегубок», нет рвов, нет зон пустыни. Только тронулись в путь международные принципы... Однако не сами же они пришли в движение. Где же виновники, кто «отодвинул принципы международного права на задний план»? Истерзанная Чехословакия, порабощенная Бельгия или пойманная с поличным гитлеровская Германия? Этот вопрос обращение Комитета оставляет без ответа. Лишь безграничное пренебрежение к фактам действительности и совести народов может питать иллюзию, что подобное молчание — акт высокой аполитичности и беспристрастия. На деле это свидетельство пристрастия, пристрастия, потворствующего злодействам, бороться с которыми призван и

Красный крест. «Аполитичности» же, требуемой статутом Лиги Красного креста, в этой позиции не больше, чем «нейтральности» в действиях некоторых «нейтральных» стран.

Впрочем, в конструкции Комитета все эти вопросы отведены на запасный путь, в «другую сторону». Фасад обращения, его сердцевина и его существо наполнены иным: Интернациональный комитет призывает воюющие державы «никоим образом не изменять статута военнопленных, установленного международными соглашениями»; точнее и проще — не судить военнопленных за преступления войны, совершенные ими до пленения. Итак, вот в какие реальные формы вылилась растущая тревога Интернационального комитета по поводу насилий над мирными гражданами: Комитет встревожен тем, что военнопленных судят.

Так как в сфере международной каждая акция требует не только эмоций и не столько эмоций, сколько фактов и доказательств, то встревоженные авторы обращения, естественно, занялись поисками легального основания для защищаемого ими тезиса — ненаказуемости военнопленных за преступления войны. Они нашли это основание в статье 2 Женевской конвенции 27 июля 1929 года. Скромная находка!

Статья 2 Женевской конвенции устанавливает:

> **„Военнопленные находятся во власти неприятельской державы, а не отдельных лиц или частей войск, которые их взяли в плен. С ними во всякое время должно обращаться человеколюбиво, и они, в частности, должны пользоваться защитой против актов насилия, оскорбления и публичного любопытства. Репрессалии в отношении военнопленных воспрещаются".**

Возникает естественное недоумение: какие же, собственно, указания статьи 2 являются препятствием к судебному преследованию военнопленных, виновных в совершении преступлений войны?

Справедливость требует отметить, что авторы обращения не оставляют этого вопроса безответным: по мнению авторов обращения, последняя часть статьи 2 легла непреодолимой преградой к уголовному преследованию военнопленных. Итак, указание статьи 2 — «репрессалии в отношении военнопленных воспрещаются». Вот он, открытый Комитетом легальный титул безнаказанности военнопленных! Сомнительное открытие!

В любом курсе международного права можно прочесть, что р е п р е с с а л и и, практикуемые в международных отношениях, — понятие, давно установившееся и совершенно определенное понятие, ничего общего не имеющее с р е п р е с с и я м и, применяемыми в порядке уголовного процесса. Репрессалии — это исключительные мероприятия, предпринимаемые государством и имеющие своей задачей понудить другое государство выполнять взятые на себя обязательства или дать удовлетворение за причиненный ущерб. Уголовные репрессии — предусмотренное законом наказание за преступления, совершенные виновными.

Было бы глубоким заблуждением заподозрить авторов обращения в незнании этой элементарной истины. Нет, здесь скорей невежество иного качества, невежество нарочитое, невежество, при котором собственная репутация авторов приносится в жертву намеченной цели — защите попавших в плен преступников войны. Это самоотверженное невежество авторов проекта не исчерпывается ссылкой на статью 2 Женевской конвенции 1929 года: оно проявило себя также в намеренном забвении фактов и норм, непосредственно относящихся к вопросу об уголовной ответственности военнопленных.

Здесь прежде всего необходимо освежить в памяти материалы Парижской конференции по разработке условий предварительного мира и избранной ею на пленарном заседании 25 января 1919 года комиссии по изучению вопроса об уголовной ответственности за преступления войны. Среди 15 членов этой комиссии были крупные государственные деятели и теоретики международного права (от США — Лансинг, от Франции — Тардье, от Бельгии — Жакменс, от Греции — Политис и др.). По вопросу об ответственности военнопленных комиссия единогласно приняла следующее постановление: «Каждая воюющая сторона имеет, согласно общим началам международного права, достаточно власти и авторитета, чтобы судить лиц, обвиняемых в преступлениях, относящихся к нарушению законов и обычаев войны, если эти лица будут взяты в плен или иным путем попадут в ее власть». Таковы общие принципы международного права. А вот конкретная норма.

Статья 29 Женевской конвенции о больных и раненых военных 1929 года установила: «Правительства высоких договаривающихся сторон равным образом примут или предложат на утверждение своих законодательных учреждений в случае недостаточности их уголовных законов необходимые меры для преследования во время войны всякого действия, противоречащего постановлениям настоящей конвенции». Таким образом, конвенция прямо предписала издание законов, необходимых для преследования во время войны лиц, повинных в нарушении законов и обычаев войны.

Совершенно бесспорно, что военнопленным международными конвенциями обеспечен особый режим. И Гаагская конвенция 1907 года и Женевская конвенция 1929 года содержат ряд постановлений, определяющих положение военнопленных. Эти постановления в СССР соблюдаются должным образом. Несмотря на трудности, вызванные внезапным нападением и почти трехлетней войной, труд и быт военнопленных в СССР организованы в полном соответствии с требованиями человеколюбия, предписываемого международными конвенциями. Отсюда, однако, отнюдь не следует, что военнослужащий, попавший в плен, становится обладателем абсолютного и беспредельного иммунитета, что дорога в плен — это путь к всепрощению. Военнопленный не может и не должен отвечать за причинение смерти, увечий, за разрушения,

совершённые на поле брани в условиях военных действий. Но двуногий, бросающий в огонь детей, — не военнослужащий: пойманный, он поэтому не становится военнопленным: он был и остается бандитом.

«Гуманизм», перспективой безнаказанности поощряющий подобные злодейства, есть гуманизм наизнанку, гуманизм, нашедший человека в убийце и не заметивший его в жертве. Это бесчеловечный гуманизм.

Более 80 лет существуют и действуют организации Красного креста. В их историю вписаны золотые страницы дел и подвигов подлинного гуманизма. Ряженое в гуманизм обращение Интернационального комитета о безнаказанности разбойников, убийц, грабителей, насильников, оказавшихся военнопленными, ждет иная судьба, иное место: мусорный ящик истории.

6. ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГИТЛЕРОВСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ

Беспримерные в истории человечества злодеяния гитлеровских преступников вызвали во всем цивилизованном мире величайшее возмущение и глубокую жажду возмездия. Разум и совесть народов требуют, чтобы преступники понесли должную кару. Опубликованная 2 ноября 1943 года декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства, подписанная руководителями трех союзных держав — Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем, — вносит в вопрос об уголовной ответственности гитлеровцев полную процессуальную ясность. В декларации указано, что виновники злодеяний «будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы». В декларации содержится предупреждение о том, что три союзные державы наверняка найдут виновников совершенных злодеяний «даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы могло совершиться правосудие».

Таким образом, вопрос о суде и наказании гитлеровских преступников решен вполне авторитетно и ясно.

Это обстоятельство вызвало тревогу в лагере немецко-фашистских злодеев и их пособников. Начались поиски «юридических» щелей, куда могли бы пролезть непрошенные адвокаты гитлеровских злодеев. Делаются попытки найти «законные» способы уклонения от ответственности или смягчения кары. Хотя вопрос об уголовной ответственности гитлеровских извергов является делом, казалось бы, весьма простым и ясным, кое-где уже нашлись люди, поспешившие узреть здесь новые «проблемы» с единственной

целью нагромоздить новые преграды на пути имеющего совершиться правосудия.

Прежде всего в качестве принципиальной проблемы, призванной тормозить отправление правосудия, выдвигается вопрос о допустимости привлечения к уголовной ответственности военнопленных. Осквернители и разрушители основ международной жизни выступают при этом в роли горячих поборников международного права!

По правилам ведения войны, признанным цивилизованными народами, военнослужащий, оказавшись в плену, вправе, конечно, рассчитывать на гуманное обращение. Статья 4 Гаагской конвенции 1907 года гласит: «С военнопленными надлежит обращаться человеколюбиво». Гитлеровцы попирают на каждом шагу это правило, как и все другие правила ведения войны. Нельзя, конечно, судить и карать военнопленных за действия, совершенные ими в условиях боевой обстановки, например за нанесение ран или причинение смерти в бою. Но это отнюдь не означает безнаказанности военнослужащих за совершенные ими злодейские преступления, не означает и не может означать амнистии и прощения всего, что совершил военнослужащий до его пленения.

На харьковском процессе подсудимый Риц, пытаясь найти формальное оправдание своим гнусным преступлениям, сказал: «Я солдат». Это ложь. Это клевета на солдата. Солдат сражается на поле брани; солдат сражается с солдатом, вооруженный — с вооруженными. Риц, как установлено было судом и зафиксировано в приговоре, занимался совершенно иным, не солдатским, делом: он истязал и расстреливал ни в чем не повинных мирных, безоружных граждан. Таким образом, Риц стал преступником еще до того, как был схвачен воинами Красной Армии. Он пойманный и разоблаченный преступник. И законы войны должны быть с особой силой обращены против него, как выступавшего в двойной роли — бандита и военнослужащего.

Именно об этом говорит статья 29 Женевской конвенции 1929 года: «Правительства высоких договаривающихся сторон равным образом примут или предложат на утверждение своих законодательных учреждений в случае недостаточности их уголовных законов необходимые меры для преследования во время войны всякого действия, противоречащего постановлениям настоящей конвенции». В полном соответствии с этим Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года и дал советскому суду надлежащее оружие для безотлагательной борьбы с гитлеровскими преступниками.

Ответственность военнопленных за совершенные до пленения преступления войны признана судебной практикой различных стран. Так, например, в феврале 1915 года французский суд в Ренне осудил пленного немецкого солдата за совершенные им ранее поджог и убийства раненых. Таких примеров немало. А между тем, нынешние чудовищные злодеяния и зверства гитлеровцев,

как хорошо известно, оставляют далеко позади все преступления, совершенные во время прошлых войн.

Таковы факты. Логика и совесть, нормы международного права, существующие законы и судебные прецеденты — все это требует привлечения к уголовной ответственности военнопленных, совершивших преступления во время войны. Делать из этого «проблему» — значит наводить тень на ясный день с единственной целью — попытаться помешать правосудию.

Другой «проблемой», выдвигаемой с той же целью, является вопрос об ответственности исполнителей преступных приказов. На харьковском процессе подсудимые настойчиво подчеркивали, что они действовали по приказу начальства. Подсудимый Лангхельд потерял счет лично им убитым невинным людям. На вопрос прокурора: «Сколько вы лично уничтожили советских граждан?» Лангхельд ответил: «Точно цифру назвать затрудняюсь, но полагаю, — не менее ста». Зато Лангхельд точно помнил, как надо оправдывать эти убийства: «Я выполнял приказы своего начальства».

Итак, приказ, подчинение начальству, дисциплина выдвигаются как защита против суда и наказания. Приказ — это спасительный «дзот», который должен укрыть преступника в суровый час возмездия. Таким образом, оказывается, можно потерять счет замученным и убитым, можно расстреливать, «как дичь», людей, можно сжигать госпитали с ранеными, совершать тысячи других злодеяний и не бояться ответственности, не страшиться кары — был бы в кармане приказ! Такова «линия обороны» пойманных гитлеровских преступников. Но международному праву и советскому закону одинаково претят эти трусливые попытки бумажкой приказа прикрыть горы истерзанных жертв.

Конечно, истребление мирного населения, разрушение городов и деревень совершались и совершаются гитлеровскими ордами по злодейскому плану, разработанному гитлеровским правительством и проводимому в жизнь гитлеровским командованием. Гитлер и вся его клика в полной мере ответят за эту политику военизированного бандитизма, за организованное, обдуманное, планомерно проводимое в жизнь истребление народов. Но Лангхельд, Риц и Рецлав осуждены не за те преступления, которые совершили их бесноватый «фюрер» или их непосредственные начальники: они осуждены за те злодейства, которые они совершили сами, собственными своими руками, за ими лично совершенные преступления. И по этим преступлениям приказ — не защита.

Совершенно понятно, что когда речь идет о дисциплине, без которой не может существовать армия, то имеется в виду воинская дисциплина. Приказ бросать в огонь детей и женщин, приказ подвергать людей мучительному истреблению в «душегубках» — это не воинский приказ: это подстрекательство к злодеяниям, исполнители которых несут полную уголовную ответственность, как и их начальники.

Преступный, изуверский характер тех гитлеровских «приказов», о которых идет речь, очевиден; ни один немецкий солдат не может отговориться, что он этого не знает или не понимает. Да и сами подсудимые на харьковском процессе не пытались отрицать бесчеловечности совершаемых по «приказу» массовых убийств и пыток. Следовательно, и здесь попытка создать с юридической и моральной точки зрения «проблему» действия по приказу является попыткой с негодными средствами, имеющей одну цель — помешать совершиться правосудию.

Печать союзных и нейтральных стран с живейшим вниманием следила за харьковским процессом. Общественное мнение за рубежом с глубоким чувством удовлетворения встретило и самый факт предания суду гитлеровских мерзавцев и справедливый приговор над ними.

Английская газета «Дейли экспресс» писала, что возгласы одобрения, которыми русские встретили приговор харьковского суда, выражают одобрение всего цивилизованного мира. Комментатор американской радиовещательной компании «Колумбия» Харш сказал, что этот суд, «возможно, является важнейшим мероприятием нашего периода на пути к обеспечению безопасности мира». Секретарь Национальной гильдии юристов в Соединенных Штатах Поппер отметил, что харьковский процесс «олицетворяет собой триумф международного права и справедливости» и что он является «первым конкретным осуществлением решений, принятых на Московской и Тегеранской конференциях». Председатель комиссии законодательных предположений палаты представителей Соединенных Штатов Сэбэт в связи с харьковским процессом заявил: «Я весьма доволен, что Россия показала всему миру, что она справедливо судила обвиняемых. Все те, кто повинны в зверствах и жестокостях, должны наказываться без промедления». Выходящая в Монреале (Канада) «Газетт» в передовой писала, что харьковский процесс встречен с удовлетворением как первая попытка справедливого наказания военных преступников, малых и больших. Число подобных высказываний газет, журналов, радиообозревателей, общественных и политических деятелей весьма велико. Тем более достойно удивления появление в некоторых иностранных органах печати рассуждений, которые едва ли могут способствовать делу безотлагательного и справедливого наказания гитлеровских преступников.

Так, газета «Йоркшир пост» в редакционной статье, посвященной харьковскому процессу, высказывается в том духе, что значительная часть работы по расследованию, аресту и суду над преступниками войны должна быть отложена, пока не прекратятся военные действия. Легко понять, что йоркширские публицисты могут более терпеливо ждать суда над гитлеровскими злодеями, чем, например, жители Киева и Харькова, пережившие ужасы гитлеровской оккупации. Однако им тоже не мешало бы учесть то обстоятельство, что справедливое требование безотлагатель-

ного суда над гитлеровскими людоедами отвечает правосознанию народов и нормам международного права, между тем как отсрочка в совершении правосудия над гитлеровскими преступниками отнюдь не в интересах борьбы с гитлеровской Германией. А в исходе этой борьбы кровно заинтересован вместе со всей Англией также и Йоркшир.

Другая английская газета, «Манчестер гардиен», делает глубокомысленное замечание, что харьковский процесс свидетельствует о намерении советского правительства разрешить вопрос о суде над гитлеровскими преступниками «собственным путем». В ответ на это можно напомнить «Манчестер гардиен», что единая политика всех свободолюбивых народов в борьбе с преступлениями гитлеровцев достаточно полно и ярко выражена в общих декларациях Советского Союза, Соединенных Штатов, Великобритании и всех свободолюбивых народов. Словам этих деклараций соответствуют дела органов советской юстиции, начавших энергичную борьбу с гитлеровскими преступниками. Советское правосудие идет «собственным путем» в той же мере, как идет собственным путем, но в полном единении с союзниками и доблестная Красная Армия, освобождающая советскую землю от немецких захватчиков. Такого рода «собственный путь» ведет к общей и великой цели, воодушевляющей все свободолюбивые народы.

Никакие ухищрения, никакие юридические уловки и увертки не могут помешать свободолюбивым народам осуществить правосудие над гитлеровскими преступниками. Это их святой долг, это их святое право. Гитлеровским палачам «не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов» (Сталин). Харьковский процесс — только один из первых ударов, нанесенных отвратительной фашистской гидре.

7. ЧАС НАСТАЛ

Красная Армия и войска союзных стран завершили великий и благородный труд — разгром гитлеровской Германии. Истерзанная и разрушенная гитлеровцами Европа освобождена. Германия поставлена на колени.

Военный разгром Германии — основной, важнейший, но не последний этап в той героической борьбе, которую начали и победоносно ведут свободолюбивые народы. Для полного торжества правого дела за военным разгромом Гитлера должен последовать морально-политический разгром гитлеризма. При решении этой задачи первостепенное значение приобретает наказание преступников войны.

Еще в самом начале Великой Отечественной войны товарищ Сталин, чья гениальная прозорливость глубоко проникает в буду-

щее, говорил о наказании гитлеровских преступников. Это встретило отклик во всем мире. В августе 1942 года Рузвельт заявил: «Справедливость требует, чтобы они (немецко-фашистские захватчики. — **А. Т.**) получили предупреждение о том, что придет время, когда они должны будут предстать перед судом в тех самых странах, которые они сейчас угнетают, и нести ответственность за свои действия». Час освобождения пришел. Он должен стать и часом возмездия. Под ударами Красной Армии и союзных войск пала завеса, скрывавшая лагери смерти в Польше и Германии. Перед миром, уже познавшим ужасы массового истребления людей в Смоленске и Майданеке, раскрылись новые зловещие страницы: Треблинка и Освенцим, Бухенвальд и Бельзен. Эшелоны поездов, методично и регулярно поставляющие живое человеческое сырье для истребления. Три миллиона жертв, замученных в Треблинке. Четыре миллиона жертв, загубленных в Освенциме. Отныне никто не сможет упрекнуть гитлеровцев в том, что они — только палачи и разрушители. В Треблинке и Освенциме питомцы Гиммлера и Круппа показали образцы фашистско-созидательного «труда»: производство матрацев из женских волос, варку мыла на человечьем жиру, заготовку удобрения из перемолотых человеческих костей. Гитлеровская Германия издыхала и в свой последний предсмертный час на лобном месте истории предстала перед миром разоблаченная во всей своей отвратительной наготе. Может ли далее медлить правосудие?

Когда в 1939 году Гитлер начал войну, когда в последующие годы он войну превратил в государственный бандитизм, он менее всего думал о грядущей расплате: он тогда был занят планированием «нового порядка» в Европе и целом мире. Но когда Красная Армия прогнала прочь с советской земли фашистские орды, когда рушились воспетые Геббельсом «валы»—Восточный, Западный, Атлантический и на Германию вплотную надвинулся грозный девятый вал комбинированных ударов с востока и запада, с севера и юга,—в Германии начали усиленно планировать средства против приближающейся расплаты. Все внутренние и внешние ресурсы гитлеровского режима—подлоги и угрозы, подкуп и убийства—были мобилизованы для достижения главной, самой вожделенной цели — раскола союзников. Когда стратегия раскола провалилась, ей на помощь и ей на смену пришла стратегия милосердия. Гитлеровцы не жалели награбленных фондов, а прогитлеровские элементы—хорошо оплачиваемых слез, чтобы разжалобить будущих судей, добиться снисходительного мира и таким образом спасти остатки фашистских кадров.

В самые последние дни, когда мир узнал об Освенциме и Бухенвальде и елейные слова о милосердии к палачам звучали бы бесстыдным издевательством над убиенными, в иностранной прессе прозвучали новые вариации на милосердный лад.

Сотрудник турецкой газеты «Тания» Бурхан Вельге выступил с защитой двух одинаково ценных и оригинальных тезисов. Тезис

первый: Вельге утверждает, что «в жизни народов главным оружием противодействия преступлению является... совесть!». Палачи и тюрьмы не остановили деликатного взора автора... Тезис второй: Вельге полагает, что преступники войны —больные, которых надо лечить в больницах и санаториях. По Вельге, следовательно, технически продуманное, тщательно организованное истребление миллионов—лишь хаотическая деятельность душевнобольных, бессмысленные движения лунатиков, нуждающихся в медицинской помощи.

Другая турецкая газета «Тавир» великодушно не возражает против суда над преступниками войны, но полагает, что судить этих преступников должны нейтральные страны. По этой конструкции свободолюбивые народы, понесшие величайшие жертвы во имя цивилизации, закона и справедливости, остро нуждаются во внешнем займе: им, оказывается, необходимо спешно занять у других народов судей, и у кого же? у нейтральных стран—Испании, Аргентины и им подобных «нейтралов».

Располагая подобными кадрами лакеев и миротворцев, гитлеровцы, естественно, не переоценивали ни их авторитета, ни их интеллекта. Поэтому в грозный канун безоговорочной капитуляции, когда все пути оказались отрезанными и все выходы закрытыми, гитлеровцы спешно прибегли к средствам неотложной самопомощи.

В печати появились сведения о смерти некоторых весьма видных фашистских преступников. Что можно сказать об этих покойниках? Они умерли слишком рано—до суда и наказания. Они умерли и слишком поздно—по истечении десяти лет чудовищных злодеяний. Но и покойники у гитлеровцев не всегда обычные, ибо и из смерти гитлеровцы сумели сделать цирковой номер—в выдержанном стиле фашистской акробатики.

В начале 1945 года, когда разгром Германии стал очевидным, в Берлине начался организованный государством падеж фашистских фюреров. Работа, видимо, спорилась: гитлеровцы организованно «умирали», сами себе устраивали похороны и, таким путем публично канув в Лету, тайно приплывали к нейтральным берегам. Полковник войск «СС» Олаф, растроганный некрологом о собственной смерти, уехал в Португалию. Начальник штаба гитлеровской молодежи Гельмут, павший жертвой несчастного случая и убитый горем, отправился путешествовать по Испании.

Таков путь гитлеризма: от победных фанфар, от планов мирового господства, через тотальные мобилизации и неисчислимые злодейства к трагической клоунаде и трусливому бегству из возлюбленного фатерланда. «Избранники природы, властелины мира», как тараканы, расползаются по щелям нейтральных стран. Но счет истории и счет человеческий на этом далеко не кончен. В строй вступает правосудие.

Накануне великой победы, в праздничный день 1 Мая, товарищ Сталин сказал: «Объединенные Нации уничтожат фашизм и

германский милитаризм, сурово накажут преступников войны и заставят немцев возместить ущерб, который они причинили другим странам». В речи, обращенной к конгрессу, президент США Трумэн заявил: «Ничто не поколеблет нашей решимости наказать военных преступников, даже если для этого нам придется преследовать их до края света».

Ряд опаснейших преступников войны—Геринг, Папен, Дитрих, Рундштедт, Шпеер, Функ, Фалькенхорст и др. во власти союзных войск. Это не военнопленные, взятые в условиях боя на полях сражений. Это пойманные преступники или преступники, оказавшиеся во власти союзных армий в порядке осуществления акта о безоговорочной капитуляции. Суд над этими и другими пойманными преступниками войны в одинаковой мере и обоснован и неотложен. Этот суд предполагает, однако, некоторые подготовительные действия. Рундштедта бельгийцы зовут к ответу за ограбление в декабре 1944 года Арденн. Шпеера Голландия обвиняет в разрушении Роттердама. Их обоих обвиняют в тяжких преступлениях и другие государства. При этих условиях неотложную важность приобретают некоторые процессуальные вопросы: вопросы подсудности, вопросы компетенции национальных судов и могущих быть образованными смешанных судов или интернационального трибунала, вопросы выдачи преступников и другие, требующие немедленного разрешения.

В Лондоне давно заседает Комиссия Объединенных наций по расследованию преступлений войны, комиссия, в которую СССР своих представителей не послал. Работа этой комиссии крепко застряла где-то на дальних подступах к суду и наказанию. Вся продукция комиссии до настоящего момента выражалась в составлении 7 списков преступников войны: 4 списка немцев, преступников войны, один список итальянцев, один—японцев и один смешанный—албанцев, болгар, венгров и румын. Долгие месяцы потребовались комиссии для того, чтобы составить эти первые списки преступников войны. Возникает, естественно, вопрос: сколько же времени потребуется для того, чтобы преступники войны совершили путь из списков на скамью подсудимых?

Армиями вынесен величайший в истории человечества подвиг. Враг, сильный, упорный и коварный враг, сокрушен. Преступники схвачены. «Герои» в борьбе с безоружными женщинами, палачи миллионов, они теперь, плаксивые и жалкие, с трясущимися коленями, ждут своего часа. Этого часа шесть лет ждали свободолюбивые народы. Народы ждут, а правосудие медлит. Правосудие движется на тормозах.

* * *

Тяжелой, кровавой полосой на пути человечества к прогрессу и цивилизации легли фашистские злодеяния. Теперь перед народами раскрываются величественные перспективы оберегаемого международной организацией безопасности мирного сотрудничества на-

ций. Человечество на подъеме. Народам нужны не тормоза, а крылья.

Наказание преступников войны—не только правовая проблема. Наказание преступников войны—проблема военная и политическая. Наказание преступников войны — необходимое звено в борьбе за длительный мир и устойчивую демократию.

Народы выиграли великую битву с гитлеровской Германией. Они выиграют и битву за правосудие. Час возмездия настал. Да свершится правосудие!

II. НА НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ

1. В НЮРНБЕРГЕ

I

Германия пронизана в разных направлениях автострадами, широкими, выложенными огромными асфальтовыми плитами. По этим дорогам легко и плавно скользит машина. Но людей они сторонятся — все норовят пробежать мимо городов и селений, подальше от человеческого жилья. Дороги сторонятся людей, ибо созданы они не для прогулок, а для военных целей. Война любит тайну. Движения войсковых частей должны были быть скрыты даже от «арийских» взоров.

Исключение—Нюрнберг. «Мой любимый, верный город»,—как напыщенно называл его Гитлер. Нюрнберг, где происходили «съезды»—сборища гитлеровского отребья,—на особом положении: от общей, запрятанной в лесах и долинах, автострады бежит к Нюрнбергу своя, отдельная автострада, непосредственно связывающая Нюрнберг с большой военной дорогой Германии. Из года в год по этим дорогам под видом «партийных съездов» репетировал Гитлер быструю концентрацию значительных вооруженных масс. Десять лет тому назад, в 1935 году, на нюрнбергский «съезд» прибыли 464 специальных поезда и бесчисленное количество машин, доставивших около полумиллиона «гостей» и «делегатов».

Сегодня «любимый, верный город» людоедов иной. Крикливая слава Нюрнберга отцвела и опала. Правда, автострада осталась. Но ведет она уже не в торжествующий и неистовствующий, украшенный свастикой и освещенный факельцугами Нюрнберг, а в полумертвый, полуразрушенный город побежденных.

Над Нюрнбергом зимнее небо. На улицах ковер опавших листьев. Ветер подымает, кружит их и уносит в зияющие пасти домов. В Нюрнберге нет сплошь разрушенных районов, как в центральной части Берлина. Но фашистский Нюрнберг искалечен во всех своих частях, на всех улицах и перекрестках. Кто-то вел сверху

точный счет домовому хозяйству фашистской твердыни, и почти каждый второй-третий дом ее обращен в груду камней.

В Нюрнберге начался процесс главных немецких военных преступников, гитлеровских главарей, преданных суду Международного военного трибунала. Сложна была задача организации этого Международного суда. Нелегко было разрешить и другую, техническую часть задачи: подыскать помещения, подобрать сотрудников, организовать службу связи. В Нюрнберге собрались многочисленные работники Трибунала и его аппарата: судьи, прокуроры, эксперты, переводчики, машинистки, связисты. Американские власти (Нюрнберг находится в американской зоне) отремонтировали здание суда и помещения делегаций, наладили «службу связи». Особо примечательны два вспомогательных учреждения: кабинет документов и библиотека. В кабинете документов собраны подлинники и фотокопии многочисленных приказов, выступлений, отчетов за подписью Гитлера, Геринга, Кейтеля, Иодля и других главарей бандитской шайки. Этот документальный материал полон большой обличительной силы. Он составляет одну из несокрушимых баз обвинения.

В библиотеке, занимающей три большие комнаты, собрана вся законодательная и литературная «продукция» гитлеровской Германии: «труды» Гитлера, Розенберга, Франка и других «фюреров»; комплекты «Фелькишер беобахтер» и многих других фашистских газет; собрания законов, годовые отчеты нацистской партии — почти вся печать, при помощи которой черный яд фашистской отравы распространился по Германии и за ее пределы. Теперь эта человеконенавистническая «литература» каждой своей страницей изобличает фашистских заговорщиков.

Доступ к фашистским документам и печати широко открыт для работников всех делегаций. Библиотекой и кабинетом может пользоваться каждый из съехавшихся в Нюрнберг в эти знаменательные дни гостей.

II

Международный военный трибунал расположился во дворце юстиции, в здании краевого суда. Огромное, массивное четырехэтажное здание. Каждый этаж опоясан коридором, вдоль которого тянутся сотни комнат делегаций и служб.

Зал судебных заседаний находится на третьем этаже. Он невелик для любого значительного судебного процесса. Он явно недостаточен для суда, привлекающего внимание всего мира. В зале специально для предстоящего процесса надстроен обширный балкон, но и эта надстройка дала немного: вместе с балконом зал вмещает всего около 350 человек. Спрос на места уже с самого начала многократно превышал эту цифру. Каждый день теперь приносит все новые и новые требования и просьбы. Обращаются правительства, военные власти, научные учреждения, об-

щественные организации всех стран и неисчислимое количество корреспондентов — представителей печати всего мира. Бюро по распределению мест приходится поневоле быть не только скупым, но и жестким. Работа бюро по распределению мест все более напоминает жизнь лагеря, расположенного на берегу бурной реки: вот-вот поток жаждущих попасть на процесс прорвет заградительную плотину и беспорядочно хлынет в Нюрнберг! Против такой опасности приняты предупредительные меры. Американские власти в Берлине дают визы на въезд в Нюрнберг лишь с особого разрешения Нюрнберга. Зато радио, кино, печать призваны «расширить зал заседаний» и дать возможность миллионам следить за ходом нюрнбергского процесса. Именно для этой цели представителям печати, радио и кино отведено большинство мест — 250.

III

Среди сложных технических вопросов, возникших при организации нюрнбергского процесса, не последнее место занял вопрос о языке. Международный трибунал, как известно, организован по соглашению четырех государств: СССР, США, Англии и Франции. Тем самым три языка — русский, английский и французский — признаны официальными равноправными языками Трибунала и его органов. С другой стороны, процесс в Нюрнберге должен вестись на языке, доступном и для подсудимых, то есть на немецком. Таким образом, нюрнбергский процесс должен быть проведен на четырех языках. Но насколько осложнились бы работа Трибунала и ход судебного заседания, если бы действительно каждое замечание суда, каждый вопрос свидетелю и его ответ, каждое выступление адвокатов и обвинителей переводились последовательно на четырех языках! Такой порядок четырехступенного слушания дела удлинил бы процесс, который и без того потребует немало времени. Судебная процедура лишилась бы надлежащей четкости и нужных темпов. Прекрасно снаряженная колесница правосудия с трудом двигалась бы сквозь многочисленные преграды. Поэтому Трибуналом намечен следующий рациональный и справедливый путь.

Каждый из трех языков: русский, английский и французский, равноправен. Следовательно, судьи и прокурор, представляющие СССР, вправе выступать и будут выступать на русском языке, судья и прокурор Франции — на французском языке, Англии и США — на английском языке. У всех участников — наушники. Из центрального радиопункта Международного Трибунала все выступления тут же передаются: русским слушателям — на русском языке, французам — на французском, англичанам и американцам — на английском и, наконец, немцам — на немецком языке. Такая система требует сложной технической установки и высокого класса работы переводчиков. Но она правильно сочетает осуществление принципа равенства трех главных языков с максимальным упрощением многоязыкой конструкции процесса.

IV

В ближайшем соседстве с «Дворцом правосудия» находится нюрнбергская тюрьма. От «Дворца правосудия» до тюрьмы не далее 100—150 метров. [illegible] что каждый [illegible] совершит свой последний путь [illegible] на скамью подсудимых [illegible] в Трибунал быстро и незаметно.

Нюрнбергская тюрьма, [illegible] три этажа. Построена она [illegible] Отделенное [illegible] дверью другое отдельное крыло. Оно заметно отличается сейчас от всей тюрьмы: здесь много стражи, а балконы второго и третьего этажей, идущие вдоль камер, покрыты проволочной решеткой, предохраняющей от попыток заключенных броситься вниз. В этом особом крыле и размещены главные военные преступники — виновники величайшей кровавой бойни в истории мира.

Сначала, в первые месяцы заключения, военные преступники, как известно, были подвергнуты весьма своеобразному режиму: они содержались в отеле, позировали фотографам, давали интервью и [illegible] за табльдотом. С Нюрнбергом [illegible] тюремной [illegible]. Заключенные содержатся в одиночках. В [illegible] камере [illegible] стол, [illegible] на него нельзя. Заключенный [illegible] с самим собой. Ночью свет в камеру [illegible] через отверстие в двери. [illegible] наблюдающего. Очки на ночь отбираются. Пища подается в специальной посуде без ручек, без ножей, без вилок. [illegible] и камеру [illegible] полученные утром лезвия. [illegible] неустанно следит за поведением пойманных преступников. Словом, жизнь заключенных в величайшей степени оберегается от них самих. Но [illegible] страх перед [illegible] только преступника и хитрой изобретательности. В углу каждой камеры [illegible], связанная с общей канализацией. Здесь, в этом углу, покончил с собой [illegible] Лей.

V

Нюрнберг — старинный город. У него большое историческое прошлое. Когда-то Нюрнберг вел освободительные войны, был не только торговым, но и культурным центром. Этих страниц из истории Нюрнберга никто вырывать не склонен. Но Нюрнберг «Тре-

тьей империи»—это клоака, куда стекались мутные волны нацистских орд. Это центр, в котором методически подготовлялся кровавый заговор против всего человечества. Самые отвратительные законы, изданные гитлеровской Германией, носят название «нюрнбергских законов».

Такого Нюрнберга более не существует и существовать не будет. В жизнь Нюрнберга история повелительно вписала новую страницу. Резиденция фашизма должна стать его могилой.

2. ПРЕСТУПНИКИ ВОЙНЫ БУДУТ НАКАЗАНЫ

I

Разгром гитлеровской Германии поставил на очередь безотлагательное осуществление решений Крымской конференции о быстром наказании фашистских преступников. Накануне победы, 1 Мая 1945 года, товарищ Сталин сказал: «Объединенные Нации уничтожат фашизм и германский милитаризм, сурово накажут преступников войны и заставят немцев возместить ущерб, который они причинили другим странам». Приговор народов будет безусловно суровым: виновные понесут наказание в полную меру ими содеянного. Приговор народов будет безусловно справедливым: виновные понесут наказание в соответствии с принципами международного права и требованиями уголовного правосудия. Правовые вопросы, возникающие в связи с уголовной ответственностью преступников войны, не должны вызывать сомнений.

Прежде всего с достаточной четкостью может быть определен круг преступлений войны. Конечно, дать заранее перечень неисчислимых злодеяний, совершенных гитлеровцами, — задача сложная. Комиссия, образованная в 1919 году для изучения преступлений, совершенных немцами в войне 1914—1918 годов, зарегистрировала тридцать два вида таких преступлений (применение удушливых газов, отравление колодцев, грабеж и др.). Вместе с тем комиссия единогласно указала: «Должно само собой разуметься, что это перечисление видов преступлений, совершенных центральными империями и их союзниками, не следует рассматривать ни как полный, ни как исчерпывающий». Еще труднее, конечно, составить перечень злодеяний, совершенных гитлеровцами в настоящей войне. Однако в таком предварительном перечне нет и надобности. Необходимо лишь отметить две основные группы преступлений войны.

К первой группе должны быть отнесены посягательства на мирные отношения между народами: агрессия, организация «пятых колонн», террористические акты с целью провокации международных конфликтов и т. п. Другую группу образуют преступления, состоящие в нарушении законов и обычаев войны: убийство мир-

ных граждан, военнопленных, организация рабско-крепостнического труда и т. п.

Не может вызывать сомнений и решение другого вопроса: **кто должен нести ответственность** за преступления войны?

Когда под ударами Красной Армии и союзных войск дрогнули и зашатались фашистские «валы» и гитлеровские ряды, а ведомство Геббельса еще продолжало злопыхать в эфир, в Германии усиленно велась пропаганда, что грядущая кара обрушится на каждого немца, на весь немецкий народ: единство обреченности было призвано заполнить брешь в единстве боевом. Такая пропаганда, апеллировавшая не к мужеству, а к трусости «избранной нации», по лживости не уступала другим фашистским измышлениям. Конечно, германское государство и германский народ должны понести и понесут политические и материальные последствия гитлеровской агрессии и гитлеровской системы военизированного бандитизма. Но ответственными за преступления войны являются лишь те конкретные лица, которые совершали преступления.

Уголовное правосудие проникнуто принципом индивидуализации ответственности. Такой принцип обязывает и среди обширной массы преступников войны различать отдельные группы по степени их социальной опасности и масштабам ими совершенных злодеяний.

Основную группу тягчайших международных преступников образуют те, уже мертвые и еще живые, немецкие «фюреры», которые зажгли мировую войну и войну превратили в орудие истребления и ограбления народов: Гитлер, Гиммлер, Геббельс, Геринг, Риббентроп, Папен, Розенберг, Лей и др. Далее — ставленники Гитлера на местах, его гаулейтеры, руководители фашистских партий, высшее военное командование, гестаповцы и эсэсовцы.

К этой же основной группе преступников войны должны быть отнесены и те финансовые и промышленные магнаты, которые в течение ряда лет активно участвовали в подготовке военной агрессии, активно участвовали в организации разрушений и ограблений, а ныне, после разгрома Германии, изображают из себя политических девственниц и разъезжают по уютным отелям нейтральных стран.

К центральной группе преступников войны должны быть, наконец, отнесены также и лица, возглавлявшие и определявшие политику стран-сателлитов (Антонеску и др.) и отдавшие эти страны и их народы в услужение Гитлеру.

Третий правовой вопрос связан с определением подсудности дел о преступлениях войны.

Опубликованная в Москве 2 ноября 1943 года декларация Сталина, Рузвельта и Черчилля провозгласила: «В момент предоставления любого перемирия те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно прини-

мали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы».

В силу этой декларации суды Советского Союза, [illegible] Польши, Франции, Бельгии и других стран [illegible] гитлеровцев, совершивших преступления на территории [illegible] стран. Однако [illegible] суд [illegible] рассмотрения [illegible] этой категории дел. [illegible] что [illegible] местом совершения [illegible] преступлений войны (убийство военнопленных и др.) служила территория самой Германии. Опыт Лейпцигского суда над преступниками войны в 1921 году с полной [illegible] юстиция Германии совершенно не пригодна для [illegible] преступников войны. Еще Версальский [illegible] обязанность Германии выдать немцев [illegible] войны [illegible] с рядом [illegible] уклонилась от [illegible]. В настоящее время право каждого государства судить за все преступления войны, совершенные против его интересов, не может вызывать сомнений.

В тех случаях, когда преступления, совершенные гитлеровцами, были направлены против граждан или интересов нескольких стран, естественно, может встать вопрос об организации для рассмотрения этих дел смешанного трибунала из представителей соответствующих стран. Для суда над руководителями гитлеровской банды, злодеяния которых распространились на огромные пространства Европы, может быть создан специальный международный трибунал.

II

[illegible] не являются [illegible]. Путь борьбы с преступниками войны, путь [illegible] [illegible]. Но этот путь поставят загромождать [illegible] в этом благодаря [illegible], скептиков и, так сказать, ревнителей законов, препятствующих нормальной деятельности суда. Если кадры противников правосудия явно профашистского толка не стесняются располагать всего одним доводом—они против правосудия потому, что правосудие против гитлеровцев, то [illegible] «законы» более [illegible]: заботу о гитлеровцах они прикрывают правовой завесой. Они поэтому энергично заняты юридическими изысканиями. Но ищут они не законов, а щелей в законах, куда могли бы заползти преступники войны и переждать лютую антифашистскую непогоду. В иностранной прессе уже определились эти выставляемые напоказ щели: «законоведы» и «правдолюбы» для сокрытия гитлеровских преступников мобилизовали два устаревших тезиса. Тезис первый — нельзя судить военнопленных; тезис второй — нельзя судить исполнителей приказов.

III.

Вопросы права имеют огромное значение для успешной борьбы с преступлениями войны, для полного морально-политического разгрома гитлеризма. Но [illegible] факты. Факты, к сожалению, свидетельствуют о том, что борьба с преступниками войны ведется [illegible] и надлежащей [illegible].

[illegible] дело правосудия. В условиях [illegible] прямо и открыто [illegible]. Нелегкая задача — [illegible] — решается при помощи довольно примитивного средства: при помощи длительной процедуры составления списков преступников войны. Конечно, в определенных случаях предварительное составление перечня преступников войны необходимо.

Так, когда державы-победительницы в 1919 году потребовали от Германии выдачи — в исполнение Версальского договора — немецких генералов, повинных в преступлениях войны, то предварительно был составлен одобренный всеми державами список 890 немцев — преступников войны. Встает и сейчас вопрос о составлении списка преступников войны, которые будут преданы суду по общему требованию союзных держав, — вопрос, который долгие месяцы и весьма непродуктивно решает Лондонская Комиссия Объединенных наций. Однако, на каких основаниях или каким законом предписывается длительная процедура составления списков преступников, предаваемых суду суверенной властью отдельных государств? Когда и где органы государственной юстиции, прежде чем начать суд над убийцами или предателями, предварительно разрабатывали списки всех убийц и всех предателей? Между тем, прежнему румынскому правительству потребовалось пять месяцев после заключения перемирия (12 сентября 1944 года) для того, чтобы, наконец, в феврале 1945 года выработать небольшой список преступников войны.

Демократизация Румынии, равно как установление демократического режима в ряде других стран освобожденной Европы, создали надлежащие предпосылки для энергичной борьбы с преступниками войны. В некоторых странах Европы, однако, борьба все еще ведется вяло.

В Италии был схвачен и арестован крупный фашистский преступник — генерал Роатта. Югославия, на территории которой сей генерал совершил множество злодеяний, просила выдать Роатту. Италия предпочла организовать свой суд. Суд благополучно начался, но, как известно, катастрофически кончился: обвиняемый Роатта, недовольный речью прокурора, обиделся, ушел и поныне пребывает в неизвестности.

Мы помним, что в лейпцигском суде в 1921 году, когда Германия сама судила своих преступников войны, слушалось дело бывшего унтер-офицера Гейнена по обвинению в жестоком обращении с английскими военнопленными. Гейнен был признан виновным и приговорен к десяти месяцам тюремного заключения. Недавно финский суд приговорил Ленонсала за истязание военнопленных к семи месяцам тюремного заключения. Во Франции все еще ведется следствие над Петэном и его приспешниками. Лаваль все еще отдыхает в Испании.

Такое правосудие особого типа, правосудие замедленного действия, конечно, не случайно: оно питается пропагандой гитлеровских и прогитлеровских элементов. Дело в том, что поверженная и обезоруженная Германия в настоящий момент еще не лишена всех средств сопротивления. Гитлеровцы торопятся приспособить эти средства к требованиям новой политической ситуации. Если ранее гитлеровская Германия, бряцая оружием, прибегала к стратегии террора, а позднее, все более слабея, — к стратегии милосердия, то теперь Германия, обессиленная, ищет путь к спасению в своем собственном бессилии.

В начале 1945 года, когда катастрофа неотвратимо нависла над Германией, многие фашистские «фюреры», как известно, начали организованно «умирать». Они выступали авторами собственных некрологов, они устраивали сами себе пышные проводы на тот свет, чтобы на этом бренном свете пользоваться иммунитетом покойников. Новая стратегия, стремящаяся под покровом могильной плиты копить новые силы для войны и реванша, не нова.

В ноте от 25 января 1920 года председатель германской мирной делегации Лерснер настойчиво указывал державам-победительницам, «к каким роковым последствиям привело бы проведение в жизнь постановлений о выдаче немцев (преступников войны)»... «Требования выдачи со стороны союзных и ассоциированных правительств, — писал далее в ноте Лерснер, — должно будет, без сомнения, вызвать в Германии тягчайшие потрясения не только в политической, но и в экономической области». Эти «роковые последствия» и «тягчайшие потрясения» мобилизуются и сейчас в надежде повторить опыт поверсальских лет. Тщетные надежды.

Можно с удовлетворением отметить, что центральные фигуры немецко-фашистской банды преступников — Дениц и Геринг перестали, наконец: один — администрировать, другой — позировать. Надо думать, что скоро фотографы уступят место судьям.

Для того чтобы борьба с преступлениями войны велась в полном соответствии с требованиями закона и справедливости, необходима координированная деятельность свободолюбивых народов.

Мир должен познать, что преступники войны, посягнувшие на основы человеческого общежития, на основы мирного сотрудни-

чества государств, получат организованный и сокрушительный отпор со стороны всех свободолюбивых наций. Это право народов. Это долг правительств.

3. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ

В Московской декларации Сталина, Рузвельта и Черчилля 30 октября 1943 года было указано, что вопрос о главных военных преступниках, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, должен быть урегулирован совместным решением правительств союзников. В соответствии с этим указанием Московской декларации была создана в Лондоне международная комиссия для разработки вопроса об ответственности главных военных преступников. Комиссия состояла из представителей четырех государств — СССР, США, Англии и Франции. Помимо советских делегатов (генерала Никитченко и проф. Трайнина), в комиссию вошли: от США—член Верховного суда Джексон, от Англии — генеральный прокурор Файф, от Франции— член Кассационного суда Фалько и профессор международного права Гро. Генеральный прокурор в Англии является членом правительства; поэтому, когда в результате выборов в Англии консервативное правительство сменилось правительством лейбористским, ушел из комиссии председательствовавший в ней Файф, а его место занял лорд-канцлер, председатель Палаты лордов Джойтт.

Результатом работ Лондонской комиссии явились два документа: Соглашение и в качестве его нераздельной части Устав Международного военного трибунала. По первоначальному американскому проекту, все решения, связанные с судом и наказанием главных военных преступников, должны были найти место в одном документе. Однако организация Международного военного трибунала явилась такой новой и сложной задачей, что, естественно, встал вопрос о разработке особого устава Трибунала. После того как советской делегацией был представлен подробно разработанный проект устава, работа комиссии развернулась по этому проекту и закончилась составлением Соглашения и Устава.

В сфере международной нет закона (lex) в смысле национального права, ибо не существует законодательных инстанций, стоящих над государствами. В сфере международной единственным законообразующим актом является договор — соглашение сторон. Устав Международного военного трибунала и явился актом, определившим согласованную деятельность государств в суде и наказании главных военных преступников. Как единственный акт Устав неизбежно был разработан в качестве всестороннего акта; Устав содержит нормы, относящиеся к судоустройству,

судопроизводству и материальному праву; Устав таким образом — и закон о судоустройстве, и УПК и УК Международного военного трибунала[1]. Как же Устав разрешает сложные и вновые вставшие вопросы и проблемы?

I

Основной вопрос судоустройства — вопрос о с о с т а в е судей Международного военного трибунала, — не представлял значительных трудностей и не вызвал длительных дискуссий. Созданный соглашением четырех государств, Международный военный трибунал последовательно включил в свой состав четырех судей, представителей этих государств. К четырем судьям добавлены и четыре заместителя на случай заболевания члена суда или невозможности выполнения им своих обязанностей по иным причинам.

Для кворума необходимо присутствие всех четырех членов Трибунала. Решения принимаются Трибуналом, по общему правилу, большинством голосов; для вынесения обвинительного приговора необходимо квалифицированное большинство — голоса трех членов Трибунала. Так как общее число членов Трибунала четыре, то вполне мыслимо разделение голосов членов суда поровну, в этом случае голос председательствующего, согласно статье 4 Устава, дает перевес. Но возникает другая трудность: если голос председателя является решающим, то тем самым приобретает особенное значение выбор председателя Трибунала. Устав дает в этом отношении лишь два общих указания: во-первых, при выборе председателя соблюдается принцип очередности, и, следовательно, если пройдут четыре процесса, то каждый из членов суда будет на одном из них председателем; во-вторых, если процесс происходит вне Германии, на территории одного из договорившихся государств, то председательствует член Трибунала, представляющий соответственное государство. Выбор очередного председателя производится самим Трибуналом.

Другим весьма существенным вопросом, связанным с организацией работ Трибунала, являлся вопрос о языке, на котором должно вестись предварительное следствие и судебное заседание.

---

[1] Самая идея создания органов международной уголовной юстиции не нова. После первой мировой войны мысль дипломатов и юристов в поисках разнородных средств укрепления мира обращалась и к помощи уголовного закона. В настоящее время имеются три проекта Международного уголовного кодекса (Пелла, Сальдана и Левита) и четыре проекта Международного уголовного суда (де Кампа, пенитенциарного конгресса, Международной ассоциации уголовного права и начальной палаты Лиги наций — подробно об этом см. нашу книгу „Защита мира и уголовный закон", 1937 г.). Версальский договор сделал попытку организовать международный суд над бывшим германским императором Вильгельмом (ст. 227 Версальского договора). Однако все эти проекты, как и постановления Версальского договора, остались неосуществленными предположениями. Поэтому 8 августа 1945 года — дата, определяющая учреждение первой в истории международной судебной инстанции по уголовным делам.— А. Т.

Непоколебимый принцип равенства договорившихся сторон — СССР, США, Англии и Франции — диктовал необходимость признать официальными языками следствия и суда все три языка — русский, английский и французский. С другой стороны, совершенно неоспоримо право подсудимого понимать происходящее на суде, следовательно, право подсудимого на язык ему доступный, прежде всего немецкий язык. Таким образом, по крайней мере четыре языка[1] должны в каждом процессе являться официально признанными. Из этого, однако, не следует, что каждый вопрос и ответ, каждое замечание или распоряжение суда должны будут тут же публично передаваться на всех четырех языках; такой порядок чрезвычайно удлинил бы и осложнил бы процесс. Основными языками в каждом процессе на деле будут два: язык председательствующего и язык подсудимых. При этом, однако, каждому судье обеспечивается перевод сказанного, а каждый судья, как и каждый обвинитель, вправе ставить вопросы и делать заявления на его родном языке: судья и обвинитель — представители СССР на русском, судья и обвинитель — представители Франции на французском и т. д.

Ни одна судебная инстанция, рассматривающая серьезные уголовные дела, не может действовать без **обвинительно-следственного аппарата**. Как ни значительны и как ни бесспорны преступления, совершенные Гессом, Герингом, Риббентропом, Кальтенбруннером и другими фашистскими преступниками, престиж международной юстиции, авторитет вновь создающегося Военного трибунала требовали организации вспомогательного аппарата, который мог бы собрать обвинительный материал и подготовить дело к слушанию в Трибунале. Организация этого вспомогательного аппарата представляла значительные трудности. В основном они заключались в следующем.

В качестве международной судебной инстанции Трибунал должен во всех своих звеньях являться органом всех договорившихся государств. На этом основании следственно-прокурорский аппарат Трибунала, как и самый Трибунал, должен включать представителей четырех государств — СССР, США, Англии и Франции. С другой стороны, некоторые оперативные действия (допрос обвиняемого, обыск и т. д.), естественно, не могут совершаться коллегиально, в обязательном присутствии представителей четырех государств. Из этих трудностей был найден простой выход, удовлетворивший все стороны: при Трибунале образуется специальный «Комитет по расследованию дел и обвинению главных военных преступников». В этот Комитет входят в качестве главных обвинителей четыре представителя четырех договорившихся государств. Главные обвинители действуют коллегиально в качестве Комитета при разрешении основных вопросов (согласование плана

---

[1] Возможно и более, например в случаях, когда одни подсудимые немцы, другие — итальянцы и т. д. — *А. Т.*

работ, определение круга преступников, подлежащих юрисдикции Трибунала, утверждение обвинительного акта и предание суду Трибунала—ст. 14 Устава). Те же главные обвинители действуют «индивидуально и в сотрудничестве друг с другом» в своей оперативной работе: допросе обвиняемых, собирании доказательств, выступлении на суде в качестве обвинителей и др.

Таким образом, международная конструкция коллегии (Комитета главных обвинителей) сочетается в Уставе с индивидуальным правом каждого из обвинителей самостоятельно вести оперативную следственно-прокурорскую работу.

Работа Комитета уже началась: им, как известно, опубликован первый список 24 главных военных преступников, подлежащих суду Международного военного трибунала; ведется большая работа по подготовке первого процесса главных военных преступников в Нюрнберге. Имеется, следовательно, достаточно оснований утверждать, что образованный соглашением четырех государств Комитет главных обвинителей оказался вполне дееспособной организацией.

Не менее сложным оказался другой основной процессуальный вопрос: как должен быть построен с у д е б н ы й п р о ц е с с в Международном военном трибунале. Сложность вызывалась не только новизной проблемы — первым опытом создания международного уголовного суда, она в еще большей степени вызывалась коллизией двух процессуальных систем — англо-американской и континентальной (русско-французской).

По англо-американской системе огромная роль при судебном рассмотрении дела отводится прокурору. Прокурор представляет в суд краткую обвинительную формулу, на суде развертывает обвинение и опровергает доводы защиты. При этом судьи, в том числе и председатель суда, весьма пассивны. Наш процесс построен, как хорошо известно, на иных началах: у нас судьи принимают деятельное участие в рассмотрении дела; у нас прокурор — одна из сторон в процессе; у нас обвинение представляет суду подробное обвинительное заключение и т. д.

Таким образом, перед комиссией, работавшей над Уставом нового Трибунала, оказались две процессуальные системы, представленные каждая двумя государствами: Америкой и Англией, с одной стороны, Советским Союзом и Францией — с другой. Каким же путем пошел Международный военный трибунал?

Вначале в комиссии делались попытки ставить и решать вопрос о том, какая из двух названных систем, англо-американская или континентальная, лучше, чтобы за лучшей и последовал Международный трибунал. В этом плане некоторые представители настойчиво уверяли, что американское общественное мнение усвоит только американскую систему процесса. Однако не составляло, конечно, труда утверждать, что советское общественное мнение усвоит только советскую систему процесса. Естественно, такой путь — путь сопоставления двух систем — не сулил скорого и

…вного решения вопроса. Комиссия поэтому избрала иной, единственно правильный путь.

Создается Международный военный трибунал для суда над главными военными преступниками; его организация, его задачи, его функции совершенно самостоятельны и специфичны, специфичным должен быть и его процесс. Поэтому нет надобности копировать в международном масштабе национальный процесс того или иного государства: нужно разработать систему процессуальных норм, соответствующую особому положению и особым задачам Международного военного трибунала. В результате таким путем был разработан следующий порядок судебного заседания Международного военного трибунала: обвинительное заключение составляется подробно, судьи, в первую очередь председатель, активно ведут и направляют судебное следствие; обвинитель — сторона в процессе, выступающая рядом с другой стороной — защитой, и т. д. Было бы, конечно, неправильным утверждение, что ни одна из черт англо-американской системы не проникла в процессуальный порядок, установленный для Трибунала: без взаимного понимания и взаимных уступок ни одно международное соглашение не осуществимо. Существенно иное: по какому вопросу, в каком пункте сделано отступление в направлении воззрений другой стороны.

Уставом Трибунала сделан один шаг в направлении англо-американской системы — некоторое усиление роли прокурора: он после оглашения обвинительного акта произносит краткую обвинительную речь по существу предъявленных обвинений, и он же далее произносит свою заключительную обвинительную речь не до защитника, как это имеет место в советском процессе, а после него. Если учесть, что в Международном военном трибунале будут слушаться дела главных военных преступников, виновных в величайших злодеяниях против человечества и человечности, то некоторое усиление роли обвинителя должно быть признано вполне обоснованным. Это уступка в интересах дела. Усиление роли прокурора тем более обосновано, что параллельно Устав отводит значительное место нормам, определяющим права подсудимых (раздел IV «Процессуальные гарантии для подсудимых»): право обвиняемых давать объяснения и представлять доказательства в любой стадии процесса, право получать все материалы дела на родном языке, право на защиту и др.

Одна из главных функций следствия и суда — анализ и оценка доказательств. Особые задачи, стоящие перед Международным военным трибуналом, и особое положение подсудимых, злодеяния которых известны всему миру, нашли последовательное выражение в нормах Устава, регулирующих порядок использования и оценки доказательств. Согласно статье 19 Устава, Трибунал не должен быть связан формальностями в использовании доказательств; Трибунал допускает любые доказательства, которые, по его мнению, имеют доказательную силу. Статья 21 устанавлива[ет]

Трибунал не будет требовать доказательств общеизвестных фактов и будет считать их установленными. Трибунал также будет принимать без доказательств официальные правительственные документы и доклады Объединенных наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзных странах для расследования военных преступлений. Таким образом, согласно ст. 21 Устава Трибунала, акты Советской Чрезвычайной Государственной Комиссии будут иметь на суде бесспорную доказательную силу.

Специальный V раздел Устава Трибунала включает нормы, регулирующие «Права Трибунала и судебное заседание». Здесь заслуживает быть особо отмеченной статья 18, предписывающая строго ограничивать судебное разбирательство быстрым рассмотрением вопросов, связанных с обвинением, принимать строгие меры для предотвращения любых выступлений, которые могут вызвать неоправдываемую задержку процесса, исключать какие бы то ни было не относящиеся к делу вопросы и заявления. Этими положениями предусмотрена обязанность Трибунала решительно пресекать возможные демагогические выпады подсудимых, направленные против суда Объединенных наций; при неподчинении распоряжению суда Трибунал может налагать взыскания, включая лишение любого подсудимого или его защитника права присутствовать на всех или некоторых заседаниях.

II

Устав Международного военного трибунала—единственный акт, которым определяется организация и деятельность вновь созданной международной судебной инстанции. Устав Трибунала поэтому должен включать не только нормы, регулирующие судоустройство и судопроизводство, но и нормы материального права.

Среди норм материального права первостепенное значение имеет статья 6 Устава, дающая определение отдельных видов международных преступлений.

Статья 6 различает три основных вида международных преступлений: 1) преступления против мира (планирование, развязывание, ведение агрессивной войны и др.); 2) военные преступления (нарушения законов и обычаев ведения войны—убийства мирных граждан, военнопленных, увод в рабство, грабежи и др.); 3) преступления против человечности (убийства, насилия, ссылки, совершенные по политическим, расовым или религиозным мотивам, и др.). Все названные виды международных преступлений охватываются общим родовым понятием—посягательства на основы международного общения.

При определении третьего вида международных преступлений—преступлений против человечности—останавливают внимание два существенных признака: эти действия считаются преступными, хотя бы они были совершены и до войны; они считаются преступными независимо от того, являлись ли они нарушением

внутреннего права страны, где они были совершены, или нет. Здесь Устав непосредственно имеет в виду законы против евреев и других национальных меньшинств, изданные в Германии задолго до войны и выражавшие общую фашистскую политику установления господства одной нации над всеми другими.

Четки и частью весьма оригинальны нормы Устава, регулирующие ответственность за соучастие: «руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из упомянутых в статье 6 преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами для осуществления этого плана».

Таким образом, круг лиц, могущих нести ответственность за международные преступления, весьма широк; он охватывает не только непосредственных исполнителей и пособников, но и всю гитлеровскую верхушку, всю клику международных преступников, явившихся вдохновителями и организаторами всей гитлеровской системы военизированного бандитизма.

С проблемой соучастия непосредственно связан вопрос об ответственности членов преступных организаций. По первоначальному предложению одной из делегаций Международному военному трибуналу должно было быть предоставлено право признавать ту или иную организацию преступной независимо от суда над конкретными лицами, членами этой организации. Это предложение встретило серьезные возражения: казался неправильным отрыв организации от физических лиц, ее участников, и введение таким путем самостоятельной процедуры суда над юридическими лицами. Уставом поэтому избран средний путь: Трибунал вправе выносить особые определения о признании организации преступной, однако лишь в связи с осуждением конкретных физических лиц—руководителей или членов этой организации. Так, рассматривая дело по обвинению включенного в первый список главных военных преступников Кальтенбруннера, заместителя Гиммлера по гестапо, Трибунал вправе, осудив Кальтенбруннера, признать гестапо преступной организацией.

Это признание влечет за собой весьма существенные правовые последствия: если определением Международного военного трибунала организация признана преступной, то национальные трибуналы, рассматривая дела отдельных участников такой организации, уже не вправе подвергать сомнению ее преступный характер. Таким образом, и это чрезвычайно важное положение Устава, определение Международного военного трибунала в части признания организации преступной имеет обязательную силу для органов национальной юстиции.

Среди норм материального права, включенных в Устав, заслуживают быть отмеченными нормы, направленные к устранению возможных попыток подсудимых избежать заслуженной кары путем ложных юридических конструкций.

Как известно, за рубежом гитлеровские адвокаты, неутомимо занятые измышлением аргументов в пользу безнаказанности военных преступников, усиленно распространяют мысль, что военнослужащий, исполняющий приказ начальника, не может нести за свои действия уголовную ответственность. На харьковском процессе Руц и другие охотно прибегали к этому аргументу. Заранее и решительно парализуя эти попытки ускользнуть от ответа под прикрытием обязательной силы приказа, Устав признает, что исполнение приказа не может служить основанием, исключающим уголовную ответственность. Лишь в исключительных случаях Трибунал вправе, если он найдет это нужным, признать за приказом значение смягчающего вину обстоятельства.

С той же определенностью Устав устраняет также наблюдавшиеся в иностранной проглитлеровской прессе тенденции рассматривать членов правительства как лиц, несущих лишь политическую, а не уголовную ответственность за проводимые ими мероприятия. «Должностное положение подсудимых,—говорит статья 7 Устава,—их положение в качестве глав государства или ответственных чиновников различных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания».

III

Завершающим судейскую деятельность актом является вынесение п р и г о в о р а. Нормам, регулирующим вынесение Международным военным трибуналом приговора, посвящен VI раздел Устава: «Трибунал имеет право,—устанавливает статья 27,—приговорить виновного к смертной казни или другому наказанию, которое Трибунал признает справедливым».

Смертная казнь, таким образом,—основное и единственное наказание, прямо в Уставе предусмотренное. Однако Трибунал не ограничен в праве назначить и иную, помимо смертной казни, санкцию, например тюремное заключение на любой срок, ссылку и др. Указать в Уставе лишь одну санкцию—смертную казнь означало бы лишить высшую международную судебную инстанцию права определять наказание, ибо при наличии одной меры наказания—смертной казни каждое признание виновности неизменно, автоматически влекло бы за собой смертный приговор.

В качестве дополнительного наказания по предварительному проекту предполагалась конфискация имущества. Однако термин «конфискация» для некоторых делегаций звучал необычно. Поэтому статья 28 Устава пользуется описательной формулой: «Трибунал вправе в дополнение к определенному им наказанию постановить об отобрании у осужденного награбленного имущества».

Приговор Трибунала является окончательным и не подлежит пересмотру. Однако Контрольный совет в Германии может смягчить, изменить приговор, но не вправе повысить наказание. Если после вынесения Трибуналом приговора Контрольный совет [illegible]

чит новые доказательства, которые, по его мнению, дают основание для возбуждения нового обвинения против подсудимого, совет сообщает эти доказательства Комитету главных обвинителей.

Обвинительные приговоры Трибунала приводятся в исполнение согласно приказу Контрольного совета. В распоряжении самого Трибунала нет особых ему подведомственных мест заключения, как нет и аппарата для исполнения приговора.

IV

Вновь созданный Военный трибунал является Международным не только потому, что он организован по соглашению четырех государств. Как указано во вводной части этого соглашения, правительства СССР, США, Англии и Франции, действуя в интересах всех Объединенных наций, договорились учредить Международный военный трибунал. В соответствии с этим статья 5 Соглашения устанавливает: любое из правительств Объединенных наций может присоединиться к настоящему Соглашению, оповестив дипломатическим путем правительство Соединенного Королевства.

Юрисдикции Международного военного трибунала подлежат лишь главные военные преступники, предаваемые суду Трибунала постановлением Комитета главных обвинителей. Все иные военные преступники подлежат юрисдикции национальных трибуналов: «Ничто в настоящем Соглашении,—указывает статья 6,—не умаляет компетенции и не ограничивает прав национальных или оккупационных судов, которые уже созданы или будут созданы на любой союзной территории или в Германии для суда над военными преступниками».

Весьма крупные и опасные военные преступники находятся в распоряжении правительств различных государств. Передача этих преступников в распоряжение Международного военного трибунала для следствия и суда является необходимым условием правильной деятельности Трибунала. Поэтому статья 3 Соглашения устанавливает: «Каждая из подписавшихся Сторон предпримет необходимые меры, чтобы представить для расследования обвинений и суда главных военных преступников, содержащихся у нее под стражей и подлежащих суду Международного военного трибунала. Подписавшиеся Стороны также предпримут максимальные усилия, чтобы представить для расследования обвинений и суда Международного военного трибунала тех главных военных преступников, которые не находятся на территории какой-либо из подписавшихся Сторон».

Международный военный трибунал создан. Его приговор явится не только смертельным ударом по фашистским первенцам и последышам, но и мощным морально-политическим ударом по фашизму. На мировой трибуне перед лицом всего человечества разоблаченный фашизм предстанет таким, каким он есть,—заговором бандитов против свободы и человечества.

Первый процесс главных военных преступников состоится в Нюрнберге, в городе, где ежегодно под звуки фанфар, при факельных шествиях собирались торжественные съезды фашистской партии. В Нюрнберге расцветал фашизм. В Нюрнберге он найдет свою могилу.

4. ИСКАТЕЛИ «ЮРИДИЧЕСКИХ ЩЕЛЕЙ»

Нюрнбергский процесс медленно, но верно движется вперед. Главные военные преступники, сидящие на скамье подсудимых, с каждым днем все больше и больше изобличаются документами и фактами потрясающей силы. Впереди у них одна перспектива: она содержится в словах Устава Международного военного трибунала: «Признанные виновными подлежат смертной казни». Такая перспектива толкает гитлеровцев на любые непристойные уловки.

Палачи миллионов судорожно ищут спасения, когда речь идет об их собственном жалком существовании. Они торопливо, как тараканы под лучами света, ищут щелей, куда можно было бы уползти от суда возмездия.

Поисками «щелей» занялись и защитники подсудимых. Юристы по образованию и адвокаты по профессии, они, естественно, ищут юридических щелей и лазеек. Защитник Геринга Штаммер от имени всех защитников обратился в Трибунал с письменным заявлением, в котором пытается доказать, что не существует закона, на основании которого Трибунал мог бы судить главных военных преступников.

«Открытая» доктором Штаммером юридическая «щель» не блещет ни новизной, ни оригинальностью. Всему миру известно, что еще в 1920 году Голландия, пытаясь обосновать отказ в выдаче для суда Вильгельма, утверждала, что «никто не может наказать иначе, как на основании закона, ранее изданного и опубликованного».

За четверть века произошли события исторического значения: народы всего мира извлекли из них богатейший опыт. Но Штаммеру нужна «щель», нужна во что бы то ни стало. И в 1945 году он пишет в Трибунал: «Только те действия могут караться, которые нарушают закон, действовавший во время их совершения».

В безнадежных, но упорных поисках юридических лазеек он делает вид, что ему неизвестно элементарное различие в понятии «закон», существующее в национальном и международном праве. Закон в сфере национального права—это облеченный в надлежащую форму акт законодательной власти государства. Применительно к этому национальному закону и был выдвинут в проти-

совес произволу полицейского государства прогрессивный лозунг: «Нет преступления, нет наказания без указания в законе».

Однако каждому грамотному юристу понятно, что в сфере международных отношений не существовало, да и не может существовать законодательных инстанций, компетентных издавать законы для всех государств. Режим международных отношений покоится на совершенно иных политических и правовых отношениях. В международной сфере основным источником права является договор. Именно поэтому соглашение об учреждении Международного трибунала и его Устав приобретают особое значение: здесь впервые в международном акте определены порядок международного суда и составы международных преступлений. Совершенно очевидно, что механическое перенесение принципов и норм национального права в право международное нужно Штаммеру лишь для того, чтобы найти спасительную «щель».

Полным искажением всей структуры национального законодательства явилось бы внесение в законодательную деятельность государства договорного начала, без которого, однако, интернациональное право существовать не может, и, наоборот, международное право подверглось бы глубокому извращению, если бы, например, известный национальному праву принцип аналогии (применение сходного закона) был использован в сфере международных отношений.

Нельзя при этом не отметить и другого существенного обстоятельства. Доктор Штаммер претендует, чтобы принцип «нет преступления без ранее изданного закона» был соблюден по делу главных военных преступников. Последовательно и неустранимо встает вопрос: где же тот, с точки зрения Штаммера, всегда необходимый ранее изданный закон, в силу которого предлагаемый Штаммером принцип имеет обязательную международно-правовую норму?

Такой международно-правовой нормы не существует. Он, доктор Штаммер, во главе других 24 адвокатов объявил себя исполнителем международного закона, разрешающего судить лишь при соблюдении принципа «нет преступления без предварительного указания закона». Почему же четыре великие державы, действующие от имени и в интересах свободолюбивых народов, менее компетентны в установлении международно-правовых норм, чем две дюжины немецких адвокатов? Устав Международного трибунала принят, его статьи, определяющие преступление и наказание гитлеровцев, действуют. Следовательно, имеются достаточные правовые основания для суда и наказания главных военных преступников.

Но господин защитник не унывает.

Помимо уже разобранной аргументации, в заявлении содержится также ссылка на печальной памяти Лигу наций. «Она,—утверждают авторы заявления,— всегда только осуждала агрессивные действия государства, нарушающие международное право, но

никогда не помышляла об обвинении государственных людей, генералов и промышленников агрессивной нации».

Но концы оказались неувязанными; общеизвестно, что пакт Лиги наций является неразделыной частью Версальского договора, который прямо предусматривал уголовную ответственность государственных деятелей и генералов Германии, Вильгельма и его соратников за войну 1914—1918 годов. К тому же главным военным преступникам предъявлены обвинения не только в развязывании агрессивной войны, но и в совершении военных преступлений (убийства мирных граждан, военнопленных и др.) и преступлений против человечности. Ряд международных конвенций (Гаагская конференция 1907 года, Вашингтонская конференция 1921—1922 годов) и законодательства всех без исключения государств предусматривают судебную ответственность за такого рода преступления, как истязания, убийства, грабежи и т. д. Эти законы существуют и действуют давно и были хорошо известны гитлеровцам задолго до совершения ими злодеяний.

Кроме того, еще в 1942 году, т. е. за три года до настоящего процесса, свободолюбивые народы предупреждали фашистских разбойников о грядущей каре за их неслыханные преступления.

6 ноября 1942 года товарищ Сталин говорил: «Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления».

«Вожди этих стран, — заявил 12 октября 1942 года президент США Рузвельт, — должны помнить, что будут судимы за свои преступления».

Ясно поэтому, что аргументация защиты против суда над главными военными преступниками выглядит несостоятельной и жалкой.

Однако время не ждет; на суде обвинением ежедневно оглашаются все новые и новые документы и факты, неумолимо изобличающие Геринга, Гесса, Кейтеля и иже с ними в совершении неслыханных в истории нашей планеты злодеяний против человечества и человечности. И защита, чувствуя шаткость собственной теневой аргументации об отсутствии законной власти у Трибунала, в то же [illegible] торопится найти какую-нибудь новую лазейку.

На сей раз плагиат совершен у некоторых органов зарубежной печати, снисходительно соглашавшихся судить гитлеровцев, но требовавших создания так называемого «нейтрального» суда. «Судьи назначены,—жалуются в своем обращении к Трибуналу защитники, — теми государствами, которые представляют лишь одну из воюющих сторон. Эта воюющая сторона создала юридическую организацию и нормы уголовного закона и в то же время является прокурором и судьей». Поэтому, мол, уж если и судить, то надлежало бы организовать суд из представителей нейтральных стран. Но и здесь господа защитники явно промахнулись.

Всегда и всюду закон о суде, как и все законы, издается государством, и то же государство, а не соседнее, назначает прокуроров и определяет порядок назначения или избрания судей. В

международной организации эти функции, естественно, выполняются несколькими государствами. Никакого «разделения труда», при котором одно или несколько суверенных государств определяют порядок суда, а другие государства по этому порядку судят,—нет и быть не может.

Предложение пригласить во имя справедливости в качестве судей нейтральные страны звучит особенно нелепо и цинично. Шесть лет свободолюбивые народы, принося величайшие жертвы, вели борьбу с фашистскими преступниками и отстаивали свою свободу и независимость, торжество закона и справедливости. И вот теперь, когда ценою огромных жертв победа одержана и настал час грозного суда, оказывается, не они, а приглашенные со стороны «носители справедливости» должны совершить правосудие над преступниками войны! Защита хотела, чтобы правительства государств-победителей признали, что среди сотен миллионов героических граждан СССР и Америки, Англии и Франции нет достаточно заслуживающих доверия судей: защита рекомендует обратиться к внешнему займу—занять честных судей у нейтральных стран — очевидно, у таких прославленных своей этической чистотой стран, как Испания или Аргентина.

Конечно, было бы заблуждением полагать, что роль защиты в Нюрнбергском процессе проста и легка. Но также совершенно бесспорно и то, что защитники обязаны исполнить свой долг со всей тщательностью, диктуемой интересами правосудия, а не выступать в роли искателей и фабрикантов «щелей» и лазеек весьма сомнительного юридического свойства. Правосудие пройдет мимо всяких юридических уловок, ибо приговор Трибунала будет основан на фактах и документах, а не на впечатлении, производимом недостойной юридической акробатикой защитника Геринга.

5. ПРЕСТУПНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ГИТЛЕРИЗМА

Германский фашизм представлял собой систему организованного государством бандитизма. Такая система могла существовать лишь при помощи сети вспомогательных бандитских организаций, связывавших фюреров большой дороги с фюрерами переулков и троп.

Поэтому в гитлеровской Германии действовал ряд наделенных огромной властью организаций—гестапо, СС, СА и др.,—участники которых осуществляли террор, насилия, злодейства в порядке прибыльной государственной службы. Когда настал час расплаты, закон и суд не прошли мимо этих зловещих фактов. Согласно статье Устава Международного военного трибунала, «при рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации трибунал может признать, что группа или организация,

членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией».

В Нюрнберге эта, предусмотренная статьей 9, возможность стала реальностью. На Нюрнбергском процессе, где собран «цвет» фашистских фюреров, каждый подсудимый многолик: Геринг—министр, верховный руководитель войск СА и генерал войск СС; Гесс—министр, заместитель Гитлера по партии, генерал войск СС и СА; Розенберг—имперский руководитель нацистской партии по вопросам идеологии и внешней политики и генерал войск СА и т. д.

Опираясь на эти факты, обвинительный акт в соответствии со статьей 9 Устава не только предъявляет обвинение главным военным преступникам, но и ставит перед Трибуналом вопрос о признании преступными тех организаций, к которым принадлежали главные военные преступники. К таким организациям обвинительный акт с полным основанием относит: правительство фашистской Германии, генеральный штаб и высшее командование германских вооруженных сил, руководящий состав германской национал-социалистской партии, государственную тайную полицию (гестапо), охранные отряды германской национал-социалистской партии (СС), отряды безопасности (СД) и штурмовые отряды (СА).

Интернациональная уголовная юстиция родилась вместе с Международным военным трибуналом и поэтому, естественно, прошлого не имеет и судебных прецедентов не знает. Но и в вековой практике национальных судов рассмотрение уголовных дел о юридических лицах (организациях)—явление необычное. Поэтому особенно важно установить подлинное значение того расследования преступного характера организаций, которое предусмотрено Уставом Трибунала. Согласно статье 10 Устава, если Трибунал признает ту или иную организацию преступной, то национальные суды вправе привлекать отдельных лиц за принадлежность к преступной организации. Существо этой нормы не может вызывать сомнений.

На Нюрнбергском процессе речь идет вовсе не об установлении уголовной ответственности организаций: вопросов о наказании организаций Трибунал не ставит и не решает. Речь, согласно Уставу, идет об ином. Трибунал вправе признать организацию преступной не для того, чтобы ее наказать, а лишь для того, чтобы обеспечить национальным судам право привлекать отдельных лиц за принадлежность к таким организациям, признанным преступными. Следовательно, принцип, что уголовной ответственности подлежат конкретные физические лица, руководители и участники преступных организаций, не только не колеблется Уставом Трибунала, а, напротив, находит в нем новое подтверждение.

При этом заслуживает особого внимания указание той же статьи 10 Устава, согласно которому, если Трибунал признает организацию преступной, то ее преступный характер считается доказанным и не может подвергаться оспариванию.

Конечно, вопрос о виновности отдельных лиц в принадлежности к преступной организации, как и вопрос об ответственности за такую принадлежность, был и остался в ведении национальных судов. Но отмеченный выше общий вопрос, преступна ли организация, признанная таковой Международным военным трибуналом, не может быть оспорен или подвергнут пересмотру судами отдельных стран. Общественно-политический и судебный авторитет Трибунала тем самым поднят чрезвычайно высоко.

Очень значительны и практические последствия признания Трибуналом ряда организаций преступными. Нельзя упускать из виду, что Международному военному трибуналу подсудны лишь дела о главных военных преступниках. Следовательно, огромная масса дел о военных преступлениях, совершенных гитлеровцами иных чинов и рангов, пройдет перед национальными трибуналами. При рассмотрении всех этих дел решенный Международным трибуналом вопрос о преступном характере организации, к которой подсудимый принадлежал, будет играть весьма существенную роль, обеспечивая в величайшей мере интересы правосудия.

Устав Международного военного трибунала в особом разделе предусматривает процессуальные гарантии для подсудимых. Эти гарантии осуществляются на Нюрнбергском процессе не только, когда речь идет о подсудимых—физических лицах, но и тогда, когда обвинение направлено против организаций. На процессе три адвоката допущены в качестве специальных защитников организаций. Эти адвокаты не ведут персональной защиты: их единственная задача—представить доказательства против признания преступными организаций.

Согласно статье 9 Устава, Трибунал, получив обвинительный акт, предлагающий признать организации преступными, обязан об этом широко оповестить с тем, чтобы отдельные члены этих организаций могли заявить о своем желании выступить перед Трибуналом. Трибунал выполнил требования статьи 9 путем соответственного сообщения по радио. Это сообщение может вызвать активность в рядах бывших гестаповцев, эсэсовцев, штурмовиков. Открыть широкий доступ в Трибунал всем этим элементам, которые начнут доказывать, что гестапо—благотворительное учреждение, а штурмовые отряды—пансионы для благородных девиц, значило бы столкнуть судебный процесс в бездонную пропасть разговоров, и при этом разговоров профашистских. Этого, конечно, Трибунал не допустит.

Если известные всему миру главные военные преступники не уничтожены политическим актом, а посажены на скамью подсудимых, то, конечно, не для того, чтобы суд превратить в издевательство над правосудием. Статья 9 Устава прямо указывает, что «Трибунал будет вправе удовлетворить или о т к л о н и т ь» ходатайства бывших членов преступных организаций.

Свободолюбивые народы напряженно ждут справедливого приговора Международного военного трибунала.

6. ТАРАКАНЫ

Когда под ударами Красной Армии и союзных войск рухнула Третья империя, ее многочисленные организаторы, прислужники и нахлебники рассыпались по разным городам и странам, отелям и лагерям. Словно с крахом империи и они канули в вечность. Однако в нынешних условиях пребывание в политических невидимках не может быть очень продолжительным. Сумерки Европы быстро рассеялись: идеи, вещи и люди начинают выступать в подлинном свете. Запестрели и «образы» притаившихся гитлеровцев. Значительная роль в этом бесспорно принадлежит Нюрнбергскому процессу. Нюрнбергский процесс поведал не только о злодеяниях, совершенных главными военными преступниками. Нюрнбергский процесс, как гигантский прожектор, поставленный в центре Германии, осветил и деятельность более широких кругов гитлеровских соратников.

Настигнутые лучами света, вчерашние «лейтеры» и «фюреры», как тараканы, забегали, засуетились в поисках выхода. Вспыхнуло и эпидемически распространилось это волнение в связи с возбуждением в Нюрнберге вопроса о преступных гитлеровских организациях. Согласно Уставу и обвинительному акту, Международный военный трибунал в Нюрнберге наряду с приговором в отношении главных военных преступников должен также вынести определение о признании преступными ряда фашистских организаций — гестапо, СС, СА и др. Поскольку в Нюрнберге речь идет о признании организаций в целом преступными, Устав в интересах правосудия предписывает широко оповестить об этом членов соответственных организаций. Трибунал сделает объявление, предписывает статья 9 Устава, что обвинение намеревается ходатайствовать перед Трибуналом о вынесении определения о признании организации преступной. Любой член организации будет вправе обратиться в Трибунал за разрешением быть выслушанным Трибуналом по вопросу о преступном характере организации.

Трибунал выполнил требование статьи 9, широко оповестив по радио и через печать о возможном приговоре в отношении организаций. Это сообщение Трибунала и вызвало в рядах членов названных в обвинительном акте организаций глубочайший переполох: они почувствовали себя в зоне правосудия. Трибунал не предполагал и не предполагает решить вопросы об ответственности отдельных членов преступных организаций. Эти вопросы всецело в компетенции трибунала отдельных стран. Но фашистские тараканы, равнодушные к жизни миллионов, проявили величайшее внимание к собственной персоне. Зашевелилась, задвигалась темная гуща гестаповцев, эсэсовцев и прочих гитлеровских прислужников. 47 000 заявлений уже поступило в Трибунал от членов преступных организаций — гестапо, СС, СА и др. 47 000 лиц жаждут быть свидетелями в Международном военном трибунале в надежде не

стать обвиняемыми в национальных судах. Они торопятся. Они не могут молчать: на них «шапка горит».

Особенно заволновались эсэсовцы. Ими одними подано в Трибунал 38 000 заявлений. Эсэсовец К. охотно притворяется ничего не знающим. В поданном в Трибунал заявлении он пишет: «Нам, как и всему немецкому народу, известно, что существовал тот или иной концлагерь, в котором содержались профессиональные преступники и другие антиобщественные элементы с целью их перевоспитания и в то же время для изоляции их от населения». О том, что в концлагерях «перевоспитание» велось при помощи душегубок, а «изолировали» заключенных в потустороннем мире, эсэсовец К. и с ним «весь немецкий народ» не знал. Может быть, у членов гестапо — учреждения, ненавидимого всем миром, найдутся иной язык и иные слова. Сотрудник гестапо Артур В. действительно не ссылается на свое неведение. В. знает, твердо знает, но только не про фашистские зверства. «Каждый акт физического насилия или даже жестокости против арестованных лиц, — пишет Трибуналу В., — подлежал дисциплинарному взысканию. Я не получал никаких приказов преступного характера от высших учреждений гестапо, не получал и не передавал дальше никаких подобных приказов».

Таково гестапо в оценке гестаповца: образцовое заведение, почти питомник законников и гуманистов. Откликнулись и представители третьей организации — СА. «Роттенфюрер» СА Д. спешит довести до сведения Международного военного трибунала, что он неплохого мнения о себе и о своем заведении: «От меня, — пишет он, — никогда не требовали совершения бесчестных действий и не давали бесчестных приказов. Мне также никогда не приказывали совершать преступление или несправедливое действие. Будучи членом СА, я никогда не совершал неблагородных или преступных действий». Авторы других заявлений уверяют, что отдельные звенья организации представляют собой попросту общество джентльменов, собрание, так сказать, избранников в квадрате — избранных представителей избранной расы. В заявлении, написанном одним из активных гитлеровцев, автор пишет, что в его организацию «не могли попасть люди с преступным прошлым или с плохими расовыми данными».

Особенно обижены предположениями о преступном характере СА ее резервные и медицинские части. Доктор Карл Х. сообщает Трибуналу: «Служба в резервных ротах состояла, главным образом, из еженедельных смотров, главными моментами которых были проверка и вечеринки с пивом, следовавшие за ними». Почти идиллия: медицина, вечеринка, пиво. Однако далее в том же заявлении сообщается: «Каждый месяц устраивались походы, называемые «маршами». Иногда они сопровождались стрельбой». Зачем медикам походы со стрельбой, автор не сообщает. Не высказывается доктор Х. и об опытах над людьми и о [illegible], проводившихся немецкими врачами.

Эти голоса в стиле наивного неведения не единичны. Таков общий тон. Тысячи уст торопятся довести до Трибунала: гестапо, СС, СА «оклеветаны», правосудие — у порога ошибок. Однако, если не гитлеровские главари и не их зловещая паства, тогда кто же организовал Майданек и Освенцим, Треблинку и Дахау, кто замучил миллионы невинных, кто убивал военнопленных, кто цветущие области обращал в зоны пустыни, кто грабил население с предельной жадностью.

Растревоженные тараканы мечутся в поисках выхода. Одни юркнули в темноту неизвестности, другие обратились в Трибунал. Правосудие поможет и тем и другим. Главные военные преступники — на скамье подсудимых. Их многочисленные кадры — на подступах к суду. Настигнутые лучами света, преступники будут настигнуты и мечом правосудия.

7. ПРОФЕССИЯ ПАЛАЧЕЙ

Все глубже вскрывает советское обвинение перед Трибуналом и всем миром страницы гитлеровских злодеяний. Территориальные вожделения фашистских агрессоров были весьма обширны: Гитлер зарился на Польшу и Чехословакию, Украину и Белоруссию, Крым и Кавказ. По стопам агрессоров, следом за этой программой шла и другая: программа очищения оккупированных территорий от «балласта» — местного населения.

По данным, представленным Трибуналу, гитлеровцы планировали убийство на Востоке 30 миллионов мирных граждан. Осуществление этой программы не создавало для заговорщиков моральных трудностей: честь и совесть в Третьей империи были заблаговременно упразднены. Но возникали трудности технические: уничтожение десятков миллионов людей требовало высокоразвитой человекоистребительной техники.

На помощь фашистским палачам поторопилась фашистская наука: немецкие врачи и химики, биологи и физики усердно занялись изобретением средств убиения беззащитных. Задача раскрывалась огромная — 30 миллионов убийств! — человеческим знанием еще не испытанная. Старые кустарные орудия — веревка, топор, пуля — не были отвергнуты! Но одновременно началось внедрение промышленных достижений современности. Огонь и вода, газы и бактерии были поставлены на службу истреблению.

В этой погоне за смертью невинных одичание гитлеровцев достигло такой глубины, а германская истребительная техника такой высоты, что годами стлался над обширными пространствами Европы едкий дым крематориев, а «отходы» нового производства, трупного производства, — кости, жир, волосы — шли эшелонами в рейх как сырье для германской промышленности. Кадры немцев, вовлеченных в конвейер смерти, достигли огромных размеров.

Пока фашистские «ученые» изобретали способы лучшего истребления людей, палачи из гестапо и из заведения Риббентропа трудились над маскировкой бешеного разгула казней. На вагонах душегубок были намалеваны окна с занавесочками, у входа в треблинский ад были построены макеты буфетов с прохладительными напитками, а над камерами смерти была тщательно выведена надпись «баня».

В этой истребительной кампании не остались безработными и фашистские юристы. Невежды в технике, они принесли на помощь плахе все скудные запасы своих юридических познаний. Они занялись бутафорией по своей специальности: строили макеты «суда» и раздавали ярлыки «законности». В Польше и Югославии, которые были в числе первых жертв фашистской агрессии и где поэтому правовая завеса представляла особую политическую ценность, появились изданные оккупантами «законы». Они были доложены Трибуналу представителем советского обвинения тов. Смирновым.

Законом 4 декабря 1941 года для польских граждан — поляков и евреев — была создана особая юстиция. Существо этой особого назначения юстиции заключалось в том, что поляку и еврею угрожала смертная казнь за совершение любого из следующих действий: 1) устранение или повреждение плакатов, вывешенных немецкими властями, 2) акты насилия против немецких воинских чинов, 3) оскорбление чести рейха или нанесение ущерба его интересам, 4) повреждение имущества, принадлежащего немецким властям, 5) повреждение предметов, предназначенных для работ общественного характера, 6) непослушание постановлениям и распоряжениям, изданным немецкими властями. Нетрудно заметить, что перечень этот достаточно всеобъемлющ: любое действие, совершенное поляком или евреем, любое слово, ими произнесенное умышленно или неосторожно, может влечь за собой смертную казнь. Однако авторы закона еще не почувствовали себя вполне удовлетворенными: их грызла тревога, как бы все-таки невзначай отдельные жертвы не ускользнули из сетей «закона» и, таким образом, установленная для «польского генерал-губернаторства» разверстка смерти не оказалась сорванной. Движимые этой тревогой, авторы закона 4 декабря 1941 года внесли в него еще одно указание — указание, которое лишает всякого смысла ими же составленный перечень преступных действий, но которое зато с доступной каждому палачу ясностью говорит о том, что не в законе дело. Действительно, вслед за приведенным выше перечнем идет добавление: смертная казнь применяется в некоторых других случаях. Таким образом, поляк или еврей за любое действие и любое слово, ему неизвестные, суду неизвестные и самому законодателю неизвестные, мог быть подвергнут смертной казни. Кажется совершенно естественным, что автором закона 4 декабря 1941 года был президент фашистской академии права подсудимый Франк.

Почти одновременно и в оккупированной Югославии был установлен импортированный из рейха режим насилий и террора. В Югославии законом от 27 сентября 1941 года были созданы специальные суды — штандгерихт. Все в этих судах было приспособлено: судьи — эсэсовцы, процесс — по принципу скачек: скорее к финишу, приговор — смертная казнь — немедленная или через концлагерь, помилование — исключается.

В течение нескольких лет, пока под ударами Красной Армии и союзных войск не рассыпалась «Третья империя», действовали эти законы-чучела и суды-макеты, сея смерть и страдания и покрывая кровавый блуд беззакония тогой правосудия. Но мира не обманешь. Нюрнбергский процесс исчерпывающе вскрыл, что фашизм — это разгул невиданного, чудовищного террора, это циничное отрицание всякого права. При исполнении запланированной гитлеровцами человекоистребительной программы были лишь действовавшие на основе разделения труда заплечных дел мастера: одни изобретали, другие решали, третьи вешали. Нюрнбергский процесс доказал: фашизм — это профессия палачей.

8. ЗАГОВОРЩИКИ

Трудно сказать, что Нюрнбергский процесс чересчур динамичен: он скорей плавно течет, чем стремительно несется. Но все же колесница правосудия движется, уверенно и твердо движется вперед, к той конечной грани, которой завершается каждое уголовное дело и которая в данном случае имеет особо важное значение, — к приговору.

Пройденный этап, месяц напряженной деятельности Трибунала, ставит на очередь вопрос об общих основаниях, определяющих ответственность главных военных преступников. Исключительно тяжкие обвинения предъявлены подсудимым — в преступной агрессии и в массовых злодействах. Оба эти обвинения опираются прежде всего на общеизвестные и бесспорные факты: война была начата гитлеровской Германией, массовые злодеяния были совершены гитлеровцами. Подсудимые, прикованные уликами, как цепью, к этим фактам, естественно, стеснены в выборе средств и форм защиты. Но чем ограниченнее возможности, тем упорнее усилия. Отбиваясь всеми средствами, вплоть до притворного сумасшествия, от грядущего возмездия, подсудимые стремятся против каждого из двух выдвинутых основных обвинений построить особую защитную версию.

Гитлеровские верхи на глазах всего мира подготовляли начатую Германией войну и руководили ею. Отрицать свое участие в войне Герингу или Кейтелю довольно трудно. Поэтому не [illegible] обвинению, но [illegible] об агрессии, подсудимые [illegible] предоставля[illegible]

адвокатам доказывать, что агрессия — не уголовно наказуемое деяние, сами склонны искать ответа «по существу». Схема этого не лишенного оригинальности ответа такова: война действительно была, подсудимые действительно ею руководили, но агрессии не было: была война оборонительная. Этот «оборонительный» маскарад с предельной ясностью разоблачен предъявленными на суде документами. Вот к примеру резюме совещания с участием Геринга и Кейтеля в ставке Гитлера 16 июня 1941 года, посвященного вопросу о войне на Востоке.

„То, что мы говорим миру о своих планах, —повествует этот документ,—должно быть ограничено фактическими задачами. Мы будем здесь действовать таким же образом, как действовали в случаях с Норвегией, Голландией и Бельгией. В этих случаях мы не оповещали о своих целях, а действовали. Поэтому мы снова будем подчеркивать, что мы были вынуждены оккупировать некоторые районы, устанавливать свою администрацию. Поэтому мы будем делать таким образом, как будто мы хотим только получить мандат. В то же время мы сами должны знать совершенно ясно, что мы никогда не уйдем из этих стран и не освободим их".

Вот она «оборонительная война» в изложении самих гитлеровцев.

С виду несколько сложнее другая защитная версия, выдвигаемая подсудимыми против второго обвинения — обвинения в массовых злодеяниях. Основные факты и здесь не поддаются отрицанию: документально установлено, что нацистами были замучены и убиты миллионы мирных граждан и военнопленных. Экран в зале судебных заседаний показывает концлагери, расстрелы, душегубки, людей, превращенных в утильсырье для выделки мыла и кожи. Судьи, стороны, корреспонденты недвижимы в потемневшем зале. На освещенной скамье подсудимых движение. Они хотят показаться только зрителями, удивленными зрителями, которые готовы, если нужно, быть потрясенными.

В основе этой тактики лежит тот факт, что подсудимые сами не совершали казней. Риббентроп и Розенберг не ездили в качестве шоферов на душегубках. Однако таково ли моральное и правовое значение этого факта, какое хотели бы придать ему главные военные преступники. Для ответа на этот вопрос необходимо учесть следующее.

Гитлеровских главарей, которых судят в Нюрнберге, объединили не скамья подсудимых и даже не обвинительный акт: их давно и крепко связала совместная уголовно-политическая «деятельность». Гесс, Геринг и другие—не кустари-одиночки, творившие черное дело каждый в своем углу. Гесс, Геринг и другие обвиняются в качестве участников заговора против мира, свободы и жизни народов, в качестве членов сплоченной преступной организации, поставившей своей целью подготовку и осуществление военной агрессии и превратившей войну в военизированный бандитизм. Они предстали перед судом как заговорщики. В этом

факте — ключ к установлению ответственности главных немецких военных преступников.

Когда три лица, три соучастника договариваются совершить кражу, то каждый из них выполняет определенную роль: один указывает адрес плохо охраняемой квартиры, другой дежурит у ворот, третий проникает в квартиру и уносит чужое добро. Непосредственно похищает чужое имущество лишь один — последний; однако, по общему признанию, все трое — воры, и любой суд любой страны отвергнет попытку утверждать, что двое первых не крали, так как они сами своими руками чужого имущества не таскали. Когда банда разбойников совершает налет, то несут ответственность за эти налеты и те члены банды, которые в налете непосредственного участия не принимали. Более того: в разросшихся и потому особо опасных бандах участники могут и не знать всех остальных членов банды, и тем не менее они должны отвечать как члены единой банды. Когда же банда достигает исключительных масштабов, когда она оказывается в центре государственной машины, совершает многочисленные и тягчайшие международные преступления, то, конечно, связи и взаимоотношения участников банды осложняются в огромной мере. В Германии действовал очень разветвленный аппарат, слагавшийся из целой системы звеньев («блоклейтеров», «целленлейтеров», «гаулейтеров», «рейхслейтеров»), тянувшихся от руки палача через головы министров к фюреру. Это аппарат мощный, но все же бессильный скрыть основной и решающий факт: в центре всей системы — банда заговорщиков, приводящих в движение весь этот ими оборудованный и выдрессированный механизм.

В течение двенадцати лет гитлеровской власти, в течение шести лет войны они владели и правили Германией, и, оказывается, только теперь на экране судебного зала эти политические девственники заметили, что творилось в Германии и с Германией. Словно не они военизировали Германию для агрессии, гнали германскую молодежь в растленные стойла «Гитлер-югенд», создали армии душегубов — СС, СА, СД — и довели в конце концов своей политикой Германию до полного морального маразма и невиданной государственной катастрофы.

Быть может, никогда ни в одном процессе обвинение не было так далеко от преувеличения виновности подсудимых, как в Нюрнберге, где совершенные злодеяния выходят за пределы измеримого, где суд вершит человечество. Но действительность неумолима. От действительности не уйти, как от самих себя. Факты повелительно свидетельствуют: Майданек и Освенцим, Треблинка и Бельзен, зверства во Львове и Лидице, Смоленске и Риге — это он, фашизм, в действии, это они, подсудимые, в делах своих. Не их руками цветущие области превращались в зоны пустыни и проливалась кровь казненных, но это дело их рук, их организации, их подстрекательства, их руководства. И от того, что в эти злодеяния были вовлечены массы немцев, от того, что, прежде чем на-

травливать своры собак и палачей на невинных, нацисты годами вытравляли совесть и разум у целого поколения немцев, — вина нацистских фюреров не становится меньше.

Устав Международного военного трибунала устанавливает: „Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых преступлений против мира, против законов и обычаев войны или против человечества, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в осуществление такого плана".

Международный военный трибунал создан по воле Объединенных наций, победивших Германию. В этом смысле в Нюрнберге идет суд победителей. Но подлинный смысл нюрнбергского процесса глубже: в Нюрнберге идет суд победившей правды.

9. ЭТАПЫ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Нюрнбергский процесс медленной, но твердой поступью движется вперед. В этом движении имеются черты и особенности, заслуживающие внимания.

Три акта, три документа определяют организацию и деятельность Международного военного трибунала: 1) соглашение об учреждении Трибунала, подписанное в Лондоне 8 августа 1945 года представителями СССР, Америки, Англии и Франции; 2) Устав Международного трибунала, являющийся нераздельной частью этого соглашения; 3) регламент Трибунала, разработанный самим Трибуналом и образующий его, так сказать, «правила внутреннего распорядка». Несмотря на наличие этих трех актов, Трибунал в качестве первого в истории международного уголовного суда, естественно, и сам в процессе своих работ созидает порядок своей деятельности.

Уже свыше трех недель заседает Трибунал, пройдены первые этапы процесса. Своевременно остановиться на некоторых поучительных итогах и перспективах: необходимо взглянуть, каков Устав Трибунала в действии.

Устав Трибунала с большой тщательностью регулирует порядок судебного заседания. Согласно статье 24 Устава, судебное заседание Трибунала начинается, как это имеет место и в советском уголовном процессе, с оглашения обвинительного акта. Это требование Устава было точно выполнено в первый же день нюрнбергского процесса. 20 ноября 1945 года был оглашен обвинительный акт по делу главных военных преступников. После оглашения обвинительного акта наступила вторая стадия процесса, также соответствующая порядку, установленному в советских судах: «Трибунал опрашивает подсудимых, признают ли они себя

виновными». Этот опрос был также произведен Трибуналом в полном соответствии с Уставом.

Далее, согласно Уставу, наступила третья стадия процесса: «Обвинители произносят вступительные речи». Советскому процессу неизвестна вступительная речь прокурора. Такая речь является одной из особенностей англо-американской процессуальной системы и включена в Устав, дабы полнее и лучше разоблачить тягчайшие злодеяния, совершенные главными военными преступниками — Герингом, Гессом, Риббентропом, Розенбергом, Кейтелем и др.

Третья стадия процесса, вступительные речи обвинителей, получила на заседании Трибунала необычное развитие. На этой стадии процесса, начавшейся 21 ноября речью главного военного обвинителя от Америки — Джексона, Трибунал пребывает по сей день и, безусловно, еще будет пребывать и после предстоящего двухнедельного перерыва.

Неизбежно возникает вопрос: почему вступительные речи обвинителей, предусмотренные Уставом Трибунала в качестве одной из очередных стадий судебного заседания, расширились до столь значительных размеров? Причины этого в том, что Устав в действии оказался несколько иным, чем это было намечено соглашением.

Действительно, в ходе судебного заседания предусмотренная статьей 24 Устава «вступительная речь обвинителя» разрослась в целую систему процессуальных действий: сначала произносит речь главный обвинитель (главные обвинители от Америки и Англии говорили каждый по 5 часов); затем выступают 4—5 его помощников, которые дают пространные объяснения к предъявленным ими и частью оглашаемым документам; наконец, имел место в этой же третьей стадии и допрос свидетеля. В результате одна только «вступительная речь» американского главного обвинителя заняла более двух недель. Правда, эту сумму процессуальных действий можно называть «речью» в весьма условном смысле.

Для того чтобы верно оценить эти изменения, рожденные ходом судебного процесса, необходимо учесть следующее. Документы, представленные Трибуналу в дополнение и в обоснование вступительных обвинительных речей, имеют огромное значение. Захваченные большей частью у врага в его тайниках и подземельях или оставленные спешно отступавшими немецкими частями, эти документы вскрывают внутренний механизм гитлеровской агрессии и созданную заговорщиками систему организованного государством бандитизма. Доказательная сила этих документов — стенограмм совещаний у Гитлера, приказов германского главного командования, бесед, подписанных или записанных подсудимыми, — неотразима. В них преступники изобличаются с поличным. Прямой путь ведет виновных от этих документов к... виселице...

Поэтому Международный военный трибунал, обязанный полно и правдиво раскрыть преступления подсудимых, имел доста

точно оснований предоставить обвинителям возможность насытить вступительные речи необходимым документальным материалом.

Иначе должен решаться вопрос о порядке допроса свидетелей. На заседании Трибунала 30 ноября в третью стадию — стадию обвинительных речей — внезапно вплелся допрос свидетеля Лахузена. Спора нет, Лахузен — ценный свидетель, давший убедительные показания, изобличающие Кейтеля, Риббентропа и Иодля. Поэтому не могло быть, конечно, возражений против допроса Лахузена.

Однако Уставом Трибунала предусмотрен определенный процессуальный порядок. Следовательно, каждое процессуальное действие, в том числе и вызов и допрос свидетелей, должно совершаться в соответствии с Уставом в свое время и на своем месте. И то, и другое точно указано: согласно статье 24 Устава, после окончания вступительных речей обвинителей (а не после вступительной речи одного лишь обвинителя) наступает четвертая стадия, когда обвинению и защите предоставляется право ходатайствовать о представлении доказательств и, следовательно, о вызове свидетелей. Как всякая процессуальная норма, и это требование соблюдения установленного законом процессуального порядка имеет серьезное значение.

Действительно, если обвинительные речи будут переплетаться с допросом свидетелей, то не только будет внесена бессистемность в развитие процесса, но осложнится вся работа Трибунала, работа, построенная на согласованном участии представителей четырех государств. При такой системе после оглашения документов и допроса свидетелей первыми главными обвинителями все дело выступило бы в такой мере освещенным и исчерпанным, что затруднилась бы задача обвинителей, выступающих следующими. С полным основанием поэтому допрос свидетеля Лахузена в середине вступительных речей обвинителей рассматривается и Трибуналом и Комитетом обвинителей как исключительный, не допускающий повторения, случай.

Вопрос о свидетелях заслуживает серьезного внимания и в другом отношении. Согласно Уставу Трибунала, свидетели могут вызываться как защитой (или самими подсудимыми), так и обвинением. До настоящего момента широко развернули свою «деятельность» по вызову свидетелей только подсудимые. Так, подсудимый Заукель вызывает 13 свидетелей, Шахт — 10 свидетелей, Франк и Риббентроп — по 9 свидетелей и т. д. Если учесть общее число подсудимых, то приблизительно около 200 свидетелей одной только защиты могут предстать перед Трибуналом. Надвигается не только поток свидетелей, но подлинное наводнение, способное «залить берега» судебного процесса. Необходимо учесть, что имеются свидетели, которые могут представлять интерес для допроса четырьмя обвинителями и всеми 26 защитниками!

Такое загромождение суда свидетелями тем менее обосновано, что подсудимые порой выдвигают свидетелей весьма свое-

образных. Так, Розенберг, возглавлявший разорение и ограбление Украины, просит вызвать двух свидетелей — немецких советников по вопросам советского хозяйства — в доказательство того, что он, Розенберг, провел положительную работу по организации сельскохозяйственных ферм на Востоке. Геринг, один из главнейших организаторов нацистской агрессии, просит вызвать и допросить в качестве свидетелей двух стокгольмских фабрикантов в доказательство того, что он, Геринг, пацифист. Заукель, организатор лагеря смерти в Бухенвальде, просит вызвать свидетелем его жену, фрау Заукель, в удостоверение того, что он пытался освободить из тюрьмы социал-демократов. С тем же основанием подсудимый Штрейхер, палач, погромщик и растлитель малолетних, мог бы просить о вызове свидетелем своей тетки Гертруды в удостоверение того, что он, Штрейхер, в детстве не обижал кошек.

На нюрнбергском процессе главных военных преступников в центре доказательств — документы. Конечно, и при этих условиях подсудимые и защитники не могут быть лишены права вызывать свидетелей, но лишь свидетелей, способных давать серьезные показания по существу предъявленных обвинений. Недопустимо, чтобы вызов свидетелей был превращен в средство тормозить дело правосудия, в орудие судебного саботажа, как об этом, очевидно, мечтают подсудимые.

Нет сомнения, что Международный трибунал разобьет эти пустые мечтания немецко-фашистских преступников и доведет дело международного правосудия до конца.

10. СЧЕТ ВОЛИ И СОВЕСТИ НАРОДОВ

Сегодня перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге выступил главный обвинитель от СССР генерал-лейтенант юстиции Р. А. Руденко. Этого выступления давно ждали за рубежом; этого выступления жадно ждала наша страна, исполненная ненависти к врагам и преступникам, исполненная доверия к закону и правосудию.

Перед советским обвинителем вставала почетная и ответственная задача. «Советский народ на полях битв, не виданных по своим масштабам и ожесточению, стойко и мужественно защищал и защитил честь, свободу и независимость своей родины и вместе с войсками союзных наций избавил свободолюбивые народы от страшной опасности фашистского порабощения». Советский народ в героической борьбе с фашистской агрессией понес большие жертвы. В советской стране впервые прозвучали на весь мир слова об уголовной ответственности преступников войны — слова товарища Сталина в декабре 1941 года. Эти исторические факты обязывают к величайшей требовательности.

Провозглашаемая с мировой трибуны нюрнбергского процесса речь советского обвинителя должна быть на высоте политических проблем процесса, должна быть в полном соответствии с героикой советского народа, в полном согласии с его волей и совестью. Как решена эта задача?

Если следовать точным законам арифметики, то речь главного советского обвинителя тов. Руденко, выступавшего после представителей Америки, Англии и Франции, была последней речью. Однако арифметика — и в этом секрет ее точности — весьма односторонняя: ей доступен лишь язык цифр. Жизнь глубже и неизмеримо разностороннее; абстрактные числовые измерители она дополняет конкретными критериями политики, морали, права. В свете этих критериев речь тов. Руденко приобретает новые качества. Это не была последняя речь. Это была заключительная речь, подведшая яркий и четкий итог содержательным выступлениям всех главных обвинителей. Все, что прошло перед Международным трибуналом в Нюрнберге—политические принципы, правовые проблемы и фактические материалы—нашли свое отражение в речи тов. Руденко. Она вместе с тем ввела в процесс новые идеи и факты. Эта полнота речи советского обвинителя была обусловлена прежде всего ее конструкцией. Задача каждой обвинительной речи заключается в анализе фактов, оценке доказательств и установлении виновности. Тов. Руденко в полной мере разрешил эту задачу. Но его обвинительная речь не этим началась и не в этом себя исчерпала. Нюрнбергский процесс выдвинул ряд общих проблем— политических и правовых. Им прежде всего и посвятил свое внимание советский обвинитель.

«Я приступаю к своей вступительной речи...,—сказал тов. Руденко,—с полным сознанием величайшего исторического значения этого процесса. Впервые в истории человечества правосудие сталкивается с преступлениями такого масштаба. Впервые перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием чудовищных преступлений. Впервые, наконец, в лице подсудимых мы судим не только их самих, но и преступные учреждения и организации, ими созданные, человеконенавистнические «теории и идеи», ими распространенные в целях осуществления давно задуманных преступлений против мира и человечества».

Тем самым нюрнбергский процесс, в ходе работ неизбежно погрузившийся в гущу фактического материала, был речью советского обвинителя вновь поднят на большую историческую высоту.

Однако было бы опасным заблуждением в громадном историческом значении нюрнбергского процесса черпать основания для недооценки его правовых устоев. В Нюрнберге в форме суда над главными военными преступниками осуществляется величайшая победа права над беззаконием и злодейством. Безупречное правовое развитие суда и безукоризненная правовая обоснованность приговора обеспечат нюрнбергскому процессу силу проникнуть

вдаль—в грядущие времена и вглубь—в сердца народов. С полным основанием поэтому представитель советского обвинения анализу правовых проблем процесса отвел самостоятельное место непосредственно вслед за его оценкой исторической.

Тов. Руденко решительно отметает попытки фашистских адвокатов в суде и вне суда оспорить компетенцию Международного военного трибунала судить главных военных преступников: «Как в сфере национальной,—сказал тов. Руденко,—принятый законодательными палатами и надлежаще опубликованный закон есть безусловное и достаточное основание деятельности органов **национальной** юстиции, так в сфере интернациональной заключенный между государствами договор есть безусловное и достаточное законное основание для осуществления и деятельности созданных этими государствами органов интернациональной юстиции... Устав Трибунала существует и действует, и все его предписания имеют безусловную и обязательную силу».

Вместе с тем, и это особенно было подчеркнуто в речи тов. Руденко, Устав Трибунала покоится на принципах и нормах международного права, давно установленных и освященных Гаагской конвенцией 1907 года, Женевской конвенцией 1929 года, Вашингтонской конвенцией 1922 года.

Следовательно, гитлеровцы знали, что совершают злодеяния против мира, свободы и жизни народов, «знали, но надеялись, что тотальная война, обеспечив победу, принесет безнаказанность. Победа не пришла по стопам злодеяний. Пришла полная безоговорочная капитуляция Германии, пришел час сурового ответа за совершенные злодеяния».

Злодеяния гитлеровских орд неисчислимы, и безгранична вина участников заговора против мира, свободы и жизни народов. Обвинительная речь не может пытаться исчерпать неисчерпаемое. Ее задача заключается в отборе, искусном отборе основных и бесспорных фактов, определяющих ответственность заговорщиков. Опираясь на обширный и новый документальный материал: выступление Геринга на совещании с рейхскомиссарами оккупированных областей, на переписку Антонеску с Гитлером, акты Чрезвычайной Государственной Комиссии и др., тов. Руденко вскрывает внутренний механизм фашистской тирании и ее разрушительные последствия.

Впереди танков и самолетов гитлеровцы рассылали свои «идеи». Вот она—фашистская «идеология».

«Я,—говорил Гитлер,—освобождаю людей от отягчающих ограничений разума, от грязных и унижающих самоотравлений химерами, именуемыми совестью и нравственностью, и от требований свободы и личной независимости, которыми могут пользоваться лишь немногие». Избавленные от бремени разума и совести, душевно и морально опустошенные, гитлеровцы начали агрессию против человечества. Нападение на Чехословакию, Югославию и Польшу, агрессия против Франции и Англии явились первыми ак-

гами этой агрессии. Двадцать второго июня 1941 года гитлеровская Германия вероломно напала на СССР. При помощи многочисленных и точных доказательств (план «Барбаросса» и др.) тов. Руденко устанавливает: «То, что произошло 22 июня 1941 года, задумывалось, подготовлялось и планировалось задолго до этого».

Подготовив и осуществив агрессию против свободолюбивых народов, гитлеровцы войну превратили в систему военизированного бандитизма. «Мы, — говорил Гитлер, — должны развить технику обезлюдивания. Если вы спросите, что я понимаю под обезлюдиванием, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц. И это то, что я намерен осуществить... Природа жестока, поэтому и мы должны быть жестокими. Если я могу послать цвет германской нации в пекло войны без малейшего сожаления о пролитой ценной германской крови, то, конечно, я имею право устранить миллионы низшей расы, которые размножаются, как черви». Во исполнение этой программы обезлюдивания, специальные «зондеркоманды» палачей травили советских людей—мирных граждан и военнопленных—в душегубках, расстреливали в лесах и рвах и сжигали в крематориях для живых. Тов. Руденко огласил секретный циркуляр хозяйственного штаба германской армии от 4 декабря 1941 года. В этом циркуляре было указано: «Немецкие квалифицированные рабочие должны работать в военной промышленности; они не должны копать землю и разбивать камни: для этого существуют русские». Циркуляр предусматривает наказания, которым должны подвергаться насильственно вывезенные в Германию лица: лишение питания и смертная казнь «без промежуточных ступеней». Разрушение городов и сел, грабеж явились органическими частями фашистской войны. Тов. Руденко привел весьма поучительный документ—запись речи Геринга на совещании с рейхскомиссарами оккупированных территорий и представителями германского военного командования 6 августа 1942 года. «Вы посланы сюда,—сказал на этом совещании Геринг,—не для того, чтобы работать на благосостояние вверенных вам народов, а для того, чтобы выкачать все возможное... Я намереваюсь грабить и именно эффективно». Так разнузданно буйствовал фашизм, подняв меч против свободы и жизни народов.

«Во имя священной памяти миллионов невинных жертв,—закончил свою речь тов. Руденко, —во имя укрепления мира во всем мире, во имя безопасности народов в будущем мы предъявляем подсудимым полный и справедливый счет. Это счет всего человечества, счет воли и совести свободолюбивых народов».

Строгая по форме, яркая по содержанию и неотразимая по убедительности речь советского обвинителя генерала Руденко подвела итог трехмесячной работе Трибунала. В этом итоге важны не только идеи, факты и улики. Огромное значение имеет и общий политический итог выступлений четырех обвинителей: несмотря на беспрецедентность нюрнбергского процесса, несмотря на различия судебных систем СССР и США, Англии и Франции, несмотря на-

конец, на сложный комплекс международных и дипломатических проблем, связанных с событиями 1939—1941 годов,—в речах главных обвинителей, всех без исключения речах, нашла полное выражение солидарная позиция представителей четырех стран. Этот факт—яркое свидетельство того, что хорошо задуманное соглашение становится огромной политической реальностью, когда стороны исполнены доброго желания и твердой воли к сотрудничеству.

Речь советского обвинителя войдет в историю как твердый призыв к борьбе с разрушительными силами фашистской реакции, как великий призыв к свободе и мирному сотрудничеству наций.

11. НА НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ

Трудно сказать о нюрнбергском процессе, что он стремительно несется вперед. Была осень, была зима, с каждым днем ощутительнее дыхание весны, а нюрнбергский процесс все далек от конца. Но, прежде чем критически оценивать темпы нюрнбергского процесса, нужно учесть его специфику.

Международный военный трибунал—это не просто национальный трибунал в международном масштабе, это очень своеобразно построенный суд. Начнем с основного. В каждом обычном суде вообще бесспорным представляется момент, когда процесс должен быстро начать свертываться. Каждый процесс имеет своей задачей разрешение судебных вопросов, установление виновности, и когда эта задача кажется суду решенной, когда суду все ясно, тогда, казалось бы, можно и прекратить судебное следствие. В Нюрнберге положение таким быть не может. В Нюрнберге нельзя руководствоваться принципом: суду все ясно. Действительно, в Международном трибунале играет первостепенную роль принцип равенства сторон и равного освещения представителями четырех государств одного и того же события. Поэтому бесспорно прав каждый из обвинителей, когда он дает свое полное освещение вопросов, независимо от того, в какой мере эти вопросы уже выяснились на суде.

При разрешении вопроса о темпах суд, и в первую очередь председатель, учитывает не только равные права сторон, но и необходимость в полной мере соблюдать судебную процедуру, предусмотренную статьей 24 Устава Международного трибунала. Было бы ошибкой думать, что Трибунал мало озабочен ускорением процесса. Я присутствовал на одном заседании, которое называлось закрытым — закрытым в условном смысле этого слова: оно было закрыто для широкой публики, но в нем не было ничего тайного, таинственного или засекреченного. На заседании присутствовали и адвокаты, и обвинители, и эксперты. Это совместное засе-

дание было специально посвящено вопросу о том, как помочь ускорению процесса. Сейчас предприняты некоторые меры.

Прежде всего возник вопрос о количестве свидетелей. Свидетелей просят вызвать все подсудимые. И притом в огромном количестве. Трибунал не может и, насколько я смею судить, не должен просто во имя темпов отказать в вызове свидетелей, если ходатайства о вызове убедительны. С другой стороны, он не в состоянии всех их вызывать и выслушивать, ибо это затянуло бы процесс до бесконечности. И был найден, если так можно выразиться, средний путь: во многих случаях свидетель не вызывается на заседания Трибунала, но ему посылается опросный лист, который обычно составляется защитниками. Свидетель дает под присягой показания на месте по этому опросному листу, и опросный лист присылается в Трибунал. Такой порядок, конечно, упрощает дело.

Можно ли сказать, что это равноценно свидетельскому показанию на суде? Конечно, нет. Условная ценность подобных доказательств в полной мере учитывается Трибуналом.

Однако как Трибунал ни планирует свою работу, но все-таки в судебное заседание врываются моменты, которые не всегда можно предвидеть. Чаще всего это возражения сторон. Говорят обвинители, говорят адвокаты. В Нюрнберге это происходит несколько самозванно: подходит адвокат к трибуне и очень вежливо, чуть-чуть отстраняя обвинителя, делает, с разрешения Трибунала, свои возражения. Обвинитель и адвокат нередко обмениваются репликами, начинается дискуссия, она порой требует определения со стороны Трибунала, и таким образом возникает неожиданная затяжка. С другой стороны, подсудимые, реже свидетели, соскальзывают в своих объяснениях на декларации. Подсудимые, получив возможность говорить, не только стараются эту возможность как можно более широко использовать, но и злоупотребляют ею.

Допрос подсудимых явился одним из звеньев той стадии, которая может быть определена как «представление доказательств защитой». Надо было продумать и такой вопрос: если подсудимый вплетается в процесс представления доказательств, то его объяснения необходимо регулировать. Ведь Геринга хотят допросить и защитник Геринга, и защитник Риббентропа, и защита других подсудимых. Может быть, лучше было бы сделать так, чтобы допрашивать Геринга как «свидетеля» по Риббентропу тогда, когда будут разбирать дело Риббентропа. Однако такой порядок слишком замедлил бы движение процесса. Поэтому решено было, начав с Геринга-подсудимого, исчерпать его и в качестве подсудимого, и в качестве «свидетеля» как по его делу, так и по делам всех остальных.

Геринг принял определенную позу и старался ее выдержать. Человек, творивший неслыханные злодеяния, с невинным видом распинался на тему о том, как он заботился о населении оккупированных территорий. В качестве иллюстрации он рассказал, что в

Виннице, где находился штаб военно-воздушных сил германской армии, им был организован... балет для населения. Когда Геринга спросили об его отношении к еврейским погромам в Германии, он «возмущался»: он, дескать, собирал лом в интересах четырехлетнего плана, а Геббельс устраивал погромы.

После вопросов, поставленных ему советским обвинителем, Геринг увял. Эти вопросы касались его отношения к Гитлеру. Все подсудимые стараются разрисовать Гитлера широкими мазками, преувеличивая его значение. По существу это сводится к тому, чтобы переложить ответственность на «фюрера»: пусть он, отсутствующий, за все отвечает.

Герингу был задан генералом Руденко вопрос, ответ на который, к сожалению, был не совсем точно воспроизведен в печати: разделяет ли он расовую теорию? Геринг ответил, что он признает существование отдельных рас, но не признает превосходства одной расы над другой и решительно отрицает существование какой-то избранной расы. По существу это была трусливая попытка отречься от всей идеологии, лежащей в основе фашистской политики.

На суде Геринг неоднократно уверял, что он не разделял позицию Гитлера во многих случаях: по еврейскому вопросу, по вопросу об агрессии против Советского Союза, против Чехословакии, по поводу расстрела английских военнопленных. Тогда советским обвинителем был поставлен вопрос: если он по таким важным и таким многочисленным вопросам расходился с Гитлером, как же он сохранял свое положение второго лица в «Третьей империи»? Геринг не смог ответить ничего вразумительного, он говорил, что присягал Гитлеру и уже поэтому должен был держаться той линии и той политики, которая проводилась «фюрером».

Геринг допрашивался первым, и он в известном смысле дал тон показаниям остальных подсудимых. Но сам он вернулся на скамью подсудимых в удрученном, разбитом состоянии. Он, видимо, в полной мере оценил свое положение в процессе.

Перед судом прошел ряд свидетелей. Прошли наши свидетели, которые произвели особенно сильное впечатление. Это относится и к колхознику Григорьеву и к академику Орбели, который говорил очень остроумно и убедительно. Большое впечатление произвел на судей свидетель-норвежец. Он пережил тяжкие муки в концентрационном лагере в Германии. Он рассказывал, как его терзали, как он потерял сознание, а потом, очнувшись, почувствовал запах горелого мяса. Оказалось, что это горело его собственное тело...

Во время процесса возникло два общих, чрезвычайно интересных и в ходе процесса получивших большое значение вопроса: о преступных организациях и о доказательствах, о силе представляемых суду документов.

Как известно, Трибунал в Нюрнберге вынесет приговор не только в отношении конкретных лиц, но также в отношении организаций, которые обвинение считает преступными: гестапо, СС и др.

В соответствии с этим организации на суде имеют своих особых защитников. Более того. При помощи радио и огромного количества объявлений, распространенных по всем концентрационным лагерям и вообще по всей Германии, а также извещений в печати Трибунал сообщил, что так как гестапо, СС и другие организации могут быть признаны преступными, то их члены могут выступить на суде. Получилось явное недоразумение. Дело в том, что Трибунал ни в коей мере не собирается определять наказание организациям или осуждать членов организаций — это не входит в его компетенцию. Международный военный трибунал, помимо главных военных преступников, никого другого осуждать не намерен. И, по Уставу, он этого не вправе сделать. Трибунал должен лишь решить, есть ли гестапо преступная организация. И это решение ограничивает национальные суды только в одном отношении: они не могут входить в рассмотрение вопроса, преступная ли организация гестапо или нет. Решить же вопрос о виновности того или иного Карла или Фрица, принадлежавшего к этой организации, уже дело национальных трибуналов.

Этот вопрос был недостаточно ясно изложен в объявлениях Трибунала. В результате в Трибунал посылались заявления. Более 50 тысяч заявлений! Получилось сложное положение. Невозможно допросить 50 тысяч лиц, невозможно всех их допустить на процесс в Нюрнберге. Выход был найден такой: Трибунал предоставил право защитникам или их уполномоченным посетить концентрационные лагери и там из всей массы гитлеровцев, подавших заявления, отобрать приблизительно 200 человек и привезти их в Нюрнберг. Из этих 200 уже в Нюрнберге защита совместно с обвинением и Международным военным трибуналом отберет примерно 20 свидетелей. Это мероприятие бесспорно ускорит процесс. Отборочная комиссия уже действует в лагерях, и к тому моменту, когда кончится допрос подсудимых, эти свидетели будут в Нюрнберге.

Другой весьма интересный процессуальный вопрос — это о доказательной силе документов. В Устав Трибунала внесено чрезвычайно существенное правило — статья 21, которая придает несокрушимую силу актам чрезвычайных комиссий, в частности актам нашей Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Трибунал не будет требовать доказательств общеизвестных фактов и будет считать их доказанными. Трибунал будет также принимать без доказательств официальные правительственные документы и доклады Объединенных наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзных странах для расследования военных преступлений. И действительно, во исполнение статьи 21 был представлен ряд документов, в том числе все акты нашей Чрезвычайной Государственной Комиссии, и все они без всяких специальных доказательств приняты Международным военным трибуналом.

Процесс находится в полном развитии. Однако уже предъявляется спрос на его архивы. Поступают требования на материалы нюрнбергского процесса. Есть спрос даже на его... реликвии. Так, например, у Лоуренса исчез его председательский молоток. Говорили, что его похитили любители, чтобы сохранить как историческую реликвию. Потом молоток появился, но оказалось, что это уже не тот! Количество реликвий увеличилось...

Для атмосферы, в которой работает Трибунал, характерно, что при обсуждении всех вопросов, порой при довольно значительном, чтобы не сказать резком, расхождении в мнениях можно констатировать успешное сотрудничество между делегациями. Не случайно поэтому в Нюрнберге зарождается идея создания Международного объединения юристов.

Трудно вообще предусмотреть весь политический, культурный и правовой эффект нюрнбергского процесса. Во всяком случае не ошибутся те, которые думают, что задачи нюрнбергского процесса не исчерпываются расследованием преступлений главных военных преступников и вынесением им приговора. С этой точки зрения кажущаяся медлительность процесса и действительная его продолжительность искупаются тем, что нюрнбергский процесс выполняет чрезвычайно обширные задачи. И прежде всего — задачу разоблачения перед всем миром сущности германского фашизма, его теории, практики и политики, его связей, внутренних и международных.

В Трибунал поступает множество планов, проектов, предложений со всех концов света. Большинство писем и резолюций требует смертной казни для всех главных военных преступников.

В заявлении, полученном Трибуналом от Первого конгресса бывших политических заключенных в гитлеровских концлагерях, состоявшегося в Варшаве 3—6 февраля 1946 года, говорится:

> „От имени миллионов человеческих жертв мы, представители Бельгии, Болгарии, Дании, Испанской республики, Франции, еврейского народа, Люксембурга, Норвегии, Нидерландов, Чехословакии, народов СССР, Югославии, мы, бывшие свидетелями всех этих зверств, требуем смертной казни каждому из главных военных преступников".

Есть письма, выражающие тревогу, как бы тот сугубо объективный тон, в котором ведется процесс, не оказал влияния на приговор в сторону его смягчения. В этой связи могу привести одну беседу с членом американской делегации. Я выразил некоторое недоумение по поводу того своеобразного этикета, который соблюдается в Нюрнберге по отношению к подсудимым, защитникам и т. д. Американец ответил на мое замечание:

— У нас в Америке говорят: «Если судья очень любезен с подсудимым, то подсудимый пропал».

12. ЗАЩИТА, ЕЕ СВИДЕТЕЛИ И ДОКУМЕНТЫ

Защита на нюрнбергском процессе наделена весьма значительными правами. В Уставе Международного военного трибунала специальный раздел, раздел IV, посвящен «процессуальным гарантиям для обвиняемых». Трибунал и прежде всего его председатель принимают все меры к тому, чтобы постановления Устава нашли полное воплощение на суде; однако защита на нюрнбергском процессе сплошь и рядом нарушает Устав. В нелепом предположении, что величайшие в мире преступники должны обладать и сверхмощными средствами защиты, нюрнбергские адвокаты порой переходят границы Устава с той же легкостью, с какой их подопечные переходили границы чужих стран. Это нападение на предусмотренный законом процессуальный порядок наиболее заметно проявилось на новом этапе нюрнбергского процесса, когда началось представление доказательств защитой.

Как и обвинение, защита обратилась к помощи обоих видов доказательств—документов и свидетелей. Конечно, на нюрнбергском процессе, где затрагиваются люди и события двух десятилетий и где «территория» совершенных преступлений—обширные пространства Европы и безбрежные просторы морей, решающая роль принадлежит не свидетелям, а документам. Однако и в Нюрнберге свидетельские показания сохраняют ценность непосредственного и живого слова о событиях большого политического масштаба. Поэтому заслуживают внимания те своеобразные отношения, которые сложились в Нюрнберге между защитниками и ими вызываемыми свидетелями.

По существу неточно различают свидетелей защиты и свидетелей обвинения: правосудию неизмеримо ближе деление свидетелей на достоверных и лживых. Суд со своей стороны принимает все ему доступные меры, чтобы обеспечить правдивость и самостоятельность свидетельских показаний: свидетели торжественно приводятся к присяге, свидетелям регламент Трибунала воспрещает «сговариваться между собой». Но, разумеется, не только отношения свидетелей «между собой» требуют регулирования; еще в большей мере отношения свидетеля и стороны в процессе—свидетеля и обвинителя, свидетеля и защитника — не могут быть предоставлены свободной игре случая, вкусов и настроений.

На нюрнбергском процессе могут быть отмечены факты, которые должны рассматриваться как нарушение надлежащих взаимоотношений защиты и свидетелей. Один из самых отвратительных военных преступников, растлитель малолетних и погромщик Штрейхер, ходатайствует о вызове в суд свидетелей Вюрцбахера, Хельриха и др. Защитник Штрейхера возражает на том основании, что в результате беседы с названными свидетелями он признает их допрос нецелесообразным. Здесь защитник явно производит проверку и отбор свидетелей путем личного предварительного их до-

проса. Таких функций контролера или следователя закон за защитником не признает. Отбор свидетелей при помощи предварительного расследования защитником грозит принять особо значительные масштабы при разрешении вопроса о вызове в суд представителей тех организаций, которые Трибунал может признать преступными.

Своеобразные методы организации защитой допроса свидетелей на суде проявились уже при допросе первого свидетеля защиты генерала Боденшатца, вызванного по ходатайству защитника Геринга д-ра Штамера. Отвечая защитнику Штамеру, Боденшатц беспрерывно заглядывал в свои записи. Начинается перекрестный допрос; его ведет главный обвинитель от США Джексон. Стенограмма допроса повествует о некоторых поучительных фактах. Джексон: «Вы также несколько раз консультировались с доктором Штамером, не так ли?». Боденшатц: «Да, я имел несколько бесед с д-ром Штамером, который ставил мне вопросы». Джексон: «Эти вопросы были вам поставлены несколько времени тому назад, и вы приготовили ответы в письменном виде»? Боденшатц: «Эти вопросы задавались мне ранее, и я мог к ним подготовиться».

Оказывается, таким образом, что была проведена своеобразная генеральная репетиция судебного допроса: защитник до суда ставил Боденшатцу вопросы, свидетель заготовил письменные ответы и ими пользовался на суде при ответах защитнику.

Далее раскрывается еще более разительный факт. Речь идет о совещании в августе 1939 года в Лондоне группы англичан и шведов по вопросам о взаимоотношениях Англии и Германии. Джексон: «Скажите, г-н Далерус был там»? Боденшатц: «Вы спрашиваете, присутствовал ли Далерус?» Джексон: «Да». Боденшатц: «На сто процентов я не могу сказать, что он там присутствовал. Я знаю только, что, когда я говорил с адвокатом, он говорил, что он (Далерус) присутствовал. Но присутствовал ли он там, я не могу точно сказать. Я предполагаю это, так как адвокат д-р Штамер сказал мне, что он там присутствовал. На этом основываются мои показания относительно того, что Далерус присутствовал на этом совещании».

Итак, существенную часть своих показаний свидетель Боденшатц «основывает» на сведениях, почерпнутых у вызвавшего его защитника. Таков «очевидец»—генерал Боденшатц; таков его «первоисточник» — защитник Штамер. Если при использовании свидетельских показаний иные нюрнбергские защитники стали на путь явного нарушения границ законности, то при представлении документальных доказательств многие явно теряют всякое чувство реальности.

В Трибунал поступили и продолжают поступать многочисленные ходатайства защиты о приобщении к делу разнородных документов. При этом сплошь и рядом эти документы имеют весьма отдаленное отношение к делу. Защитник гестапо «почтительно ходатайствует перед Высоким Трибуналом» о приобщении к делу...

книги некоего Макса Иордан «За пределами всех фронтов». «Автор указанной книги,—пишет в своем заявлении защитник гестапо, — отрицает коллективную вину». Опус Макса Иордана кажется защите столь важным для правосудия документом, что защитник предлагает Трибуналу заняться его розыском. «Книга,—любезно подсказывает защитник Трибуналу,—может быть найдена в книжном магазине в Лондоне... она может быть выслана сюда самолетом...».

Защитник СС (т. е. тех частей германской армии, которые непосредственно осуществляли массовые истязания и убийства) ходатайствует перед Трибуналом о приобщении к делу еженедельника «Черные корпуса». «Требуемый документ,—уверяет в своем заявлении защитник,—необходим для того, чтобы доказать, что организация СС проводила последовательную и систематическую пропаганду идеализма». Если бы перед сознанием не вставали образы миллионов замученных жертв, можно было бы сказать, что защитник СС... не лишен юмора.

Нельзя, разумеется, отрицать трудного положения защиты на нюрнбергском процессе: легче найти горошину на дне морском, чем аргумент в пользу гитлеровских убийц. Однако использование защитником доказательств собственного производства или апелляция к... идеализму эсэсовцев не является выходом из положения.

Практикуемые некоторыми защитниками методы служат не делу правосудия, а посторонним правосудию целям осложнения и удлинения процесса. Подобные попытки, конечно, обречены на полный и безусловный провал.

13. НЕОСТЫВАЮЩИЕ ЧУВСТВА

Наступил день всечеловеческого праздника, день первой годовщины разгрома фашистской Германии. Многое в повоенной обстановке продолжает оставаться сложным: выигрыш мира, действительно, оказался задачей нелегкой. Но, каковы бы ни были преходящие события дня, они не омрачат ликующего дня, не ослабят всеобщего и глубокого сознания, что 8 мая 1945 года человечеством и цивилизацией одержана величайшая в истории победа.

Народы, разбившие путем величайших усилий и тяжелых жертв фашистскую тиранию, исполнены непреклонной воли к миру и жгучей ненависти к поджигателям войны. Об этом убедительно свидетельствуют глубокие изменения в политической жизни народов; об этом ярко говорят многочисленные обращения, идущие со всех концов мира в Нюрнберг.

Нюрнберг, где народы творят суд над главными военными преступниками, привлекает всеобщее внимание. За нюрнбергским процессом внимательно наблюдают парламенты и правительства; за

нюрнбергским процессом зорко следят неисчислимые «простые люди», люди, которых война научила простой истине, что судьба войны и мира, свободы и справедливости не где-то далеко, в тайниках за семью замками, а в их собственных руках. Они умирали, простые люди, на войне и теперь, возвратившись к мирному быту, хотят жить в полную меру, активно откликаясь на важнейшие события дня. Нюрнбергский процесс для них—не сенсация и не захватывающий эпилог исторической драмы. Нюрнберг—это вопрос их жизни, их покоя, их борьбы за прочный мир. Они поэтому не склонны пассивно ждать исхода процесса. Они желают сказать свое слово, желают помочь Трибуналу вернее и крепче нанести удар по фашизму.

3—6 февраля 1946 года в Варшаве происходил первый конгресс бывших политических заключенных фашистских концентрационных лагерей. «От имени миллионов человеческих жертв неистового германского фашизма,—провозглашает принятая конгрессом резолюция,—от имени миллионов мужчин, женщин, детей и стариков, погибших в фашистских и германских тюрьмах и концлагерях; от имени тех заключенных, которым удалось вырваться из преступных рук германских и фашистских бандитов; от имени всех тех, кто пострадал и перенес страшнейшую фашистскую диктатуру,... мы обращаемся с ходатайством к Международному трибуналу... мы требуем смертной казни каждого из руководителей гитлеровской шайки...».

В г. Хемнице (Германия) состоялось общее собрание розничных торговцев. Присутствовало более двух тысяч человек. Собрание единогласно приняло резолюцию, требующую сурового наказания военных преступников. Такие требования поступают и от отдельных немцев. Герта Шульте из Крефельда на Рейне пишет главному обвинителю от СССР т. Руденко: «Когда следишь по радио или по газетам за теми материалами, которые Вы и Ваши соотечественники представляете трибуналу, тогда почти совсем лишаешься мужества продолжать жить, как немец. Но ведь это правда, и виновные должны быть уничтожены...».

Герта Шульте испытала много горя: «Мне война, т. е. нацистская партия, принесла большое несчастье. Мои родители, сгоревшие живыми, желали только одного: дожить до того дня, когда прекратится власть коричневорубашечников». Герта Шульте дожила, но то, что она увидела в Германии, освобожденной от нацистского ига, ее глубоко потрясло: нацисты «все сидят еще, как чиновники, в тепле, незапятнанными. Нацистский полицейский В. Рюфер работает сейчас полицейским и контролирует немцев. О да, так выглядят у нас сейчас вещи... Вот уже 12 месяцев прошло по окончании войны, а они (нацисты) смеются над нами, немцами».

Герта Шульте далека от проблем мировой политики. Но то, что она сообщает в своем письме т. Руденко, проливает свет не только на явления внутри Германии, но и на источники этих явлений, на нити, связывающие фашистского полицейского Рюфера с

представителями политической реакции за рубежом. «Сейчас нацисты,—рассказывает Герта Шульте,—уже говорят о войне с Россией и видят в этом выгоду для себя. Но мы, так сильно пострадавшие, должны только молиться, чтобы это никогда не сделалось правдой. Мой трехлетний сын должен по воле божьей жить в лучшие времена, чем его родители...».

Много писем получает советский обвинитель из СССР от наших граждан. Глубоко и просто пишет мать младшего лейтенанта инженерных войск Корнякова Юрия Федоровича в надежде узнать о сыне: «Горе матери неизгладимо... Знаю, что мой сын, если погиб, то погиб за великое дело Ленина—Сталина, за нашу великую Родину, знаю это, но в то же время было бы мне легче это горе переносить, если бы я знала, где именно и что произошло с моим Юрочкой».

В письме, обращенном к «представителям от СССР по обвинению главных немецких военных преступников», гражданин г. Волчанска Харьковской области Круглик Иосиф Данилович пишет: «Не знаю, кто вы по званию и положению, но я знаю, что вы близкие и родные мне. Поэтому я обращаюсь к вам, как к друзьям и соотечественникам моим. С начала и до окончания Отечественной войны я был на фронте. Все, что мог, я отдал делу разгрома немецких захватчиков. Потерял своих родных и родственников: они были народными мстителями и погибли геройской смертью. Мое сердце переполнилось местью. Я поклялся мстить немцам до тех пор, пока они не превратятся в других немцев, в людей... Возможно, мое письмо хотя небольшую роль сыграет в процессе... Это письмо народа, обиженного до глубины сердца. Я полагаюсь полностью на вас, дорогие товарищи. Вам видней, что делать и как поступить. Я свой долг выполнил».

Гвардии капитан Рябоконь (ст. Мальта Иркутской обл.) в письме к тов. Руденко пополняет список обвинений, предъявленных главным военным преступникам. «Убедительно прошу вас, товарищ генерал-лейтенант, — пишет т. Рябоконь, — в дело обвинения всей шайки гитлеровских головорезов добавить ответственность за сотни и тысячи смертей молодых советских граждан. . Мне сообщили, что 9 декабря 1945 года в г. Франкфурте умер от туберкулеза легких мой двадцатилетний брат. До угона на каторгу в Германию он был совершенно здоров, но немцы отняли у него здоровье и жизнь. Таких, как он, с такой судьбой много — пусть и это станет грозным обвинением для гитлеровских гадов, сидящих на скамье подсудимых».

Многие корреспонденты стремятся помочь советскому обвинению и Трибуналу внесением конкретных проектов справедливого наказания фашистских преступников.

Устав Международного военного трибунала не предусматривает формы смертной казни для главных военных преступников. Гражданин Антонов из Москвы пытается заполнить этот законодательный пробел и выдвигает свой план казни военных престу-

ницы. «Близится развязка, — пишет товарищ Антонов, — исторические злодеи ожидают от народов своего приговора... За их тягчайшие злодеяния легка им казнь — виселица... Миллионы убитых, миллионы калек, миллионы несчастных, ни в чем не повинных сирот, неисчислимые бедствия народов лежат на их совести. Преступники заслуживают более тяжелой казни...».

Учительницу К. из Москвы волнуют более глубокие проблемы. «Уважаемый тов. Руденко, — пишет она, — прошу Вас передать Вашим коллегам мое субъективное мнение о том, что судить следует не только главарей немецких преступников...». Источник тревоги старой учительницы не в чувстве мести, а значительно глубже. «Может оказаться, — пишет она, — что опять какая-нибудь сердобольная рука Чемберлена снова протянется их (фашистов) приласкать»...

Эти письма (они идут непрерывным потоком), эти обращения в Трибунал и к главному обвинителю от СССР исполнены глубокого смысла. Иные политические деятели за рубежом торопятся перелистать страницы мира, чтобы вновь посеять тревогу и смуту в международные отношения. Неостывающие чувства народов свидетельствуют о другом. Жертвы войны и преступления войны не забыты; бдительность народов окрепла, а их политическая зоркость возросла. Миллионы глаз простых людей всех стран следят и видят, как частью забытые, а частью намеренно оставленные корни фашизма дают зловещие ростки политической реакции. Оттого, празднуя великую победу, народы караулов мира не снимают; оттого, как бы ни пыжилась мировая реакция, используя старые и новые методы провокации войн, величайшее человеческое сокровище — мир — не беспризорно: его зорко оберегают сердца и руки народов.

14. ПРОЦЕСС ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

8 августа 1945 года в Лондоне представителями СССР, США, Англии и Франции было подписано соглашение об учреждении Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. В тот же день, 8 августа 1945 года, был подписан и Устав Международного военного трибунала. В октябре 1945 года было закончено составление обвинительного акта по делу первой группы главных военных преступников. Таким образом, подготовительная стадия — разработка Устава первого в истории международного уголовного суда и затем изучение и обобщение в обвинительном акте огромного, измеряемого не томами, а тоннами документального материала — потребовала всего трех-четырех месяцев. Как видно, организаторы Трибунала не проявляли склонности к медлительности и пристра-

стия к тормозам не призвали. Позднее положение заметно изменилось.

Осенью, 20 ноября 1945 года, в Нюрнберге начался процесс Геринга, Гесса и др. С тех пор прошло более полугода. Прошли осень, зима, весна. Уже лето в пышном расцвете, а в нюрнбергском «Дворце правосудия» все еще звучат пространные объяснения подсудимых, и доказательства — документы и свидетели, основные и дополнительные, неутомимо сменяют друг друга. В результате у многих создалось психологическое состояние, при котором воспоминание о начале процесса уже способно действовать ободряюще: все в природе, что имеет начало, обретает и конец. Кончится, следовательно, и нюрнбергский процесс. Но когда же, когда?

Было бы заблуждением полагать, что нюрнбергский процесс может развиваться легко и плавно по образу и подобию процессов отдельных стран. Международный трибунал в Нюрнберге идет и должен идти своим особым путем, отвечающим специальным задачам суда над главными военными преступниками. Этот особый путь в известной мере, конечно, неизбежно связан с относительно замедленными темпами. Так, в Нюрнберге, где представлены обвинители от четырех государств и где каждое из них одинаково вправе давать свою оценку фактов и документов, суд, естественно, не может механически пресекать движение процесса решением: «суду все ясно».

С другой стороны, нельзя недооценивать значения и другого факта, который также не способствует бурному движению процесса. Судьба главных военных преступников могла быть решена или политическим актом правительств договорившихся государств, или судом. Судебный путь — всегда путь более медленный. Суд имеет свою логику, свои законы движения, свое законом определенное русло, по которому процесс и должен протекать. Поэтому Трибунал не может произвольно отказывать подсудимым и их защитникам в вызове свидетелей, если допрос этих свидетелей обоснован, или отвергнуть представление документов, если приобщение этих документов диктуется интересами правосудия. Так как нюрнбергский процесс призван не только покарать главных военных преступников, но и нанести удар по фашизму, то полнота расследования приобретает особую ценность: она повышает моральную силу готовящегося удара.

Отсюда совершенно очевидно, что торопливость, чуждая требованиям всякого судебного процесса, была бы особенно неуместна в Нюрнберге. Однако такая опасность — торопливость — вряд ли угрожает Трибуналу. Трудностей в Нюрнберге встает много, притом противоположного характера.

Дело в том, что проблема скорости на нюрнбергском процессе — не проблема вкусов, навыков или политических настроений: это проблема, предусмотренная и решенная законом — Уставом Трибунала. Согласно статье 1 подписанного в Лондоне Устава,

Международный военный трибунал учреждается «для справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников». Далее статья 19 Устава предписывает Трибуналу «применять возможно более быструю и неосложненную формальностями процедуру».

Авторы Устава, конечно, в полной мере учитывали особенности и трудности, связанные с осуществлением координированного суда от имени четырех государств. Им тоже, конечно, хорошо были известны необходимость равноправного представительства сторон и ценность процессуальных форм. Они даже выделили в особый раздел постановления, содержащие «процессуальные гарантии для подсудимых» (раздел IV Устава). Но организаторы Трибунала вместе с тем учитывали и другое: они учитывали, что речь идет о тягчайших злодеяниях и тягчайших преступниках, заливших мир кровью невинных. Они поэтому решительно и четко выдвинули требование быстрого суда. Более того: авторы лондонского соглашения отнюдь не ограничились провозглашением принципа быстрого суда: они с своей стороны все сделали для того, чтобы этот принцип был по Уставу реальным и осуществимым. В этом отношении особенно существенные постановления статьи 21 Устава: «Трибунал не будет требовать доказательств общеизвестных фактов и будет считать их доказанными. Трибунал также будет принимать без доказательств официальные правительственные документы и доклады Объединенных наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзных странах для расследования военных преступлений, протоколы и приговоры военных или других трибуналов каждой из Объединенных наций».

Значение статьи 21 для хода нюрнбергского процесса весьма велико.

Шесть лет на огромных пространствах мира шла война и совершались тягчайшие злодеяния против человечества. Естественно, фактов, документов, свидетелей накопилось неисчислимое множество. Повести суд по лабиринту всех этих материалов значило бы не довести суд до конца и в погоне за всеобъемлющей полнотой потерять в ущерб правосудию чувство реальной действительности. Именно поэтому статья 21 Устава и вводит категории бесспорных доказательств, обобщенных и удостоверенных официальными органами власти. Как в Нюрнберге осуществляются эти принципы?

Нельзя отрицать того, что Трибунал и его искусный и вдумчивый председатель сделали многое в интересах ускорения процесса. Достаточно отметить систему вопросных листов, широко используемую Трибуналом и сокращающую вызов свидетелей. Однако рядом с этими мероприятиями, ускоряющими движение процесса, идут другие, уводящие процесс в сторону длительных судебных дискуссий. Конкретно вторая линия находит выражение в следующем.

В Нюрнберге Трибуналу были представлены обвинителями многочисленные документы и акты чрезвычайных следственных комиссий по делам главных военных преступников. Все эти акты и документы должны в соответствии с приведенной выше статьей 21 Устава приниматься Трибуналом «без доказательств».

В целом ряде случаев Трибунал так и действовал. Однако вскоре обнаружилась иная тенденция: оказалось, что Трибунал принимает официальные акты в качестве бесспорных доказательств лишь до тех пор, пока не поступают возражения защитников. Таким образом, бесспорные доказательства в понимании Трибунала — это доказательства, против которых нет спора. Но ведь совершенно очевидно, что в этом смысле всякое доказательство «бесспорно» и специальные указания статьи 21 теряют всякий смысл. Если следовать такому пониманию, то и общеизвестные факты, предусмотренные статьей 21 (например, нападение Германии на Польшу), могли бы оказаться недостоверными в силу заявления подсудимых или защитников, что им эти факты неизвестны. Подобная возможность оспаривания защитой силы актов, по Уставу не требующих доказательств, оказала печальное влияние на движение процесса.

Плотина, способная сдержать потоки необоснованных ходатайств подсудимых и их защитников, предусмотрительно построенная статьей 21 Устава, была прорвана; в Трибунал поступили заявления защиты о вызове свидетелей в оспаривание не требующих доказательств актов, установленных официальным документом; на эти заявления защиты, естественно, последовали ответные ходатайства обвинителей, и колесо правосудия начало снова томительный бег на месте.

Другое конкретное решение Трибунала, которое трудно отнести к мероприятиям, ускоряющим процесс, связано с вопросом об ответственности преступных организаций. Как известно, Трибунал должен вынести приговор не только в отношении конкретных лиц — Геринга, Гесса и др., но и в отношении организаций — гестапо, СС и др. Разрешение этого второго вопроса — вопроса о преступных организациях — явилось также нелегкой задачей, ибо в Трибунал поступили десятки тысяч заявлений членов организаций, желающих быть в Нюрнберге свидетелями. Трибунал приложил немало труда и искусства, чтобы в той или иной форме преодолеть нашествие «организационных» свидетелей. В результате сложной системы мероприятий (двукратный отбор свидетелей) число свидетелей преступных организаций достигает «всего» нескольких десятков человек. Тридцать членов организаций — это тоже солидный отряд свидетелей, но все же не многотысячная армия, ринувшаяся в Трибунал. Однако, разрешив проблему количества свидетелей, Трибунал, с другой стороны, рассмотрение вопроса об организациях процессуально осложнил: согласно определению Трибунала, допрос «организационных» свидетелей и выступления защиты и обвинения по вопросу о преступных организа-

циях начнутся лишь после окончания прений по индивидуальным делам. Таким образом, намечается следующая «двойная бухгалтерия» судебного процесса: после окончания допроса всех подсудимых и их свидетелей выступят защитники и за ними обвинители, затем по окончании этих судебных прений будут допрошены свидетели организаций и снова выступят по вопросу о преступном характере организаций защитники организаций и затем обвинители. Целесообразность такой сложной, затягивающей дело процедуры вызывает самые серьезные сомнения.

Прежде всего нельзя забывать, что по делу был составлен и оглашен один обвинительный акт, который содержал обвинение и против отдельных лиц, и против организаций. Таким образом создается необычная судебная ситуация: один обвинительный акт и два тура раздельных судебных прений. Ущерб наносится таким образом не только судебной «арифметике», но и судебной логике. Дело в том, что не только обвинительный акт, но и вступительные речи главных обвинителей одинаково касались и индивидуальных подсудимых, и преступных организаций. Трудно понять, каким образом, начавшись с единых вступительных речей обвинителей, судебное следствие затем растекается по двум руслам с двумя рядами судебных прений. В движение процесса этим вводится бесспорное осложнение: выделенные в самостоятельную процессуальную стадию, прения об организациях, естественно, потребуют больше времени; они вместе с тем неизбежно будут содержать реплики по основным речам защитников и обвинителей, реплики, которые Устав Трибунала не предусматривает.

Таковы некоторые сомнения, вызываемые движением нюрнбергского процесса. Конечно, единственно компетентной инстанцией, способной решать вопросы нюрнбергского процесса, является сам Трибунал. Международный военный трибунал бесспорно пользуется заслуженным авторитетом и глубоким доверием всего человечества. Приговора Трибунала ждут народы всех стран. Ждут с естественным нетерпением современники преступлений, совершенных [illegible] военными преступниками. Они желают быть также и современниками их наказания.

15. ПЕРВЫЕ ИТОГИ

На нюрнбергском фронте, где долгое время шла медленная «позиционная» борьба, правосудие, наконец, заметно продвинулось вперед: кончился тянувшийся более трех месяцев допрос подсудимых и их свидетелей, и Трибунал приступил к судебным прениям. Судебные прения — заключительный этап судебного следствия; за ними идут последние слова подсудимых и приговор. Настал поэтому момент подвести первые итоги процесса.

Устав Международного военного трибунала был подписан представителями четырех государств — СССР, США, Англии и Франции в Лондоне 8 августа 1945 года. 8 августа 1945 года, следовательно, — дата рождения первой в истории международной судебной инстанции по уголовным делам. Действовать Трибунал начал позднее — 20 ноября 1945 года в Нюрнберге. Поэтому первый заслуживающий внимания вопрос, каким оказался лондонский устав в действии, — в нюрнбергском исполнении. Здесь важно отметить основное.

При разработке Устава Трибунала в Лондоне советская делегация настойчиво защищала положение, что четыре главных военных обвинителя, представляющих четыре государства — СССР, США, Англию и Францию, должны образовать единый орган — Комитет главных обвинителей, коллегиально решающих основные вопросы процесса. Опыт подготовительных к Нюрнбергу действий, семимесячный опыт нюрнбергского процесса эту позицию в полной мере оправдали: Комитет главных обвинителей оказался жизнеспособным, деятельным и активно движущим процесс органом. К 1 сентября 1945 года в соответствии с указанием Ялтинской конференции был составлен и опубликован список главных военных преступников; своевременно до начала судебного процесса был составлен и передан Трибуналу подробно обоснованный обвинительный акт; наконец, на самом процессе Комитет действует согласованно, нередко один обвинитель выступает от имени четырех, тем самым рационализируя и ускоряя слушание дела. В Комитете обвинителей, несмотря на отдельные существенные расхождения, определилась устойчивая атмосфера взаимопонимания и взаимопомощи в деле расследования и суда над главными военными преступниками. Эта согласованная работа дала весьма значительные результаты.

Обвинением были представлены Трибуналу документы огромной убедительной силы. Среди них необходимо прежде всего отметить дипломатическую переписку и переговоры, которые велись между Германией и ее сателлитами — Румынией, Финляндией и Венгрией. Эти документы неоспоримо удостоверили, что подготовка агрессии против СССР началась задолго до нападения на СССР — 22 июня 1941 года — и велась не только по линии, ныне получившей широкую известность «плана Барбаросса», но и по линии заблаговременной вербовки союзников для войны против СССР. Среди документов, удостоверяющих преступления гитлеровцев против законов войны и человечности, представленных советским обвинителем, центральное место заняли акты и сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии, являющиеся, согласно статье 21 Устава Международного военного трибунала, бесспорными судебными доказательствами. Главным обвинителем от СССР — генералом Руденко были представлены и иные многочисленные документы, рисующие злодеяния заговорщиков. Среди этих документов особо остановила всеобщее внимание запись ре-

чи Геринга, произнесенной им на собрании гаулейтеров в 1943 году и содержавшей открытый, беспредельно циничный призыв к убийствам и грабежам. Этот словесный автопортрет Геринга — яркая и неотразимая против него улика. Это обвинительная речь Геринга против Геринга. Перед Трибуналом прошли многочисленные свидетели. Они осветили и оживили представленный Трибуналу обвинением документальный материал. Глубокие и непоколебимые показания Паулюса, исполненные достоинства и сарказма, ответы академика Орбели, потрясающая повесть о пережитом в немецких лагерях депутата французского Учредительного собрания Марии Клод Вайан-Кутюрье и еврейского писателя Суцкевера — все это останется неизгладимыми свидетельствами злодейств, совершенных гитлеровцами. После выступлений обвинителей начались контратаки защиты.

Более трех месяцев пытались подсудимые и их защитники оспорить силу и убедительность прошедших перед судом документов, фактов, показаний. Для этой цели были мобилизованы разнородные средства. То являлись свидетели, рисовавшие злодея Геринга, погромщика Штрейхера и палача Франка безобидными голубками, исполненными любви к людям. То сами подсудимые, размалевывая Гитлера как политического гиганта, пытались таким путем себя изобразить убогими карликами, кроткими исполнителями чужой воли. С неистощимым терпением Трибунал следил за судебной акробатикой главных военных преступников. С неослабевающей энергией крушило обвинение «доты» и «дзоты», воздвигавшиеся защитой. И потрясающая истина совершенных злодейств все явственней выступала перед миром. К судебным прениям Трибунал пришел вооруженный огромной массой фактов и доказательств.

Нюрнбергский процесс еще не кончен. Еще не прозвучали решающие слова приговора. Но уже можно констатировать бесспорный и ценный политический итог. Несмотря на беспрецедентность нюрнбергского процесса, несмотря на различия судебных систем СССР и США, Англии и Франции, несмотря на сложный комплекс международных и дипломатических проблем, связанных с событиями 1939—1941 годов, несмотря, наконец, на отдельные серьезные расхождения, — в нюрнбергском процессе нашла выражение солидарная позиция представителей четырех стран.

16. ГОД ПРОШЕЛ

8 августа 1945 года на Лондонской конференции представителей четырех государств — СССР, США, Англии и Франции — были подписаны соглашение и Устав Международного военного трибунала. Тем самым 8 августа 1945 года стало знаменательной

датой рождения первой в истории человечества международной судебной инстанции по уголовным делам.

Устав Трибунала разрабатывался в первые медовые месяцы торжества союзного оружия, знамя великой победы реяло над Лондонской конференцией, и единодушным было стремление завершить военный разгром гитлеровской Германии ударами меча правосудия. В течение шести недель Лондонской конференции удалось решить ряд сложных политических и правовых проблем, связанных с организацией новой формы интернациональной юстиции — Международного военного трибунала. Строго оберегая принципы равенства договорившихся сторон, конференция очень быстро определила состав судей Трибунала: каждая из четырех сторон — СССР, США, Англия и Франция — выделяет одного судью и одного заместителя; без прений и без трений выбор председателя был предоставлен самому Трибуналу. На том же принципе равенства был легко организован следственный и обвинительный аппарат Трибунала — Комитет главных обвинителей, индивидуально ведущих оперативную работу (допрос обвиняемых и др.) и коллегиально решающих общие вопросы (составление обвинительного акта и др.). Сложнее были разработки нового понятия, образовавшего основу предъявленного подсудимым обвинения, — понятия международного преступления, но и здесь представители четырех государств скоро нашли общую и всех удовлетворившую формулу — ст. 6 Устава, определяющую международное преступление как преступление против мира, против законов войны и человечности. Наконец, нависали над Лондонской конференцией и другие трудности: процессуальные системы, с одной стороны, СССР и Франции, с другой — США и Англии различны. По англосаксонской системе ведущая роль в суде принадлежит прокурору при относительно пассивном положении суда; в СССР и во Франции прокурор одна из сторон в процессе, который активно ведется судом. Лондонская конференция успешно преодолела и эти трудности. Она мудро отказалась от попытки произвести выбор между двумя системами — англо-американской или советско-французской системами, чтобы затем одну из них, признанную лучшей, положить в основу международного суда. Конференция предпочла иной путь, был разработан особый процессуальный порядок, отвечающий специальным задачам суда над главными военными преступниками. При этом, естественно, Устав Трибунала воспринял лучшие из положений национального права каждого из четырех государств. Так, в атмосфере великого гнева народов, рожденного преступлениями войны и повелительно звавшего к сотрудничеству, без тяжелых родовых мук, появился на международной арене новый суд, появился и в отличие от всех новорожденных в мире немедленно начал жить полной жизнью и действовать: уже в августе начались подготовительные работы к суду, а 20 ноября в Нюрнберге открылся первый процесс главных военных преступников. Задачи, стоявшие перед нюрнбергским процессом, были также

нелегки. В Нюрнберге начался суд не над группой преступников, совершивших разнородные преступления на территории одной страны. В Нюрнберге на скамье подсудимых — банда заговорщиков, превративших государственный аппарат весьма драчливой державы в орудие грабежа, банда, неистовствовавшая на обширных пространствах Европы, банда, принесшая смерть миллионам невинных. Трибунал должен был найти верный путь в этом лабиринте преступлений, не избегая освещения деталей и не теряя общих ведущих нитей. И далее. В Нюрнберге суд идет не над злодеями с примитивной психологией убийц и грабителей, ринувшихся на чужое добро. В Нюрнберге на скамье подсудимых преступники международного масштаба и высокой квалификации: рейхсмаршалы, министры, главнокомандующие. Они взобрались на вершину иерархической лестницы, чтобы убийство возвести в ранг государственного важного дела, а бандитизм избрать основой своих отношений к соседям. Трибунал должен был найти верный путь в этом лабиринте ненасытной лжи, хитрых трюков и циничных измышлений, дабы не допустить засорения процесса материалами, к делу не относящимися, дабы не дозволить подсудимым ловить неясные или спорные между союзниками вопросы. В эти дни, когда пройдены самые значительные этапы процесса—представление документов, вызов свидетелей, показания подсудимых и прения сторон, в этот день, когда история регистрирует первую годовщину лондонских решений, обоснован и своевременен вопрос, как на деле осуществлялись в Нюрнберге идеи и принципы августовского соглашения, каким оказался Лондонский устав в нюрнбергском исполнении. Этот вопрос имеет не только правовую важность, он исполнен также и крупного политического значения. Нельзя пройти мимо того факта, что истекший с момента подписания Устава год был годом сложных политических ситуаций и трудных международных сплетений; в свете событий в Китае, Индонезии, в условиях еще господствующего режима Франко в Испании, уже господствующей «демократии» в Греции нетрудно заметить, что фронт победителей в августе 1946 года обрел новые черты. Реакция, гнездящаяся по обеим сторонам океана, пытается использовать эти изменения, пытается исказить мирный лик человечества, чтобы снова поднять народы против народов. Нюрнбергский процесс является одним из звеньев провокационной политики этих неугасимых поджигателей войны. Подобно преступникам, уже посаженным на скамью подсудимых, подобно Герингу, Гессу и другим, они лелеяли надежду, что единство в правосудии не выдержит длительного испытания, и тогда милитаристская пропаганда получит новое подтверждение в нюрнбергских конфликтах. В Нюрнберге, следовательно, решались не только нюрнбергские вопросы. Прошел год и что же? Жизнь показала лицо правды. Построенный на основе Лондонского устава, нюрнбергский процесс не оправдал ни чаяний реакции, ни надежд подсудимых. Бдительно охраняя процессуальные права подсудимых, Трибунал вместе с

тем решительно пресекал поползновения защиты увести процесс в сторону от его прямой задачи — суда над главными военными преступниками... То замедляя шаг, то изобретая средства ускорить процесс, Трибунал уверенно и твердо шел и идет к завершению своей исторической задачи — к приговору. Трибунал скажет свое слово последним, но оно будет первым в истории словом, которое прозвучит, как грозное судебное предостережение спекулянтам человеческой кровью всех чинов и рангов, ибо приговор Трибунала будет вынесен от имени народов, не только жаждущих мира, но и готовых деятельно его оберегать. Конечно, были разногласия в Трибунале по отдельным вопросам и между судьями, и между обвинителями, но процесс неизменно развертывался по пути, приемлемому для всех четырех сторон.

Особенно в этом отношении поучительна позиция главных обвинителей.

Первые вступительные речи главных обвинителей от СССР, США, Англии и Франции были произнесены в декабре-феврале 1945—1946 годов. В этих речах уже тогда останавливало внимание единство конструкции и обоснования обвинения. Прошло полгода осложненной в различных направлениях международной жизни, и снова выступили — на этот раз с заключительными речами — главные обвинители от СССР, Америки, Англии и Франции; они выступили с единством, не только не расшатанным истекшим периодом, но еще более окрепшим в процессе длительной совместной работы. Оценка лиц и фактов, анализ законов, требование наказания одинаково звучали в речах всех четырех главных обвинителей. Им внимал суд, им внимали представители печати, им внимал весь мир, и все услышали: четыре главных обвинителя — Руденко, Джексон, Шоукросс и Дюбосс говорят одними и теми же устами — устами свободолюбивых народов; в этом значительном факте — не только торжество правосудия, но и торжество идеи международной юстиции, оказавшейся не подверженной разрушительному влиянию реакционных сил и тем самым доказавшей свою безусловную жизнеспособность.

В день знаменательной годовщины история венчает авторов Устава, судей и обвинителей крупными достижениями. Эти достижения показывают, что воля к сотрудничеству и готовность ко взаимопониманию способны обеспечить единство действий.

17. РЕЧИ ЗАЩИТНИКОВ

На нюрнбергском процессе закончились речи защитников. В течение трех недель Трибунал с неистощимым терпением слушал эти речи и, конечно, даст им надлежащую судебную оценку в своем приговоре. Но некоторые общеполитические выводы кажутся уже теперь и нужными и неотложными.

Следует отметить, что лишь в некоторых речах немецких адвокатов сквозило понимание той кровавой трагедии, которая именем германского государства и силами германского народа была организована и осуществлена фашистскими заговорщиками. Так, защитник Зейсс-Инкварта говорил о трудности положения защитника на нюрнбергском процессе, где были вскрыты факты, свидетельствующие о такой бездне падения, что нормальному человеку трудно поверить в реальность всего происшедшего. В соответствии с этим некоторые защитники стремились провести политическую и моральную грань между подсудимыми и германским народом. Так, адвокат растлителя малолетних, погромщика и убийцы Штрейхера, защитник Маркс говорил:

„Пусть приговор в отношении подсудимого Штрейхера будет каким угодно, все равно речь идет при этом лишь о судьбе отдельного человека, но кажется установленным, что германский народ и этот подсудимый никогда не были едины в еврейском вопросе. Немецкий народ постоянно отмежевывался от устремлений подсудимого, которые он излагал в своих статьях... Германский народ сохранил свое собственное мнение и отношение к евреям... Германский народ в своем подавляющем большинстве сохранил здоровый дух и отрицательно отнесся ко всем насильственным действиям. Поэтому он может претендовать на то, чтобы перед мировой общественностью быть объявленным свободным от моральной совиновности и от ответственности за эти преступления. Но решение вопроса о виновности или невинности Штрейхера находится в руках высокого суда“.

Ту же мысль проводил в своей речи защитник Зейсс-Инкварта:

„Как бы ни кончился процесс, у защиты нельзя будет отнять одной заслуги, а именно той, что уже никогда в дальнейшем при обсуждении вопроса о вине германского народа нельзя будет говорить о коллективной вине или коллективном соучастии германского народа, а может быть лишь о коллективном позоре, потому что эти люди, под руководством которых совершались вопиющие злодеяния,—были немцами“.

Как положительное явление можно отметить, что отдельные защитники проявили понимание новых задач, стоящих перед международной юстицией. Так, защитник Нейрата Людингхаузен сказал:

„Впервые в истории должна быть претворена в жизнь мысль об ответственности лиц, виновных в ведении агрессивных войн и создании системы военизированного бандитизма. Эта мысль, которая должна быть претворена в действительность высоким судом, представляет собой нечто совершенно новое в истории международного права... Эта новая мысль была выражена впервые союзными правительствами, в облаченном всей необходимой объективностью и беспристрастном процессе; в этом я и мой подзащитный усматриваем доказательство тому, что этот процесс был вызван в жизнь идеальными стремлениями освободить человечество от бича войны“.

К сожалению, эти отдельные выступления защитников теряются в остальной массе высказываний, юридических конструкций и политических сентенций совершенно иного рода и сорта.

Защитник «второго в империи человека» и первого на скамье подсудимых преступника, защитник Геринга доктор Штамер, дал

следующее общее литературно-политическое оформление преступной деятельности фашистских заговорщиков:

„Цели, поставленные национал-социалистами перед собой, были слишком велики, чтобы их могло достигнуть одно поколение; его революционная эссенция была слишком крепкой. Первые успехи произвели ошеломляющее впечатление".

Таким образом, захватнические планы гитлеровской Германии, планы, построенные на ограблении других государств и истреблении других народов, в трактовке защитника Штамера приобретают великие исторические масштабы, не осуществленные именно в силу их грандиозности.

Другие адвокаты пытались окутать туманом суть дела, играя понятиями добра и зла. Казалось бы, защите положено знать, что злодеяния, совершенные гитлеровцами, злодеяния, глубоко потрясшие сознание и совесть народов, не могут являться предметом спорных этических оценок. Защитники обязаны понимать, что, когда речь идет об убийцах миллионов невинных жертв, кощунственно звучат слова о спорности границ добра и зла.

Между тем, адвокат Зерватиус, защитник работорговца Заукеля, снабдившего германскую военную промышленность шестью миллионами рабов, вывезенных из оккупированных территорий, счел возможным сказать:

„Еще и сегодня подсудимый Заукель не может охватить всего случившегося... Может ли зависеть приговор от того, чему, не зная, служил Заукель—хорошему или дурному. Не существует хорошего или дурного, ибо определение это зависит от того, с какой точки зрения подходить к тому или иному явлению".

Защитник, очевидно, допускает, что кровавые преступления Заукеля можно рассматривать, как доброе дело.

Пытался внести неясность в бесспорные положения также адвокат Заутер, защитник отравителя германской молодежи Шираха, представляющего на процессе, так сказать, идеологический фронт гитлеровской Германии. Он говорил:

„Замечательная мысль для суда, идеальная цель, если суд может считать, что его приговор осуществит заветы человечности... Но в некотором отношении это все же неустойчивый фундамент для нашего приговора, ибо представления о том, что требует или воспрещает человечность, могут быть очень различными в зависимости от народа и даже от установки партии, которая принимает решения".

По конструкции защитника, таким образом, установка гитлеровской партии определяет грани, отделяющие человека от зверя. Следовательно, по мнению защитника, от этой установки зависит признать, что удушение миллионов людей в газовых камерах проникнуто чертами глубокой человечности.

Вопросы религии, казалось бы, лежат за пределами нюрнбергского процесса. Однако некоторые защитники в поисках недостающих аргументов использовали и религиозные мотивы. Защитник

Редера аргументировал в пользу своего подзащитного в следующей лаконичной форме:

„Человек, который верит в бога, не может совершить преступления, а солдат, который верит в бога, не может быть военным преступником".

Неплохой иллюстрацией для этого силлогизма послужил свидетель Гесс, начальник лагеря уничтожения в Освенциме. Гесс признал, что в Освенциме им убито более трех миллионов человек. На вопрос следователя, верующий ли он, Гесс ответил решительно и твердо, что он верует в бога...

Если защитник Редера аргументировал верою в бога, то защитник главы гестапо Кальтенбруннера обратился к ... любви.

„Режим последних лет,—сказал этот адвокат,—имел все, знал все, кроме одного, но так как отсутствовало это одно, то не было всего, ничего не могло удаться. Это волшебное одно—любовь".

Этому адвокату удалось, таким образом, открыть пробел в деятельности гестапо: нехватку любви. После этого открытия никто не посмеет упрекнуть защитника Кальтенбруннера в избытке ума и честности...

Некоторые адвокаты старались изобразить фашистские злодеяния в лирических тонах, как самые невинные и полезные действия. Защитник Штейнбауэр следующим образом живописует один из первых этапов кровавой агрессии гитлеровской Германии — захват Австрии.

„Восточнее Берхтесгадена,—рассказывает защитник,—расположен Оберзальцберг, на высоте 1000 метров, на склоне горы, среди лугов, лесов, у северного подножья Высокого Геля, с его разбросанными домиками и замечательным видом... Здесь, а не на Рейне, не в Тевтобургском лесу и не на берегу Северного моря, Адольф Гитлер устроил свой дом, куда он приезжал, когда хотел отдохнуть от работы в имперской канцелярии. Погруженный в свои мысли, Адольф Гитлер стоит у широкого окна своей виллы, и его взор скользит по полям, долинам и покрытым снегом горам, которые загораются пурпурно-красным светом в лучах заходящего солнца. Страна, охраняющая эти горы,—Австрия."

Так Штейнбауэр рисует историю захвата Австрии: глядел Адольф Гитлер в пурпурную австрийскую даль и — да поймут это праведные судьи — не смог устоять перед соблазнительным ландшафтом.

Унесенный потоком собственного красноречия, защитник взывал к Трибуналу:

„Не судите с гневом, а лучше поищите эдельвейс, который растет под терновником".

Трудно, конечно, было бы Трибуналу внять этому лирическому совету и искать эдельвейсы в Бабьем Яру, Катынском лесу или в Майданеке...

Устав Международного военного трибунала представляет широкие процессуальные права и гарантии подсудимым и их защитникам. Трибунал со своей стороны обеспечил самое широкое осу-

ществление этих процессуальных прав и гарантий. Судебный и общественный долг защиты заключался в том, чтобы представить Трибуналу все доказательства и соображения в пользу подсудимых. Но речь защитника не должна в ущерб правосудию искажать действительность. Защитники не должны использовать трибуну суда для распространения преступных нацистских идей, сюсюкая о любви и эдельвейсах.

Можно не сомневаться, что на приговор Международного военного трибунала не повлияют эти беспомощные потуги отвести правосудие в сторону от суровой правды. Но тем не менее речи защиты на нюрнбергском процессе не могут не вызвать беспокойства. Нюрнбергские адвокаты — представители немецкой интеллигенции. Они знакомы со всеми документами. Перед ними прошла во всей полноте картина страшных преступлений, совершенных их подзащитными. От них ничего не скрыто, они знают все до конца. И если в своих речах они выступают с нацистских позиций, если они не видят состава преступления в делах гитлеровских главарей, — это плохой признак. Он свидетельствует о том, что в определенных кругах германской интеллигенции еще гнездятся остатки воззрений, которые навлекли величайшие бедствия на весь мир, а самую Германию довели до катастрофы.

18. МЕХАНИЗМ ФАШИСТСКОГО ЗАГОВОРА

В эти дни на нюрнбергском процессе в центре общего внимания—вопрос о преступных организациях гитлеровской Германии. Вопрос этот исполнен крупного политического и судебного значения. В нем ключ к пониманию всего механизма фашистского тотального государства. В 1933 году, когда гитлеровцы пришли к власти, во главе Германии оказалась банда заговорщиков, поставившая своей целью завоевание мира. Для того чтобы эта агрессия могла быть начата, недостаточно было планов, бесчестия и кровожадности: нужны были силы, средства, время, нужна была мобилизация всех людских и материальных ресурсов Германии. Поэтому, прежде чем ринуться за рубежи других стран, гитлеровцы, захватив власть, лихорадочно занялись прежде всего завоеванием господства над своим собственным народом, над «избранной» германской расой.

Эта задача не была легкой. Надо было придушить в народе вкус к свободе и волю к сопротивлению, прежде чем подчинить всю Германию—ее школы и театры, заводы, поля, моря и эфир единой цели—агрессии. Надо было приручить миллионы немцев неутомимо кричать «хайль Гитлер», прежде чем предлагать немецким хозяйкам пушки вместо масла.

Заговорщики не задумывались над выбором средств для этой цели. Необузданный террор и сладкий соблазн будто бы дешевым, будто бы плохо лежащим чужим добром составляли тот комбикорм, при помощи которого гитлеровцы травили жизнь и душу немцев задолго до организации газовых камер для других народов.

Однако и террор и демагогия в среде 60-миллионного народа не могли действовать без тесно налаженного государственного аппарата. Гитлеровцы создали этот аппарат. Процесс в Нюрнберге раскрыл его до основания.

В своих объяснениях Трибуналу главные военные преступники—Геринг, Шахт и др. усердно ссылались на то, что их воля и мысль были подавлены огромной властью Гитлера. Конечно, Гитлер обладал значительной властью, «властью деспота», но деспотия не пришла в Германию незваной гостьей; напротив, как было установлено судебным следствием, именно они, Геринг, Шахт, Папен и др., в канун захвата власти, на совещании промышленных и финансовых магнатов, этих подлинных хозяев фашистской Германии, рекомендовали Адольфа Гитлера в качестве дюжего «молодца», годного на роли фюрера. Гитлеровцы при этом вовсе не изобретали так называемого «принципа фюрерства», а следовали опыту своих многочисленных предшественников: ни один заговор не обходился без крутой воли руководителя, ни одна банда—без атамана.

Возведенный волей хозяев в сан фюрера Германии и, таким образом, поднятый на ходули истории, Гитлер не замедлил раздать портфели участникам заговора: за рейхсканцлером цугом на арену выступили министры —«второе лицо» в «Третьей империи» Геринг и все последующие номера. Таким образом, к моменту захвата власти над Германией фашисты располагали двумя мощными звеньями государственного аппарата: верховным правителем и правительством заговорщиков—Гитлером и его кликой. Это была крепко сплоченная, буйная, властная, на все готовая банда, но все же это были лишь верхушечные звенья государственного аппарата. Существовало еще, правда, учреждение, которое по упрямой немецкой традиции продолжало называться парламентом. Но на деле германский парламент, парламент управляемых властью политических манекенов, к этому времени уже представлял собой комедийный элемент в начавшейся глубочайшей трагедии германского народа. Система государственного бандитизма, установленная узурпаторами, требовала иных рычагов и новых прессов власти. Перед заговорщиками стояла задача создать такие связи центра с периферией, такие органы управления, контроля и расправы, которые проникали бы в каждую улицу, переулок и дом, которые держали бы под бдительным надзором каждого немца, то окачивая его репрессиями, то накачивая «идеологией». Эти задачи и были призваны разрешить преступные гитлеровские организации, являющиеся в эти дни предметом судебного разбирательства в Нюрнберге. Обвинительный акт предлагает Трибуналу признать преступ-

ными следующие фашистские организации: правительство фашистской Германии, генеральный штаб и высшее командование германских вооруженных сил, руководящий состав национал-социалистской партии, государственную тайную полицию (гестапо), охранные отряды германской национал-социалистской партии (СС), службу безопасности (СД) и штурмовые отряды. Дабы на деле неуклонно и повседневно осуществлять надзор за жизнью и думами каждого жителя третьего рейха, каждые десять домов имели своего фюрера, блоклейтера, от которого прямая линия поднималась вверх к целлейнлейтеру, ортслейтеру и т. д. до Гитлера. А для того чтобы весь этот преступный комбинат был неразрывно связан с руководящим центром, каждый из заговорщиков был одновременно и фюрером отдельных организаций. Так, Геринг был министром, командующим военно-воздушными силами, уполномоченным по четырехлетнему плану и в то же время верховным руководителем войск СА и генералом войск СС; Гесс—министром, заместителем Гитлера по партии и в то же время генералом войск СС и СА и т. д. Международный военный трибунал не может, конечно, рассматривать дела миллионов членов преступных гитлеровских организаций: этим общеполезным делом занимаются и будут заниматься национальные суды. Международный военный трибунал решает основной общий вопрос—является ли данная организация преступной. Правовые последствия такого решения весьма значительны: если Трибунал признает ту или иную организацию преступной, то национальные суды не вправе ни отвергать, ни оспаривать этого признания. Следовательно, в этом случае судебный суверенитет четырех стран, подписавших Лондонское соглашение, и восемнадцати стран, присоединившихся к этому соглашению, находят ограничение в авторитетном решении Международного трибунала. Ставя, таким образом, перед собой лишь одну задачу — установить преступный характер некоторых фашистских организаций, Трибунал в интересах всестороннего освещения вопроса не только допустил специальных защитников для обвиняемых организаций, но, кроме того, по радио, через печать и специальными объявлениями предложил членам этих организаций заявить о своем желании выступить перед судом. Призыв Трибунала получил неплохой отклик: в Трибунал поступили заявления о вызове в суд от 135 тысяч лиц — гестаповцев, эсэсовцев и других членов преступных организаций, жаждущих быть выслушанными в Нюрнберге. Нюрнбергский процесс легко мог бы захлебнуться в этом потоке свидетелей активистов, если бы Трибунал путем сложной процедуры предварительных допросов не довел количество свидетелей до возможного минимума. Уже три недели эти свидетели по преступным организациям проходят перед Трибуналом.

Эти недели, может быть, менее насыщены фактами и документами, но они не бесплодны. В эти дни механизм фашистского заговора повернулся к свету своей внутренней стороной, личным составом своих основных кадров; предстали перед Трибуналом в

натуре основные фигуры гитлеровского аппарата—обербаннштурмфюреры, группенфюреры и иные прочие фюреры. Их приводили из тюрьмы под конвоем к свидетельскому пульту. Они давали торжественную присягу говорить «правду, только правду» и затем начинали свои повествования.

Это было разительное зрелище. Это был парад лжецов, убийц и клятвопреступников. Безусловные подсудимые в будущем и скоротечные свидетели в Нюрнберге, эти приведенные в суд фюреры полагали, что, пожалуй, еще лучше выступить в роли защитников, и начинали, напрягая все возможности своего интеллекта, славословить перед Трибуналом свои заведения—гестапо, СС, СД; они уверяли, эти средние и выше среднего фюреры, коренники гитлеровской упряжки, что гестапо, СС, СД—почти филиалы академии наук, а гестаповцы и эсэсовцы—законченные образцы непорочности и человеколюбия.

Так, свидетель по делу преступной организации СД, одного из самых отвратительных звеньев гитлеровского аппарата, начальник штаба СД Гопнер утверждал, что СД—научно-исследовательское учреждение. «По отношению к массонам, марксистам и евреям,—уверял Гопнер,—производились исследования с научной точки зрения... Эта задача носила чисто исследовательский характер».

Свидетель обербаннштурмфюрер СС Морген, по профессии палач, с уклоном в лирику красочными чертами почти увлекательно рисовал вид и быт одного из самых зловещих лагерей, организованных гитлеровцами, — лагерь Бухенвальд.

«Лагерь находился,—рассказывал Морген,—в лесной местности, с великолепным пейзажем. Там было очень чисто, все содержалось в большом порядке, большое количество травы и цветов. Заключенные были здоровые, загорелые, получали совершенно нормальное питание... Заключенные имели право свободно переписываться. В лагере была большая библиотека. Были спортивные состязания и даже,—восторженно закончил свое описание Морген,—публичный дом». Таков Бухенвальд, о смертоносном режиме которого писала вся мировая печать, в изложении свидетеля Моргена.

Не следует быть слишком строгим к сути и стилю Моргена. Он бесспорно избегал пятен на бухенвальдском пейзаже, но, очевидно, господин обербаннштурмфюрер герр Морген рая без публичного дома представить себе не мог. О другом лагере, лагере истязаний и убийств Дахау, Морген отозвался, хотя и сжато, но точно и содержательно. «Дахау,—заявил он Трибуналу,—это был дом отдыха». Бесспорно, если бы свидетель при этом имел в виду место вечного отдохновения, он был бы неизмеримо ближе к истине.

Гестаповских свидетелей так неудержимо уносил бурный поток собственной лжи, что порой им удавалось делать Трибуналу действительно оригинальные сообщения.

Так, свидетель Геерман утверждал перед Трибуналом, что гестапо и германская полиция выполняли функции благотворитель-

ных учреждений. На оригинальный вопрос защитника Меркеля: «Скажите, гестапо ведало обеспечением семей заключенных», влюбленный в правду свидетель Гоерман ответил: «Это входило в обязанности главного управления милиции». «Если отдел полиции арестовывал человека и подвергал его превентивному заключению, то этот отдел не только должен был заботиться о семьях арестованных, но и следить все время за тем, чтобы семьи получали пособия».

Конечно, лжецам закон не писан, но все-таки ложь не может быть беспредельной, ее пределы лежат в границах правдоподобия.

Ложь, теряющая черты сходства с правдой, перестает звучать или начинает звучать в противоположном направлении: в такой лжи крупицы обмана и тонны тупоумия.

Такими предстали перед высоким Трибуналом и всем миром руководители основных звеньев механизма гитлеровских заговорщиков—кровожадными, циничными и увесисто тупыми; таковы эти фюреры и «сверхчеловеки», изобретатели душегубок и устроители нового порядка в Европе.

На съезде фашистской партии в 1934 году Гитлер заявил: «Не государство нас создало, а мы создаем государство, возможно, что некоторые нас считают партией, другие организацией, прочие—еще чем-то иным, а в действительности мы являемся теми, кто мы есть». Нюрнбергский процесс показал, чем в действительности являлась фашистская Германия.

Фюрер, окруженный заговорщиками, выступавшими в разных ролях и наименованиях, и заговорщики, окруженные преступными организациями, державшими в своих тисках миллионы германских граждан,—такова была политико-бандитская структура гитлеровской Германии.

Разгромленная на полях сражений, гитлеровская Германия в интересах мира, в интересах самого германского народа должна быть сокрушена во всем ее аппарате, во всех ее частях и звеньях.

19. ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ ЦИФРЫ

(немцы о нюрнбергском процессе)

Американскими властями произведен анкетный опрос среди немецкого населения американской зоны по вопросам, связанным с происходящим в Нюрнберге процессом главных военных преступников. Население опрашивалось: 1) в ноябре 1945 года, то есть вскоре после начала нюрнбергского процесса, и 2) в последние недели. Полученные по анкетам ответы немцев весьма поучительны для оценки политических настроений немецкого населения в настоящее время. Весьма интересны ответы немцев, непосредственно относящиеся к судьбе 21 главного военного преступника,

посаженных на скамью подсудимых. Прежде всего необходимо отметить, что в среднем 80% всех опрошенных немцев ответили, что фашистские фюреры, главные военные преступники, находятся в Нюрнберге под справедливым судом. Был поставлен в анкетах и следующий прямой вопрос: кто из подсудимых, по вашему мнению, невиновен. Последовали следующие ответы: 70% ответили, что все виновны, 9% назвали некоторых, которых они считали невиновными, 1% ответил, что никто невиновен, 20% не высказали никакого мнения. Только 1% опрошенных немцев заявил, что никто из главных военных преступников невиновен. И лишь 9% выделили отдельных подсудимых в качестве невиновных. Из этой группы ответов наибольший процент в пользу Гесса. 5% голосов этой группы высказались за невиновность Гесса, 1% и менее за невиновность Редера, Деница, Кейтеля, Шпеера и Шахта.

Авторы анкеты поставили перед немцами и вопросы, непосредственно относящиеся к мере наказания главных военных преступников. Около половины всех опрошенных ответили, что подсудимым должен быть вынесен смертный приговор. Способа смертной казни ни один из ответов не указывает. Одна пятая часть ответов находит, что подсудимые должны быть приговорены к пожизненному тюремному заключению или каторжным работам. Только один из ста ответов усмотрел смягчающее вину подсудимых обстоятельство в том, что подсудимые выполняли приказы высшей инстанции. Раскололись ответы по вопросу о том, все ли подсудимые должны быть подвергнуты одинаковому наказанию: 37% высказались за одинаковое наказание всех главных военных преступников; 46%—за разные наказания, при этом наиболее тяжкого наказания, по мнению опрошенных немцев, заслуживают Геринг, Штрейхер, Риббентроп, Кальтенбруннер, Заукель, Розенберг и Франк. Авторами анкеты был поставлен специальный и конкретный вопрос в отношении Геринга: какое впечатление произвели на вас показания Геринга о его прежней деятельности? Ответы были даны следующие: 18%—он явно лгал, он не мог не знать о том, что происходило, будучи правой рукой Гитлера; 12%—несмотря на его защиту, он сам нисколько не изменился, был так же плох, как всегда; 9%—он пытался только обелить себя, спасти свою собственную шкуру; 8%—он еще глубже завяз, только еще более запутался, он предал себя; 4% — обилие слов, пустая болтовня. Был поставлен и вопрос о других немецких преступниках. 70% опрошенных немцев полагают, что, помимо 21 главного военного преступника, привлеченных по нюрнбергскому процессу, должны быть привлечены и другие лица, виновные в фашистских злодеяниях. Таковы в основном данные проведенных среди немецкого населения анкет. Значение их особенно выступает в настоящее время, в канун вынесения Международным военным трибуналом приговора по делу 21 главного военного преступника. Нельзя не учесть того факта, что и сами немцы в своем огромном большинстве

(70%) считают всех подсудимых виновными, и при этом более половины опрошенных требуют для всех главных военных преступников смертной казни.

20. У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

В Нюрнберге, где годами неистовствовал Гитлер, вещал Геббельс, елейно заливался Розенберг,—в Нюрнберге заслушано последнее слово подсудимых. Последнее слово—глубоко своеобразный момент судебного процесса. Когда подсудимым предоставляется последнее слово, процесс по существу уже в прошлом.

Как ни безмерны, как ни бесспорны злодеяния главных военных преступников, правосудие и им, которые всю жизнь над правосудием глумились, предоставляет последнее слово. На основании статьи 24 своего Устава Трибунал в субботу 31 августа после девяти месяцев судебного разбирательства выслушал последнее слово главных военных преступников. Подсудимые понимали, что Трибунал—не трибуна нюрнбергского стадиона, что для выступлений на суде не годится привычный набор фашистских «идей» и лозунгов, что им нужно говорить чужими словами, симулируя чужие чувства и копируя чужие мысли. И начался маскарад, бездарный маскарад слов, мыслей и чувств.

Это было поучительное зрелище: охотники за скальпами в роли искателей эдельвейсов. Как всегда, неразборчивые в средствах, они пытались всеми способами проложить тропинку в жизнь, мобилизуя для этой цели бога, историю, международное право, привязанность к детям.

Однако в одном основном вопросе все подсудимые были поголовно единодушны: они ничего не знали о преступлениях против человечности; о Майданеке и Освенциме, Дахау и Бухенвальде они никогда не слыхали. Это была еще одна последняя агрессия, агрессия против правды. Немецкие инженеры и врачи изобретали орудия и средства массового и скоростного истребления людей. Немецкие фабриканты и заводчики развили специальную отрасль человеко-истребительной промышленности. Немецкие архитекторы планировали и строили лагеря уничтожения. Десятки тысяч немецких солдат и офицеров непосредственно занимались убиением невинных. Немецкие зондеркоманды, как псы, обегали, обнюхивали и прочесывали гетто. Дым и смрад крематориев стлался по обширным пространствам оккупированной немцами земли. Награбленное у замученных, истерзанных жертв имущество в плановом и бесплановом порядке расползалось по всей Германии. Кольца, золотые коронки зубов—в кладовые рейхсбанка. Обувь, одежда, детские распашонки—в сундуки бережливых и жадных фрау.

В течение четырех лет, начиная с 1941 года, в мировой прессе, в публичных выступлениях, по радио беспрерывно сообщалось

об организованном гитлеровским государством истреблении народов. Стоном и гневом переполнилась земля. И в это время, оказывается, в центре Германии действовала группа людей, которые о том, что потрясло весь мир, не знали, группа людей, которым только нюрнбергский процесс поведал о кровавой действительности гитлеровского режима.

Кто же они, эти политические девственники, чьи непорочные души не были отуманены трупным дымом фашистских крематориев? Затворники концлагерей, узники гестапо, отрезанные от света и людей? Этими чистехами и незнайками, оказывается, были правители гитлеровской Германии, ее фюреры, министры, гауляйтеры. Это они не знали о том, что было известно миллионам немцев и всему миру.

Свою индивидуальную защиту подсудимые строили необычайно примитивно. Они пытались в последних словах убежать от самих себя, пытались изобразить себя противоположностью тому, чем они были в действительности. Геринг, второе лицо в империи, организатор и руководитель военно-воздушных сил фашистской Германии, заявил в последнем слове: «Я не хотел войны и не способствовал ее развязыванию. Я делал все для того, чтобы предотвратить ее». Глава концерна Герман Геринг, экспортер картин и ковров из Парижа в свою виллу, утверждал, что единственным чувством, которое руководило им, была... любовь к родине.

Розенберг, организатор ограблений и кабального режима в оккупированных немцами восточных районах, в последнем слове утверждал: «Я выступал за улучшение физических и духовных условий существования народов Восточной Европы. Я всеми силами боролся против всякой политики насилия». Шахт жаловался Трибуналу: «Мое чувство справедливости глубоко оскорблено». Однако, почему Шахт, годами равнодушный к злодеяниям гитлеровского режима, внезапно обрел чувствительность мимозы? Оказывается, Шахт был глубоко оскорблен тем, что обвинение отказалось увидеть в нем, создавшем и обеспечившем финансовую базу фашистской агрессии, фанатического пацифиста.

Заукель, чья биография и характеристика уплотненно и четко вмещаются в одном общепризнанном эпитете—работорговец, Заукель в своем последнем слове, следуя тому же приему отскакивания подальше от самого себя, усиленно заверял Трибунал: «В душе и мыслях своих я остался моряком и рабочим. Я не мог быть не кем иным, как социалистом». При этом Заукель, оказывается, был до того рабочим и до того социалистом, что и жену выбрал применительно к своим убеждениям:

— Я был горд и сейчас горд тем,—сказал Заукель,—что моя жена—дочь рабочего, который был социал-демократом и остался таковым.

Профессиональный погромщик, бессменный редактор отвратительного листка «Дер Штюрмер», изо дня в день призывавшего к истреблению евреев, в последнем слове выступил в качестве неза-

конченного сиониста. «Я требовал,—заявил Штрейхер Трибуналу, — создания еврейского государства».

Другая группа подсудимых, мнивших себя более ловкими в словесных турнирах, предпочла строить последнее слово в еще более решительном плане, изображая себя случайными посетителями процесса. Они о себе и своих делах не говорили. Свое последнее слово они посвятили рассуждениям вообще. Министр вооружения гитлеровской Германии Шпеер сделал краткий экскурс в теорию и практику современной военной техники. «Каждому государству,— рассказывал Шпеер,—угрожает сегодня опасность быть терроризованным техникой. Военная техника через пять-десять лет даст возможность проводить обстрел одного континента с другого континента и так далее». Лишь о Шпеере Шпеер ничего не сказал.

Риббентроп, достаточно сообразительный, чтобы не читать общих лекций, и достаточно ориентированный в своей биографии, чтобы не говорить о себе, —Риббентроп построил свое последнее слово по привычному, знакомому ему методу. Жадно улавливая из доступной ему повседневной прессы симптомы новых послевоенных вспышек мировой реакции, Риббентроп заявил: «Сегодня для Европы и мира осталась лишь одна основная проблема—Азия овладеет Европой или западные державы смогут ликвидировать влияние Советов на Эльбе, на Адриатическом побережье, в Дарданеллах. Другими словами, Великобритания и США сегодня практически стоят перед той же дилеммой, что и Германия».

Эффект избранной Риббентропом позиции глубоко разочарует ее автора, — в стенах Трибунала ее защитительная функция равна нулю. Но последнее слово Риббентропа еще раз показало, какая глубокая политическая связь существует между правителями фашистской Германии и теми кругами политической реакции за рубежом, которые на земле, еще не высохшей от пролитой крови, деятельно занялись провокацией новых войн.

По великим законам шекспировских трагедий, в каждую трагическую ситуацию вплетается элемент комедийный. На нюрнбергском процессе в роли комедианта-самоучки выступил в последнем слове Гесс. Он доказывал Трибуналу, что был постоянно окружен сумасшедшими. Люди, окружавшие меня во время моего содержания в плену,— рассказывал Гесс,—вели себя странным и непонятным образом. Можно было сделать вывод, что эти люди находятся в ненормальном душевном состоянии.

В пестрой смеси бреда, симуляции и лжи ближе к истине звучали слова о Гитлере и его режиме. Франк, один из ближайших соратников Гитлера и самых жестоких проводников его террористической политики,—Франк, сам себя до дна разоблачивший в своем дневнике, заявил Трибуналу: «Гитлеровский путь был проклятый путь, путь политических безумств, путь уничтожения и смерти».

Гесс, конечно, не преминул записать Гитлера в сумасшедшие.

— Фюрер в последние годы,—сказал Гесс,—не находился в нормальном душевном состоянии. И целый ряд моих товарищей

говорил мне, что выражение лица и глаз фюрера в последние годы имело в себе нечто ужасное, даже склонное к безумию...

Нюрнбергский процесс вскрыл политический механизм фашистского режима, режима террора и лжи. Нюрнбергский процесс показал в лице многочисленных свидетелей моральный облик основных звеньев фашистского аппарата—группенфюреров, блоклейтеров.

Последнее слово подсудимых завершило разоблачение.

Один за другим подымались со своей позорной скамьи бледнолицые фюреры, чтобы в последний раз поискать путь к спасению от правосудия. Но вместе с ними перед присутствующими вставали видения недавних дней—душегубки, газовые камеры, пулеметные очереди по невинным. И неотступно взывала совесть пусть свершится правосудие, пусть скорее свершится правосудие!

III. ПОСЛЕ ПРИГОВОРА

1. ПРИГОВОР ИСТОРИИ

Пять лет назад, в декабре 1941 года, товарищ Сталин первым в мире заявил о необходимости покарать гитлеровских преступников войны. С тех пор неоднократно правительства, общественные организации, международные конгрессы и, наконец, простые люди, миллионы простых людей всех стран мира, потрясенные злодеяниями гитлеровского государства — палача, требовали возмездия и справедливости. Воля народов нашла свое выражение в Уставе Трибунала. Воля Трибунала в его приговоре. Нюрнбергский приговор — первый в истории человечества приговор международной судебной инстанции по уголовным делам. В нюрнбергском приговоре поэтому останавливают прежде всего внимание те общие идеи и принципы, которые впервые в нем нашли авторитетное признание. Защитники главных военных преступников усиленно твердили, что неправомерно судить за злодеяния, которые Устав Трибунала лишь после войны в августе 1945 года объявил преступными. Заинтересованные в отыскивании юридических «дотов», эти защитники притворились не понявшими того, что огромное и политически-правовое значение Устава Трибунала в том и заключается, что традиционные юридические понятия органически сплелись в нем с новыми, движущими человечество вперед идеями. Мир — величайшая человеческая ценность. В международных договорах много раз провозглашалось, что агрессия преступна. «Убежденные, что наступил момент, — провозгласил пакт Бриана Келлога 1928 года, — отказаться от войны, как орудия национальной политики..., высокие договаривающиеся стороны от имени своих народов торжественно заявляют, что они осуждают обращение к войне для урегулирования международных споров». Эти торжественные заявления, однако, никогда ранее не сопровождались реальными правовыми гарантиями. Впервые Лондонский устав претворил торжественные слова в историческое дело, впервые нюрнбергский приговор угрозу агрессорам сделал реальной: агрессоры у эшафота.

Этот значительный факт обращен не только к прошлому: он предостерегающе и грозно глядит в будущее. Отныне пусть знают все— и те, кто исподтишка под маской миролюбия подрывает основы мира, и те, у кого из-под дипломатического цилиндра зловеще сверкают глаза проповедника агрессии,—пусть знают все поджигатели войны, что, если снова путь народов будет обманно и насильственно повернут к войне, их собственная прямая дорога — на виселицу. В защите нуждается не только мир. Война вовсе не стихия, где господствует необузданный произвол и бескрайние насилия. Гаагская и Женевская конвенции ввели кровавую стихию войны в русло некоторых законов и правил. Эти конвенции установили, что воюющие стороны не вправе убивать военнопленных и мирных граждан, не вправе насиловать и грабить. Гитлеровцы убивали, грабили и насиловали. Гитлеровская Германия превратила войну в систему военизированного бандитизма. Однако, замахнувшись на нарушителей законов и обычаев войны, Гаагская и Женевская конвенции не указали санкций, грозящих за преступления войны. Этот пробел заполнен Лондонским уставом. Впервые Устав Трибунала отчетливо предусмотрел преступления войны и впервые нюрнбергский приговор присудил к смерти главных военных преступников. Ограждая мир от войны и войну от бандитизма, нюрнбергский приговор взял под свою защиту и другую идею, идею, которая всей природой своей противостоит и гитлеровской войне и гитлеровскому режиму, идею, в которой нашло выражение настойчивое стремление народов быстрее и глубже оттолкнуться от кровавой были гитлеровских злодеяний. Это старая и нестареющая идея человечности. Это человечность не индивидуалистическая, исчерпывающая себя в гуманном отношении человека к человеку. Это человечность в отношениях между великими коллективами, человечность в отношениях народа к народу, нации к нации, расы к расе.

Впервые Устав Трибунала ввел в уголовный закон понятие тягчайших международных преступлений, преступлений против человечности, впервые нюрнбергский приговор виновников этих преступлений приговорил к смерти.

Так, органически сочетая старые и новые принципы, Международный трибунал приговорил к смертной казни Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Иодля, Кальтенбруннера, Розенберга, Штрейхера, Фрика, Франка, Заукеля, Зейсс-Инкварта и Бормана за преступления против мира, преступления против войны и преступления против человечности.

Конечно, список главных военных преступников, осужденных Трибуналом, должен был быть полнее. Бесспорно, в деле имеется достаточно оснований для такого вывода. Поэтому судья, представляющий в Трибунале Советский Союз, генерал Никитченко заявил особое мнение с решительными возражениями против оправдания Шахта, Фриче и Папена, против отказа в признании преступными организациями гитлеровского правительства и главного

командования. История должна будет зарегистрировать: Трибунал сделал лишь самое необходимое в интересах покарания главных военных преступников. Необходимо, однако, учесть тот факт, что приговор Трибунала выражает согласованное мнение представителей четырех стран и что, несмотря на различия в оценках и подходах, несмотря на существенные расхождения по отдельным пунктам, все судьи всех стран были единодушны в осуждении верхушки гитлеровской преступной банды и основных гитлеровских преступных организаций: гестапо, руководства фашистской партии и СС. Каждая попытка координированного выступления великих держав в защиту мира неизменно рождает злостное карканье «скептиков», заинтересованных в разжигании международных конфликтов.

Скептики кружились и вокруг нюрнбергского процесса. Заинтересованные более в судьбе подсудимых, чем в защите мира, они усердно распространяли слухи, что разрыв между судьями неизбежен, что нюрнбергский процесс не будет доведен до конца. Нюрнбергский приговор в назидание злостным скептикам всех мастей и рангов показал всему миру жизнеспособность органов международной юстиции.

Приговор вынесен, приговор смерти, он несет в мир жизнь и силы великим идеям демократии и мира. Нюрнбергский приговор — это приговор истории над фашизмом. Нюрнбергский приговор войдет в историю, как призыв к борьбе с разрушительными силами фашистской и фашиствующей реакции, как призыв к мирному сотрудничеству народов.

2. ОБЩЕЕ МНЕНИЕ

1 октября Международный военный трибунал вынес приговор по делу главных военных преступников гитлеровской Германии. Этот приговор, выражающий согласованное мнение представителей четырех стран, войдет в историю, как серьезный удар по фашизму, как внушительное предостережение всем поджигателям и преступникам войны. Вместе с тем на страницы истории будет занесено особое мнение представителя той страны, которая всегда и всюду последовательно и до конца проводит политику защиты мира и демократии, — особое мнение судьи от СССР генерала Никитченко.

Особое мнение советского судьи расходится с приговором Трибунала в отношении подсудимых Шахта и Фриче, Папена и Гесса, а также преступных организаций — имперского правительства и главного командования гитлеровской Германии.

Шахт Трибуналом оправдан.

29 августа 1932 года Шахт писал Гитлеру: «Куда бы моя деятельность ни привела меня в близком будущем, вы всегда можете надеяться на меня, как на надежного помощника».

В том же 1932 году «надежный помощник» начал энергично действовать, крепко связанный с влиятельными промышленными и финансовыми кругами. Шахт в нужный момент, напряженный момент политической жизни Германии, выступил в качестве политического сводни фашистской партии с промышленными магнатами Германии. «Я не сомневаюсь, — писал в эти дни Шахт Гитлеру,— что развиваемые нами события могут привести только к вашему назначению рейхсканцлером. Мы стремимся собрать большее число подписей в промышленных кругах, чтобы обеспечить ваше назначение на этот пост». Позднее, в феврале 1933 года, когда началась предвыборная кампания и фашистская партия испытывала нужду в средствах, Шахт от сбора подписей перешел к сбору денег и передал в распоряжение Гитлера три миллиона марок. Услуги надежного помощника были надлежаще оценены. В 1933 году Шахт был назначен председателем рейхсбанка, а в 1934 году — имперским министром экономики. В качестве руководителя германской экономики Шахт энергично занялся экономической и финансовой подготовкой фашистской агрессии. В 1937 году, подводя итоги этой своей четырехлетней работы, Шахт писал: «Я занимался подготовкой в военном отношении, чтобы не было необходимости в каких-либо преобразованиях в случае развязывания войны». Шахт, следовательно, был тем политиком, который деятельно помог захвату власти фашистами, и тем экономистом, который энергично питал средствами военную машину агрессора. Когда «развиваемые нами события» привели к намеченной цели и началась война, Шахт приступил к грабежам в масштабах, соответствующих его рангу. Шахт на суде сам признал, что лично руководил захватом чехословацкого национального банка. В первый период, период военных успехов в Германии, когда пала преданная и проданная Франция, Шахт поздравлял Гитлера с успешным завершением агрессии. Когда военная обстановка изменилась, изменилась и позиция Шахта. Верный до гроба помощник, угодливо ведший колесницу Гитлера в 1932 году, Шахт в 1943 году после Сталинграда предпочел уйти в сторону от уползавшего в пропасть гитлеровского обоза. Шахт покинул свой пост, глубоко запрятав подаренный ему Гитлером в 1937 году золотой значок партии. Таков Шахт, таковы факты. Трибунал оправдал Шахта. Судья от СССР остался при особом мнении.

Трибунал оправдал Фриче... В «Моей борьбе» Гитлер писал: «При помощи умелого и длительного применения пропаганды можно представить народу даже небо адом и, наоборот, самую убогую жизнь — раем».

Гитлер остро нуждался в мастерах этого политического шулерства. Фриче, подобно Герингу в империи, был вторым лицом в царстве лжи и инсинуаций, в германской печати и радио; ближай-

ший помощник Геббельса, Фриче до 1942 года руководил всей германской прессой, а с 1942 года, по его собственному признанию, сделался «главнокомандующим германским радио». Это он, Фриче, размалевывал гитлеровский ад в германский рай. Это он, Фриче, годами отравлял эфир и слух призывами к агрессии и злодеяниям. Это он, Фриче, выдавал поражение на фронтах войны за германские успехи и еще 7 апреля 1945 года звал немцев к террористической борьбе. Таков Фриче, таковы факты. Трибунал оправдал Фриче, советский судья остался при особом мнении.

Трибунал оправдал Папена... 2 ноября 1933 года благочестивый мошенник и изворотливый дипломат Папен выступил с речью, в которой заявил: «Так же, как 30 января, я был избран судьбой для того, чтобы передать власть в руки нашего канцлера и фюрера, так и сегодня я должен сказать германскому народу: милостивый бог благословил Германию тем, что в дни глубоких страданий он дал ей такого руководителя».

Так, еще в 1933 году бывший рейхсканцлер Папен произнес первую обвинительную речь по делу будущего подсудимого Папена.

Папен отменил закон о роспуске СС и СА и тем самым предоставил гитлеровцам возможность проводить массовый политический террор. Папен подписал 21 марта 1933 года закон об организации специальных судов по политическим делам. Папен принял самое деятельное участие в захвате Австрии и вскоре, 18 апреля 1939 года, как повествует официальный биограф, «Когда фюреру снова понадобились услуги Папена, он был назначен германским послом в Анкаре». Турецкий период деятельности Папена Гитлер отметил «рыцарским крестом» и за «боевые заслуги». Таков Папен. Таковы факты. Трибунал оправдал Папена. Советский судья остался при особом мнении.

Трибунал признал преступными организациями руководство фашистской партии, гестапо, СС — организации, связывавшие гитлеровскую клику с многомиллионной германской периферией, и в то же время отказал в признании преступной организацией самую гитлеровскую клику, представленную в гитлеровском правительстве и главным командованием. Советский судья не мог согласиться с подобным распределением политической и уголовной ответственности и остался при особом мнении. Имя Гесса пользуется столь же широкой, сколько и печальной известностью; Гессу принадлежала исключительная власть во всей гитлеровской системе. «Настоящим, — устанавливало распоряжение Гитлера, — я назначаю Гесса моим заместителем и даю ему полную власть выносить решения от моего имени по всем вопросам партийного руководства». Гесс вместе с Гиммлером был организатором эсэсовско-полицейских организаций, совершавших тягчайшие преступления против человечности. Гессом издан ряд законов, направленных к осуществлению расистской и террористической политики Гитлера («Закон о защите права и чести» от 15 сентября 1935 года и др.). Симуляция сумасшествия не помогла Гессу уклониться от суда и нака-

зания. Но жизнь Трибуналом сохранена преступнику, который с Герингом делил второе и третье место в империи и первое и второе место на скамье подсудимых. Советский судья остался при особом мнении.

Так говорят факты. Так говорили и обвинители. Все четыре обвинителя — Руденко от СССР, Джексон от США, Шоукросс от Англии и Шампетье де Риб от Франции, проведшие весь процесс с непоколебленным единодушием, — все четыре обвинителя на основании материалов предварительного и судебного расследования требовали смертной казни для всех без исключения главных военных преступников, в том числе Шахта и Папена, Гесса и Фриче.

Так говорили обвинители. Так говорит и приговор Трибунала, пока не решается вопрос о виновности.

«30 января 1933 года, устанавливает общая часть приговора, Гитлеру удалось добиться назначения его президентом фон Гинденбургом на пост канцлера империи. Подсудимые Геринг, Шахт и фон Папен очень активно действовали с тем, чтобы заручиться поддержкой для достижения этой цели». Геринг приговорен к смерти, Шахт и фон Папен оправданы; приговор устанавливает: «Подсудимый Розенберг играл ведущую роль в распространении национал-социалистских доктрин от имени партии, а подсудимый Фриче вместе с Геббельсом выполнял такую же задачу от имени государственных органов». Розенберг приговорен к смерти, а Фриче, «выполнявший такую же задачу»,—оправдан. При этих условиях, когда факты неопровержимо изобличают, когда голос обвинения тверд и единодушен, когда самый приговор приводит доказательство виновности, не могло не прозвучать особое мнение, продиктованное жизненной правдой. Конечно, суд не орудие слепой мести. Но не может быть всей правды и там, где судейская зоркость ослаблена усиленными поисками показательного «беспристрастия», где продолжительность процесса становится орудием притупления чувства действительности, когда трагедия миллионов невинных жертв не находит полного ответа в приговоре. Конечно, не может быть суда над совестью и убеждениями судей. Высокий Трибунал под искусным и вдумчивым руководством председателя лорда Лоренса с большой тщательностью выполнил огромную работу. И Трибунал выполнил свой долг в соответствии с убеждениями и настроениями судей. Но народы, нетерпеливо ждавшие удара правосудия по главным гитлеровским преступникам, останутся ли удовлетворенными оправданием Шахта, Фриче и Папена? Когда трое оправданных покинули зал судебного заседания и камеры нюрнбергской тюрьмы, была устроена оживленная пресс-конференция. Бывшие подсудимые в выдержанных фашистских тонах говорили о своих будущих планах. Трудно эти выступления считать торжеством правосудия.

Особое мнение представителя советской страны на нюрнбергском процессе — это особое мнение истории по нюрнбергскому

приговору. Это общее мнение всех тех, кому дорога последовательная и решительная борьба с фашизмом в его старых гитлеровских формах и новых реакционных вариантах. В Нюрнберге мир еще раз убедился: когда должен прозвучать четкий и твердый голос в защиту демократии и мира, говорит представитель советской страны.

Приложение 1

УСТАВ

МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

I.

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Статья 1. В соответствии с Соглашением, заключенным 8 августа 1945 года между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики, учреждается Международный военный трибунал (в дальнейшем именуемый «Трибунал») для справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси.

Статья 2. Трибунал состоит из четырех членов и их заместителей. Каждая из Подписавшихся Сторон назначает по одному члену и одному заместителю. Заместители будут, поскольку они могут, присутствовать на всех заседаниях Трибунала. В случае болезни кого-либо из членов Трибунала или невозможности для него нести свои обязанности по какой-либо другой причине его место занимает его заместитель.

Статья 3. Ни Трибунал, ни его члены, ни их заместители не могут быть отведены обвинителем, подсудимыми или защитой. Каждая из Подписавшихся Сторон может заменить назначенного ею члена Трибунала или его заместителя по болезни или по другим уважительным причинам. Во время судебного процесса член Трибунала может быть заменен только его заместителем.

Статья 4. а) Для наличия кворума необходимо присутствие всех четырех членов Трибунала или заместителей, заменяющих отсутствующих членов Трибунала.

b) Члены Трибунала до начала судебного процесса договариваются между собой о выборе одного из их числа председателем; председатель выполняет свои обязанности в течение этого судебного процесса или так, как будет решено голосами не менее трех членов Трибунала. Устанавливается принцип очередности председательствования на последующих судебных процессах. Однако, если заседание Трибунала происходит на территории одной из четырех Подписавшихся Сторон, то председательствует представитель этой Стороны в Трибунале.

c) За исключением вышеуказанного, решения принимаются Трибуналом большинством голосов, а при разделении голосов голос председательствующего является решающим; однако признание виновности и определение наказания выносятся всегда большинством голосов не менее трех членов Трибунала.

Статья 5. В случае необходимости и в зависимости от количества требующих рассмотрения дел могут быть учреждены другие трибуналы; порядок учреждения, функции и процедура каждого из трибуналов будут тождественны и будут регулироваться настоящим Уставом.

II.

ЮРИСДИКЦИЯ И ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

Статья 6. Трибунал, учрежденный Соглашением, упомянутым в ст. 1 настоящего Устава, для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, имеет право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организаций, совершили любое из следующих преступлений.

Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность:

a) Преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий.

b) Военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления.

c) Преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жесто-

кости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана.

Статья 7. Должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государства или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания.

Статья 8. Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия.

Статья 9. При рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией.

После получения обвинительного акта Трибунал сделает такое объявление, какое он найдет нужным, о том, что обвинение намеревается ходатайствовать перед Трибуналом о вынесении определения о признании организации преступной. Любой член организации будет вправе обратиться в Трибунал за разрешением быть выслушанным Трибуналом по вопросу о преступном характере организации. Трибунал будет вправе удовлетворить или отклонить эту просьбу. В случае удовлетворения такой просьбы Трибунал может определить, каким образом эти лица будут представлены и выслушаны.

Статья 10. Если Трибунал признает ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из Подписавшихся Сторон имеют право привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации. В этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным и не может подвергаться оспариванию.

Статья 11. Любое лицо, осужденное Международным военным трибуналом, может обвиняться на суде национального, военного или оккупационного трибунала, упомянутого в статье 10 настоящего Устава, в совершении другого преступления, помимо принадлежности к преступной группе или организации; по осужде-

нии такой трибунал может наложить на это лицо новое наказание в дополнение к тому, которое было наложено Международным военным трибуналом за участие в преступной деятельности этой группы или организации.

Статья 12. Трибунал вправе рассматривать дела лиц, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст. 6 настоящего Устава, в отсутствии обвиняемых, если обвиняемый не разыскан или если Трибунал по любым основаниям признает необходимым в интересах правосудия слушать дело заочно.

Статья 13. Трибунал устанавливает регламент своей работы. Этот регламент не должен противоречить положениям настоящего Устава.

III.

КОМИТЕТ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ДЕЛ И ОБВИНЕНИЮ ГЛАВНЫХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Статья 14. Каждая из Подписавшихся Сторон назначит главного обвинителя для расследования дел и обвинения главных военных преступников.

Главные обвинители будут действовать в качестве Комитета для следующих целей:

a) согласования плана индивидуальной работы каждого из главных обвинителей и их штата;

b) окончательного определения лиц, подлежащих суду Трибунала;

c) утверждения обвинительного акта и передаваемых с ним документов;

d) передачи обвинительного акта и прилагаемых документов в Трибунал;

e) составления и рекомендации Трибуналу для его утверждения проекта регламента его работы, предусмотренного ст. 13 настоящего Устава. Трибунал вправе утвердить с поправками или без поправок или вовсе отвергнуть этот регламент.

Во всех вышеуказанных случаях Комитет принимает решения большинством голосов; Комитет выделяет из своего состава председателя, как это будет удобно и в соответствии с принципом очередности. Однако при разделении голосов по вопросу об определении лиц, подлежащих суду Трибунала, или преступлений, в которых они будут обвиняться, будет принято предложение той стороны, которая предложила предать обвиняемого суду или предъявить ему определенные обвинения.

Статья 15. Главные обвинители, действуя индивидуально и в сотрудничестве друг с другом, выполняют следующие обязанности:

a) расследуют, собирают и представляют до или во время судебного процесса все необходимые доказательства;

b) подготовляют обвинительный акт для утверждения Комитетом в соответствии с п. «с» ст. 14;

с) производят предварительный допрос всех необходимых свидетелей и подсудимых;

d) выступают в качестве обвинителей на суде;

е) назначают уполномоченных для выполнения таких обязанностей, какие будут им поручены;

f) производят другие действия, которые окажутся необходимыми в целях подготовки дела и производства суда.

Устанавливается, что ни один свидетель или подсудимый, содержащийся под стражей какой-либо из Подписавшихся Сторон, не будет взят из-под власти этой Стороны без ее согласия.

IV.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ДЛЯ ПОДСУДИМЫХ

Статья 16. Для обеспечения справедливого суда над подсудимыми устанавливается следующий порядок:

а) В обвинительный акт включаются все подробности, детально излагающие обвинение против подсудимого.

Копии обвинительного акта и всех документов, направляемых вместе с обвинительным актом, переведенные на язык, который подсудимый понимает, передаются ему заблаговременно до начала суда.

b) При любом предварительном допросе и на суде подсудимый имеет право давать любые объяснения по обстоятельствам выдвинутых против него обвинений.

с) Предварительный допрос подсудимого и судебное заседание будут вестись или переводиться на язык, который подсудимый понимает.

d) Подсудимый имеет право защищаться на суде лично или при помощи защитника.

е) Подсудимый имеет право лично или через защитника представлять на суде доказательства в свою защиту и подвергать перекрестному допросу любого свидетеля, вызванного обвинением.

V.

ПРАВА ТРИБУНАЛА И СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Статья 17. Трибунал имеет право:

а) вызывать свидетелей на суд, требовать их присутствия и показаний и задавать им вопросы;

b) допрашивать подсудимого;

с) требовать предъявления документов и других материалов, используемых как доказательства;

d) приводить к присяге свидетелей;

e) назначать должностных лиц для выполнения указанных Трибуналом задач, включая собирание доказательств по полномочию Трибунала.

Статья 18. Трибунал должен:

a) строго ограничивать судебное разбирательство быстрым рассмотрением вопросов, связанных с обвинением;

b) принимать строгие меры для предотвращения любых выступлений, которые могут вызвать неоправдываемую задержку процесса, исключать какие бы то ни было не относящиеся к делу вопросы и заявления;

c) принимать решительные меры во всех случаях неподчинения требованиям суда и налагать надлежащие взыскания, включая лишение любого подсудимого или его защитника права присутствовать на всех или некоторых заседаниях, однако без ущерба для расследования обвинений.

Статья 19. Трибунал не должен быть связан формальностями в использовании доказательств. Он устанавливает и применяет возможно более быструю и не осложненную формальностями процедуру и допускает любые доказательства, которые, по его мнению, имеют доказательную силу.

Статья 20. Трибунал может потребовать, чтобы ему сообщили о характере любых доказательств перед тем, как они будут представлены, с тем, чтобы Трибунал мог определить, относятся ли они к делу.

Статья 21. Трибунал не будет требовать доказательств общеизвестных фактов и будет считать их доказанными. Трибунал также будет принимать без доказательств официальные правительственные документы и доклады Объединенных наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзных странах для расследования военных преступлений, протоколы и приговоры военных или других трибуналов каждой из Объединенных наций.

Статья 22. Постоянное местонахождение Трибунала — Берлин. Первые заседания членов Трибунала и главных обвинителей состоятся также в Берлине, в том месте, которое будет определено Контрольным Советом в Германии. Первый процесс состоится в Нюрнберге, а последующие процессы состоятся в местах по определению Трибунала.

Статья 23. В каждом судебном процессе участвуют один или несколько главных обвинителей. Функции главного обвинителя могут выполняться им лично или любым лицом, или лицами по его полномочию.

Функции защитника могут выполняться по ходатайству подсудимого любым адвокатом, имеющим право выступать на суде в его родной стране, или любым другим лицом, которое будет специально уполномочено на это Трибуналом.

Статья 24. Судебное заседание проходит в следующем порядке:

a) оглашается обвинительный акт на суде;

b) Трибунал опрашивает подсудимых, признают ли они себя виновными;

c) обвинитель произносит вступительную речь;

d) Трибунал опрашивает обвинителей и защитников, имеются ли у них и какие ходатайства о представлении доказательств, после чего Трибунал выносит определение по этим ходатайствам;

e) допрашиваются свидетели обвинения, а затем свидетели защиты, после чего обвинители или защитники представляют такие доказательства в опровержение доказательств, представленных другой стороной, какие Трибунал признает допустимыми;

f) Трибунал может в любое время задавать любые вопросы любому из свидетелей и подсудимых;

g) обвинение и защита допрашивают и могут подвергать перекрестному допросу любого свидетеля и любого подсудимого, который дает показания;

h) защитник произносит защитительную речь;

i) обвинитель произносит обвинительную речь;

j) каждый из подсудимых вправе выступить с последним словом;

k) Трибунал выносит приговор.

Статья 25. Все официальные документы представляются и все судебные заседания ведутся на русском, английском и французском языках и на языке подсудимого. На язык той страны, в которой заседает Трибунал, может быть переведена такая часть протоколов и судебного заседания, какую Трибунал признает желательной в интересах правосудия и общественного мнения.

VI.

ПРИГОВОР

Статья 26. Приговор Трибунала должен содержать мотивы, на основании которых он вынесен; приговор является окончательным и не подлежит пересмотру.

Статья 27. Трибунал имеет право приговорить виновного к смертной казни или другому наказанию, которое Трибунал признает справедливым.

Статья 28. Трибунал вправе в дополнение к определенному им наказанию постановить об отобрании у осужденного награбленного имущества и распорядиться о передаче этого имущества Контрольному Совету Германии.

Статья 29. В случае осуждения приговор приводится в исполнение согласно приказу Контрольного Совета в Германии; Контрольный Совет может в любое время смягчить или каким-либо

образом изменить приговор, но не может повысить наказания. Если после осуждения подсудимого и вынесения приговора Контрольный Совет получит новые доказательства, которые, по его мнению, дают основание для возбуждения нового обвинения против подсудимого, он сообщит об этих доказательствах Комитету, учрежденному в соответствии со ст. 14 настоящего Устава. Комитет поступит, как он найдет нужным в интересах правосудия.

VII.

РАСХОДЫ

Статья 30. Расходы по содержанию Трибунала и проведению судебных процессов будут покрываться Подписавшимися Сторонами за счет фондов, выделенных на содержание Контрольного Совета в Германии.

Приложение 2

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ПРИГОВОРА

В соответствии с разделами обвинительного заключения, по которым признаны виновными подсудимые, и на основании ст. 27 Устава Международный Военный Трибунал

ПРИГОВОРИЛ:

1. Германа Вильгельма ГЕРИНГА — к смертной казни через повешение,
2. Рудольфа ГЕССА — к пожизненному тюремному заключению,
3. Иоахима фон РИББЕНТРОПА — к смертной казни через повешение,
4. Вильгельма КЕЙТЕЛЯ — к смертной казни через повешение,
5. Эрнста КАЛЬТЕНБРУННЕРА — к смертной казни через повешение,
6. Альфреда РОЗЕНБЕРГА — к смертной казни через повешение,
7. Ганса ФРАНКА — к смертной казни через повешение,
8. Вильгельма ФРИКА — к смертной казни через повешение,
9. Юлиуса ШТРЕЙХЕРА — к смертной казни через повешение,
10. Вальтера ФУНКА — к пожизненному тюремному заключению,
11. Карла ДЕНИЦА — к тюремному заключению сроком на десять лет,

12. Эриха РЕДЕРА — к пожизненному тюремному заключению,

13. Бальдура фон ШИРАХА — к тюремному заключению сроком на двадцать лет,

14. Фрица ЗАУКЕЛЯ — к смертной казни через повешение.

15. Альфреда ИОДЛЯ — к смертной казни через повешение,

16. Артура ЗЕЙСС-ИНКВАРТА — к смертной казни через повешение,

17. Альберта ШПЕЕРА — к тюремному заключению сроком на двадцать лет,

18. Константина фон НЕЙРАТА — к тюремному заключению сроком на пятнадцать лет,

19. Мартина БОРМАНА — к смертной казни через повешение.

Ходатайства о помиловании могут быть поданы в Контрольный Совет Германии в течение 4-х дней после оглашения приговора через Генерального Секретаря Трибунала.

Приговор составлен в 4-х экземплярах — на русском, английском и французском языках. Все тексты аутентичны и имеют одинаковую силу.

Нюрнберг, 1 октября 1946 года.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

I. НАКАНУНЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

1. Дорога злодейства 3
2. Некоторые уроки Версаля 12
3. Стратегия террора 15
4. Стратегия милосердия 19
5. Бесчеловечный гуманизм 24
6. Об уголовной ответственности гитлеровских преступников 27
7. Час настал 31

II. НА НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ

1. В Нюрнберге 36
2. Преступники войны будут наказаны 40
3. Международный Военный Трибунал 45
4. Искатели „юридических щелей" 54
5. Преступные организации гитлеризма 57
6. Тараканы 60
7. Профессия палачей 62
8. Заговорщики 64
9. Этапы нюрнбергского процесса 67
10 Счет воли и совести народов 70
11. На нюрнбергском процессе 74
12. Защита, ее свидетели и документы 79
13. Неостывающие чувства 81
14. Процесс замедленного действия 84
15. Первые итоги 88
16. Год прошел 90
17. Речи защитников 93
18. Механизм фашистского заговора 97
19. Поучительные цифры 101
20. У последней черты 103

III. ПОСЛЕ ПРИГОВОРА

1. Приговор истории 107
2. Общее мнение 119

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Устав Международного Военного Трибунала 114
2. Извлечение из приговора 121

Редактор Д. С. Карев.

Сдано в производство 4. IX 1946 г. Подписано к печати 14. XI 1946 г. Число тип. знаков в одном печ. листе 6000. 7,75 печ. листа.

Г 52998. Типография ВЮА КА. Зак. 318.